

Ангелы и способы производства

Владимир Шалларь

Оглавление

Предисловие	7
Ангельские иерархии и военные машины	10
Плоды духа и дела плоти	10
Фасад Сен-Дени	11
Фронтиспис «Новой науки» Тартальи	11
Теофизика света	12
От небесных иерархий к земному абсолютизму	14
Массовое производство человекоубийства	15
Габсбурги, папы, Фуггеры, Валленштейн, «Симплициссимус»	16
Метафизика денег и теология веры	19
Религия кротости и ее крах	20
Ангелология и политэкономия	22
Апокалипсис	24
Факты и всеединство	26
Мучительное господство исполинов и кроткий агнец. Богословие войны у святителя Димитрия Ростовского	29
О «Летописце»	29
Мифология и политэкономия войны	30
«Война есть зло, хотя бы она была и благословною»	32
Кротость	33
Альтернативные теологии войны	35
Вечное блаженство и «новая этика»	37
Очерк теологии	38
Очерк аскетики	39
Пламя и фаллос	41
Счет и дар	43
Теологический поворот	45
Патриархальная гомосексуальность и авторитарно-милитарный дискурс	47
Общие контуры АМ-дискурса	47
Стихийный ленинизм масс и нигилизм элит	49
«Гей» как центральное означающее АМ-дискурса	50
Психология классовых обществ	51
Наслаждение угнетением	52
Поиметь	52
Симптомы вытесненной религиозности	54

Альтернативы АМ-теологии	55
Деконструкции АМ-демонологии	56
Ленинизм, ангелология и универсальная истина	58
Синдром Крафта	58
Коммунизм	59
Актуализация истины	60
Восемь лет назад	61
Убежище	62
Травматизм истины	64
Ленинизм	65
Партия	66
Сотница об ангелах	69
1. Неуместность ангелов	69
2. Шутка	69
3. Юродство	70
4. Юмор	70
5. Метафизика	71
6. Тавтологии и нонсенсы	71
7. Надкатегориальная бездна	72
8. Экстаз	73
9. Скука — радость — ужас	73
10. Боги	74
11. Рынок	74
12. Пролетарская революция	75
13. Экспериментальная метафизика	76
14. Секуляризм	77
15. Типология метафизик	78
16. Призрак коммунизма	78
17. Религия и классовое расслоение	79
18. Тора	79
19. Бесклассовая истина: христианство	80
20. Бесклассовая истина: амидизм	81
21. Религии, а не религия	81
23. Продуктивное воображение	83
24. Когнитивная подвижность	84
25. Воображаемое — Символическое	84
26. Историчность Логоса	85
27. Антропологические машины	86
28. Бесконечность — насилие	86
29. Хонтология	87
30. Запороговое	88
31. Самопроизводство	88
32. От деятельности к фетишизации ее продуктов	89

33. Монотеизм — фетишизм	90
34. Теория Симфонии	90
35. Империя — Пустыня	91
36. Сакрализация — обожение	91
37. Религиозная десакрализация	92
38. Ангелология как эффект запрета на воображения божества	92
39. Представительство	93
40. Перманентный распад	93
41. Политическая теология	94
42. Радикальность ангелологии	94
43. Хонтологическая меланхолия	95
44. Сколько ангелов уместится на кончике иглы?	95
45. Опустошенная ангелология	96
46. Ангелы в гараже	97
47. Повсеместность блаженных небожителей	97
48. Ангелология как центральная хонтологическая дисциплина	98
49. Порно	99
50. Практики взаимодействия с демоническими образами	99
51. Массовая культура ужасов	99
52. Проблема Санты	100
53. Утопии и апокалипсисы	100
54. Ужас и торжество	101
55. Ангелология как социология	102
56. Экстаз-Эрос	102
57. Воображение как метод ангелологии	103
58. Воспламенение воображения	104
59. Абсолютные индивидуалии	104
60. Политическая ангелология: Василий Великий	105
61. Политическая ангелология: Иоанн Златоуст	106
62. Насилие демонов	108
63. Фашизм	109
64. Извращенные и жертвенные тела	110
65. Конец армии?	111
66. Торжество тьмы	111
67. Две формы ангелологии	112
68. Бог, Царство Божье, Материя	113
69. Плоская онтология	113
70. Лес	114
71. Клинаменическая онтология	114
72. Морок детерминизма	115
73. Моноплюрализм	116
74. Мир как сосуществование	116
75. Диалектика отчуждения	117
76. Коммунизм как аттрактор эволюции	119
77. Телесность	119

78. Диалектический материализм	120
79. Ангелы и материя	121
80. Самовозникновение мира	122
81. Диалектика бессущности	122
82. Анархическая онтология	124
83. Энергии	125
84. Восточнохристианская деконструкция метафизики	125
85. Три блока духовной практики	126
86. Антропологические тренды	127
87. Война как антропологический тренд	127
88. Фаллологоцентризм	128
89. Ангелы в содоме	129
90. Жертвоприносительный механизм	129
91. Жертвоприносительная структура мышления	130
92. Жертвоприносительная структура социума	130
93. Жертвоприношение в текстах Маркса	131
94. Война как жертвоприношение	131
95. Новости	132
96. Лестница сдерживания	132
97. Атомное православие	132
98. Теургия	133
99. Арт-анархо-коммунизм	134
100. Конец и Богу слава	134

Посвящается Дине.

Предисловие

Всякий текст историчен, т.е. обусловлен своим контекстом: написан конкретным автором в конкретных обстоятельствах. «Большой контекст» этой книжицы принято называть «постсовременностью», дискурсивная формация которой прозвана «постметафизикой». К «постметафизике» относится семейство таких теоретических начинаний, как новейшие материализмы, объекториентированные, темные и плоские онтологии — семейство, кое автор (в том числе, помимо прочего) имеет ввиду в своей книжице, что не означает солидаризуется.

Постметафизика есть мышление постсовременности, а эта последняя есть межвременье (безвременье?), в котором осуществляется переход от классического капитализма, сгоревшего в мировых войнах и масштабных социально-экономических трансформациях первой половины XX века, к грядущему посткапитализму — каким бы он ни был. Различия постметафизических теоретических начинаний суть различия между виртуальными траекториями движения к посткапитализму. Иначе говоря, в современной философии мы имеем дело с разными проектами посткапиталистического будущего, располагающимися в спектре от Глобальной Гибели человечества, киберпанковской антиутопии некоего нового классового, но уже не капиталистического общества, до той или иной модели Утопии. Постметафизическое мышление — «надстройка» того, что в «социально-экономическом базисе» есть переход к посткапитализму. Что философски есть постметафизика, то социально-экономически есть посткапитализм.

К этой череде «пост...» добавим последнее: постсекулярность. Модерный разум был разумом секулярным, а эпоха модерна — временем торжествующего атеизма/материализма/позитивизма, периодом «бегства богов». Разум порожденного ею субъекта закономерно оказался секулярным. Постметафизика, понятая религиозно, фиксирует время, когда на место старых богов еще не пришли новые, т.е. время, как отмечал Хайдеггер, религиозно нищее вдвойне. В таком контексте постсекулярность обозначает не «возвращение религии», а ожидание пришествия грядущих богов (иначе понятая постсекулярность есть «продвинутая секуляризация» — захват последних остатков религиозности секулярными логиками, когда подлинная религиозность нашего (без)времени может быть только без-божной). Неопределенность по поводу перспектив посткапиталистического общественного устройства соответствует отсутствию четких представлений о грядущей религиозности. При попытке помыслить ее в ход идет и апокалиптика Глобальной Гибели, и столь любимые современным мышлением лавкрафтианские монстры, и даже ангелы, на которых ставит автор этой книжицы.

Итак, всякое мышление, отвечающее постсовременной эпохе, имплицитно или эксплицитно — мышление посткапиталистическое и постсекулярное. Однако все эти «пост...» задают лишь общие рамки для свободного разворачивания совершенно

различных теоретических, социально-экономических и религиозных начинаний. В силу причин, изложить которые не позволяет ограниченный объем предисловия (но которые отчасти изложены в приведенных здесь текстах), постсекулярность своей постметафизики мы разворачиваем в виде восточнохристианской теологии, а ее посткапиталистичность — в форме либертарного марксизма (теоретического проекта «либертарной теологии»).

«Узкий контекст», повлиявший на написание этой работы — начало военной операции РФ в Украине. Текст «Ангельские иерархии и военные машины», написанный для сайта «Предание.ру», был попыткой осмыслить феномен войны в рамках либертарной теологии. Эссе «Мучительное господство исполинов и Кроткий Агнец», впервые опубликованное на том же сайте, представляет собой разбор одного конкретного случая восточнохристианского осмысления войны, каковой оказывается также попыткой ответить на вопрос: как возможна онтология мира (мирности, не-войны) при существовании войн, отсутствия мирности?

«Вечное блаженство и “новая этика”», написанный для журнала «Эгалитэ», единственный из всех, вошедших в эту книжицу текстов, создан до СВО. В нем исследуется блаженство и наслаждение как сердцевина, смысл и цель (коммунистических) восточнохристианских духовных практик. Если «война» образует один полюс этой книжицы, то «блаженство» — другой.

В статье «Патриархальная гомосексуальность и авторитарно-милитарный дискурс», опубликованной в том же журнале, как становится ясно из названия, анализируется идеология РФ военного времени и выявляется ее непристойное ядро.

Опыт осмысления причин неспособности российских либертарных сил остановить развязанную государством войну и раскрытия «универсальности» отстаиваемых ими истин стал текст «Ленинизм, ангелология и Универсальная Истина».

Александр Мигурский, предложивший собрать все эти тексты вместе, заметил, что их объединяет некая единая ангелологическая интуиция, и предложил эксплицировать ее в финальном тексте. Так появилась «Сотница об ангелах».

«Ангелология» — это имя альтернативы войне, имя онтологии мирности, имя материализованной Универсальной Истины. Вместе с тем ангелология есть теологический аналог-альтернатива новым онологиям — притом самая «религиозная», откровенно «фантастическая» часть теологии. В этом смысле демонстрация проекта политической ангелологии открывает путь к либертарной теологии как таковой. Таким образом, «Сотница об ангелах» замыкает, итожит всю череду вышеназванных текстов, и предлагает общий очерк либертарной теологии с ее посткапиталистическими и постсекулярными аспектами.

Автор бесконечно благодарен коллективам «Предание.ру», «Эгалитэ» и отдельно Александру Мигурскому за возможность его мысли сбыться в виде книги. Все ее недостатки — только и исключительно ответственность автора.

Все перечисленные тексты написаны в светлом присутствии Дины — ей автор и посвящает эту книжицу в сознании полной невозможности выразить свою любящую благодарность.

Насколько бы ни была абстрактна, теоретична, «объективна» философия, философствует всегда конкретный экзистирующий субъект. Самая отвлеченная, сколь угодно спекулятивная мысль несет на себе отпечаток исторических обстоятельств, в которых она была сформулирована — и дата/подпись под метафизическим трактатом как раз напоминает о том, что какой бы высокой метафизикой вы ни занимались, вы смертное существо, брошенное в поток времени, со всеми своими специфическими ограниченностями, слабостями, болезнями, невротами, грехами — со всей той нелепой, смехотворной бессмыслицей, каковой является наша жизнь или во всяком случае — жизнь автора. Так, например, средневековые мыслители нередко ставили в конце или начале своих текстов такую подпись: «Я, недостойный обо всем этом писать» — и этот жест был не просто литературным этикетом, а диктовался «пост-модернистским» пониманием, что всегда будет несоответствие между смертными, ограниченными существами и «божественными вещами», о которых они пишут. Это неустранимое несоответствие в ситуации этой книжицы необычайно утяжеляется страхом, горем, сочувствием, виной, стыдом, бессилием, отчаянием от той ситуации, к которой принадлежит автор — ситуации СВО. Наша книжка, повторим, — попытка осмыслить эту ситуацию изнутри, но чрезвычайно трудно, а, впрочем, наверное, и не нужно — отмежеваться от признания ее полной неуместности. Или, может быть, именно в этой ситуации старые банальности про «юдоль плача», «смертный удел», «греховность» имеют шанс приобрести необычайную — и непосредственно политическую — актуальность.

Владимир Шалларь

Недостойный писать о предметах этой книжицы.

Октябрь 2022 года. Подмосковье, Восточная Европа, охваченная катастрофой.

Ангельские иерархии и военные машины

Культура необозрима. Необозримы протекающие в ней процессы, векторы возможного развития, события, логики, артефакты, их взаимосвязи. Реальность — «предмет» культуры — потенциально неисчерпаема, а если мы верим, что ее исток кроется в божественном, тогда ее «предмет» и актуально бесконечен.

Этот текст, сравнивающий такие разные вещи, как собор Сен-Дени и трактат Тарталья, пытается высветить некое отношение между храмом и войной — готической архитектурой Средневековья и первыми подступами к конструированию военных машин модерна, — чтобы перейти потом к ангелологии, эсхатологии и политэкономии Булгакова, наемным войскам и наличным деньгам. Этот текст рожден интуицией, что здесь кроется нечто важное для нас и наших историко-культурных, социально-политических судеб.

Плоды духа и дела плоти

Богослужение есть производство определенного типа субъекта — спасенного человека, обожженного существа. Военная машина модерна, напротив, служит средством производства массового человекоубийства — уничтожения тех самых существ, коим, по Василию Великому, отдан приказ стать богами. Так, благодаря развитию военной техники, формированию капиталистической экономики и рождению централизованных государств, в начале Нового времени Божественный Приказ перекрывается совсем иными приказами.

Однако эта антитеза имеет под собой и нечто большее. «Массовое смертоубийство» ведь есть массовое жертвоприношение, то есть некое кощунственное культовое действие, некое сатанинское «богослужение» — отправление культа «отца лжи и человекоубийцы от начала». Церковь воинствующая ведет войну с духами злобы, властями, престолами, мироправлением тьмы века сего, руководствуясь Духом Святым, Чьи плоды суть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. Эти плоды — полная противоположность делам плоти, каковы суть вражда, ссоры, гнев, распри, разногласия, ненависть, убийства и тому подобное.

Таким образом, «Храм» есть нечто, способствующее плодоношению Духа, Его «культуре». «Война» же — очевиднейшее из дел плоти, «культуры демонов», по выражению Мережковского.

Фасад Сен-Дени

Прихожанина (или паломника — но не туриста, не потребителя «достопримечательностей») первого готического собора Сен-Дени (Париж, XII век) встречает сразу некая историософия, историческая теология, запечатленная на его фасаде. Еще не входя в собор, прихожанин должен осознать свое место и роль в истории — в Священной Истории, участниками которой мы все являемся.

На левом портале фасада Сен-Дени мы находим знаки зодиака — символ космического, астрономического времени, нашей включенности в историю мира, в «небесную механику». На правом портале — изображения месяцев, сезонных работ: символы вплетенности труда человека в природные циклы. Это — «естественное», циклическое время, в свою очередь вплетенное в линейное время, в Историю.

Линейное понимание времени, как известно, — «изобретение» Библии: не время природных круговращений, а время поступков, решений, актов свободы, событий. Символам этого времени посвящено большинство изображений фасада.

На правом портале — сцены из жития мученика Дионисия Парижского, почитавшегося первым епископом Парижа. Римская империя — в лице своих солдат — обезглавила его на Монмартре (холме мучеников), откуда св. Дионисий пронес свою отрубленную голову в руках до места, где будет возведен Сен-Дени. Фасад собора тем самым отсылает своего прихожанина к героическому прошлому Церкви, дает образец поведения и вменяет определенную социологию: святой — жертва Империи, ее «силовых структур». Не власть и силу почитает Церковь, но их жертв. Мы так привыкли к этому, что не замечаем: по всему земному шару эта странная еврейская религия понастроила храмы в честь «мучеников» — то есть жертв репрессий, в честь казненных, брошенных зверям, сожженных, обезглавленных и так далее.

Обезглавленный святой, распятый Бог: не сила, но жертвенность; не власть, но кротость; не война, но мир.

На центральном портале фасада Сен-Дени мы обнаруживаем символы настоящего и будущего. Будущее символизировано сценой Страшного суда, где Царь мира — то есть Тот, Кто Сам был некогда казнен, — будет судить всех нас. Всякий входящий в собор тем самым помещается между прошлым и будущим, ему говорят: ты — часть истории, что завершится Судом Христовым. В прошлом — образец мученичества Дионисия Парижского, и этим образцом следует руководствоваться в ожидании Суда Распятого Бога. «Небесная механика» и наши труды суть элементы этой истории: все в нее включено.

Участие в истории самого прихожанина символизируется изображением мудрых и неразумных дев. Эти девы суть фигуры выбора, который мы совершаем в каждый момент своей жизни. Выбора, предопределяющего нашу участь на Христовом Суде.

Фронтиспис «Новой науки» Тартальи

Совсем иную символику находим на фронтисписе «Новой науки» Никколо Тартальи — трактата по баллистике 1537 года, одного из важнейших документов раннего модерна. В нем заложены основания новоевропейской науки, математического есте-

ствознания (Галилей подхватит и закончит дело Тарталья). Тарталья искал способы усовершенствования артиллерии в целях более эффективного человекоубийства. Трактат Тартальи — граница между антично-средневековой наукой и наукой новоявленной, и граница эта перейдена буквально с помощью пушек, чье изображение мы и видим на фронтисписе «Новой науки».

«Новая наука» — это, собственно, баллистика. Тарталья понимает, что происходит что-то странное — «новое», не бывшее раньше в христианском мире. Он пишет, что работать в направлении такого искусства вредно для ближнего и разрушительно для человечества: это достойно Божьего наказания. Автор поэтому-де сжег первоначально свою работу. Автор-де был в грусти и стыде, работая над столь ужасным предметом — наукой человекоубийства. Но теперь, «когда волк пытается напасть на наше стадо», он не может-де больше молчать и все-таки трактат свой публикует.

Упомянутый им «волк» — это Османская империя. Налицо типичнейшая ксено-расиализация другого: «своих» убивать все-таки грешно, но вот турок — сколько угодно. С этого момента для «христианского» мира открывается период военных экспериментов. Брешь в христианской этике проделана. Грех убийства не считается таковым, если жертвой насилия пал другой, представлявший опасность для твоего народа. Все, что будет дальше, общеизвестно: принцип допустимости насилия распространится не только на «чужих», но и на «своих». Позже это назовут «колониальным бумерангом», подразумевая, что механики человекоубийства, отрабатанные «христианским человечеством» на «других», непременно в дальнейшем будут применяться к собственному населению (так, впервые концлагеря появились в европейских колониях).

Помимо пушек, фронтиспис трактата Тартальи украшают большой и малый круги антично-средневековых наук. В большой (нижний) круг читателя впускает Евклид. Там его ожидает мудрость арифметики, геометрии и астрономии. Войти в малый (верхний) круг предлагает Аристотель. В нем заключена божественная мудрость философии. Такова классическая антично-средневековая модель наук. Как же здесь найти место для «новой науки» Тартальи? Среди почтенных старцев, символизирующих науки, мы неожиданно видим дымящиеся пушки и летящие ядра: храм антично-средневековой мудрости еще стоит, но уже скоро будет натурально разбомблен. Тарталья проводил эксперименты, долженствующие показать закономерности полета и падения артиллерийских снарядов: так рождалось экспериментальное естествознание, являющееся, по Лосеву, мифологией бессмысленного и обезбоженного не «космоса», не «мира», а пустоты, наполненной детерминированными атомами. Здесь больше не найти ни форм, ни энтелехий, ни ангелов, ни Небес, ни Бога. Люди тоже станут такими же «атомами» в обезбоженном мире — и прежде всего на войне.

Теофизика света

Но и архитектура Сен-Дени — своего рода трактат о природе реальности. Святой Дионисий, о котором упоминалось ранее, — не только парижский мученик, но и тот Дионисий, что упоминается в Книге Деяний, и тот, что возьмет его имя в качестве псевдонима, — Дионисий Ареопагит, исследователь ангельских иерар-

хий, Божественных Имен и мистической теологии. Сен-Дени служит материальным воплощением комплекса созданных им духовных «наук» — комплекса, что будет вытеснен в дальнейшем «новой наукой».

Мысль Дионисия строится на решении довольно сложных теологических и философских вопросов, касающихся природы бытия. Например, каким образом Бог может присутствовать в мире, взятом как целое, и одновременно быть включенным в каждый миг его существования? Как миру удастся быть чем-то единым, являясь совокупностью противоречащих друг другу вещей и явлений? Дионисий предлагает в качестве объяснения образ стройного гармоничного целого, вбирающего в себя вещи не подчинением, а притяжением Божественного Эроса. По Дионисию, мир — «иерархия», т.е. некая умная красота, в которой Бог есть и само ее единство, и связь между моментами существования, и источник бытия каждого мгновения. Бог есть Светоносная Тьма, Непознаваемый Мрак, чей Свет отражается в бесчисленных зеркалах ангельских сил: некая теофизика света, некая теокосмология. Сен-Дени построен по открытым ею законам.

Витраж — один из основополагающих элементов готики: творение, пронизываемое Божественным Светом. Камень, символизирующий грубость, дебелисть материи, должен впустить в себя простор и свет, сам стать светом. Такова цель готики, ее «экспериментальная физика».

В основе готической архитектуры лежат определенные технологии, при помощи которых создавались огромные витражи, тонкие стены, высокие потолки и внутренний простор, разомкнутый к Свету. Средневековые мастера распределяли вес («дебелисть», плотность/плотность) огромного здания через сложную систему внешних укреплений: материя (тварность) не уничтожается, а онебесивается; не противопоставляется духу, а сама одухотворяется. Грациозные и полные света готические церкви — это не что иное, как спасенная, обоженная материя. Готическое зодчество есть как бы аскеза: дебелию плоти мира соединяют с Божеством.

Элемент этой аскезы — решение проблемы веса здания с помощью сложной системы боковых контрфорсов, как бы освобождающих готический собор от собственного веса, — вынесен за стены собора и связан с ним с помощью аркбутанов. Перераспределение веса через аркбутаны и контрфорсы позволяет возводить очень высокие, тонкие стены, а также устанавливать огромные витражные окна. Вместе они образуют знаменитую готическую «воздушность». Кроме того, для более свободной проектировки сводов используется стрельчатая арка. Чем она выше, тем меньше «боковой распор» — еще одно средство перераспределения веса здания, его аскезы. Тем же целям служит нервюра — выступающее ребро готического собора.

Инженерные решения служат чисто богословским целям: богословие полагает архитектуру. Материя спасается, одухотворяется, истончается, позволяя свету проникнуть в себя, чтобы самой стать подобной свету, подобно тому, как это описано в Ареопагитиках.

Тут человеческий разум, земные вещества используются в возведении чего-то такого, что мыслилось как актуальное преображение в Боге. Но люди перестанут строить такие «обоживающие устройства» и начнут развивать архитектуру бастионной фортификации — наряду с линейным строем пехоты, огнестрельным оружием, артиллерией.

Военный бастион и готический храм — идеологические аппараты, служащие конструированию разных социальных тел. Потому их возможно анализировать не только с позиций физики и зодчества, но и социологии. Как указывает византист Сергей Аверинцев в своей статье «Наша философия», подлинной интеллектуальной новацией христианского учения следует считать именно социальную философию: Дионисий и Августин в качестве принципиально нового элемента привносят в неоплатоническую философию социальность (Град Божий, ангельские иерархии).

От небесных иерархий к земному абсолютизму

Социология религии позволяет нам описать богослужение как своего рода машину, воспроизводящую определенный — в нашем случае христианский — социум. Витражи, благовония, пение и так далее — элементы этого аппарата, чья работа производит «Церковь воинствующую». В истории имел место даже «крестовый поход соборов» — своеобразный социальный феномен, когда все силы общества были брошены на строительство разных величественных храмов. Перед такой грандиозной задачей сословные перегородки падали, а материальные интересы различных классов отступали на второй план. Объединившись, люди строили «обоживающие машины», и в этом общем действии формировали себя как совершенно особое социальное тело. Множество чудес, как рассказывают очевидцы, сопровождали этот «поход».

Эпоха готических соборов — время максимального ослабления европейских государств. В этот период при храмах создаются университеты, а горожане, вырвавшись из-под власти сеньоров, организуют коммуны, чтобы сохранить независимость и самостоятельно решать социально-экономические и политические вопросы. Благодаря низовой борьбе, длившейся три столетия (с начала X до конца XIII века) и получившей название «коммунального движения», Европа стала представлять собой мир местных и во многом самоуправляемых центров и глобальных сетей (университетских, монашеских, церковных и других). Феодалное общество, конечно, было далеко от ангельских иерархий, от Царства Божьего. Но христианский мир видел здесь проблему и решал ее, пока оставался христианским. Жакерия, восстание У.Тайлера, пролетарские бунты в итальянских республиках и так далее в конце концов сломили эту систему. На конец XIV — начало XV века пришелся «золотой век простолюдина»: христианские и «социалистические» восстания привели к расцвету демократических институтов, появлению социальных прав и тому подобного — феодализм был сломлен.

Но элиты не хотели терять власть: старая аристократия и зарождавшаяся буржуазия создали антинародный и антихристианский альянс. Контрреволюция, известная как «первоначальное накопление капитала», стала вакханалией насилия и грабежа. «Золотой век простолюдина» сменяется абсолютизмом, первой формой господства буржуазии: появляются национальные государства, абсолютная власть, военно-бюрократические машины. Старые феодальные элиты вместе с торжествующей буржуазией интегрируются в новый правящий класс в рамках абсолютистской монархии на фоне грабежа крестьянских и монашеских общин, а затем — и всего

мира. Эпоха готических соборов — как и христианства вообще — заканчивается; наступает эпоха «Просвещения», атеизма, материализма, тотального милитаризма. Секулярный разум — это разум и капиталистический, и милитаристский.

Массовое производство человекоубийства

Наличные деньги, очевидно, появились для нужд оплаты профессиональных армий. Кусочками металла платили наемным солдатам; этими кусочками металла власть заставляла платить налоги для оплаты наемных солдат. Профессиональные армии требуют денежного хозяйства. Слово «солдат» происходит от названия монеты, которой платили наемникам.

Средневековый мир — это мир личной верности: для феодального ополчения нужна вассальная верность, рыцарская честь, чисто «духовные» механизмы. Да и воевали в Средние века реже, намного меньшими силами и, как следствие, с намного меньшими жертвами. Важнее, что мир всегда понимался как добродетель, а война — как грех.

На заре модерна (с уходом эпохи соборов) наемное войско сменяет феодальное ополчение. Если для функционирования феодального ополчения нужна была верность, то для наемного войска — деньги. В момент перехода от Средневековья к Новому времени происходит парадигмальный сдвиг: деньги сменяют веру. Наемный солдат — это первый пролетарий, равно как войсковых командиров можно считать первыми капиталистами. В наемниках — рабочих массовых армий, получающих зарплату за участие в производстве смертей, — проглядывается прообраз пролетариата.

Работа по найму, снижение профессиональных требований к рядовому рабочему, введение массовой палочной дисциплины, установление безличной организации, забастовки с требованием выплаты зарплат: все это реальность наемных армий и лишь затем — промышленности. Сначала солдат наемного войска сменяет ополченца, чтобы потом индустриальный работник сменил ремесленника. Параллельно происходит переконфигурация власти: государи оказываются в зависимости не от верных им вассалов, но от ссужающих им деньги буржуа. Численный состав армий увеличивается в десятки, а потом — в сотни раз, что структурно схоже с трансформацией личных промыслов в гигантские индустрии.

Итог этих процессов описан в «Благовольтницах» Джонатана Литтла:

Многие политические философы утверждают, что на период войны гражданин, в первую очередь, конечно, мужского пола, теряет самое основное право — право на жизнь, и со времен Великой французской революции и введения всеобщей воинской повинности этот принцип признан везде или почти везде. Но мало кто из философов добавляет, что гражданин теряет еще и другое право, тоже элементарное и для него жизненно важное, связанное с его представлением о себе как о цивилизованном человеке: право не убивать. На ваше мнение всем плевать. В большинстве случаев у человека, стоящего на краю расстрельного рва, согласия не спрашивали,

равно как у умершего или умирающего на дне того же рва. Вы, вероятно, возразите мне, что между убийством противника на поле боя и уничтожением безоружных людей огромная разница; военные и нравственные законы разрешают первое и запрещают второе. Прекрасный аргумент — в теории, конечно, — и абсолютно не соответствующий реальным обстоятельствам этой войны. Отличие, которое установили после войны между «боевыми операциями», характерными для любого подобного конфликта, и «зверствами» группы садистов и психопатов, как я надеюсь доказать, условно, это выдумка, которой тешат себя победители: процесс сегментирован в соответствии с требованиями масштабных производственных методов. По Марксу, рабочий отчужден от продукта своего труда, при геноциде или в войну в современной ее форме подчиняющийся приказу также отчужден от результата своих действий. Даже в том случае, когда человек приставляет дуло к голове другого человека и нажимает на спусковой крючок. Ведь жертву привели другие люди, решение о казни вынесли третьи, и тот, кто стреляет, — последнее звено длинной цепи, и знает, что не должен задаваться лишними вопросами, как и солдаты взвода, в гражданской жизни приводящие в исполнение приговор, вынесенный по статье закона. Стреляющий знает: то, что именно он выпускает пулю, а его товарищ стоит в оцеплении, и еще один ведет грузовик, — дело случая. И единственное, что он мог бы сделать, — это поменяться местами с конвоиром или шофером, не более того.

Габсбурги, папы, Фуггеры, Валленштейн, «Симплициссимус»

Стоит детализировать нашу общую характеристику общественных трансформаций раннего модерна.

Начнем с банкирского дома Фуггеров — спонсоров избрания Карла V в императоры и всей военной экспансии Габсбургов. Часто не учитывается, что именно «католическая» империя Габсбургов была одной из первых «либеральных» экономик, предоставивших максимум свободы финансовому капиталу. Зачем Фуггеры тратят так много денег на Габсбургов? В качестве награды за свои услуги они получают доступ к финансовой сфере Нового Света, то есть право наживаться на чудовищных преступлениях колонизаторов и огромных прибылях колониализма.

Фуггерам принадлежала почти монопольная добыча серебра и меди в Европе. Накопленные капиталы позволяют им спонсировать теперь не только Габсбургов, но и Римских пап. Святой Престол должен был Фуггерам за их покровительство приличные проценты. Получение права на откуп сбора церковной десятины по всей Империи было предоставлено Фуггерам Римом, чтобы частично погасить образовавшийся долг. Кроме того, на службу банкирам был поставлен и бизнес по отпущению грехов, благодаря чему в карманы Фуггерам начали стекаться еще и прибыли с продажи индульгенций. Знаменитый Тецель — монах, инквизитор и торговец индульгенциями, деятельность которого послужила поводом к выступлению Лютера

— работал вместе с агентом Фуггеров. Начавшаяся на этом фоне Реформация станет главной причиной Тридцатилетней войны, хотя вряд ли ее действующим лицам, таким как Габсбурги и Фуггеры, было дело до вопросов богословия. Их явно больше интересовали вопросы власти и денег. А наемники, составившие основную военную силу в Тридцатилетней войне, если и были «фанатиками», то исключительно фанатиками денег и насилия.

Судьба Альбрехта фон Валленштейна — чешского дворянина и протестанта, перешедшего в католицизм, — также способна пролить свет на связь армии и капитала. Он нажил свое состояние на конфискации земель и махинациях с монетой. Такая предприимчивость помогла ему стать крупнейшим землевладельцем в пределах Чешской Короны за исключением императора. Финансовый паритет позволил Альбрехту предложить последнему выгодную сделку. Он был готов взять на себя содержание армии Империи во время Тридцатилетней войны взамен на получение должности главнокомандующего и право взимать контрибуции с покоренных земель. Логика Валленштейна проста: наемное войско — дело дорогое, и чтобы сделать из этого затратного дела прибыльное, армия должна стать инструментом выкачки средств с территорий боевых действий. Война становится самоподдерживающимся, самообеспечивающимся монстром: деньги на войну добывают посредством самой войны. Складывается огромная военно-финансовая машина — система санкционированного властью грабежа.

Все это, конечно, можно описать как развитие финансовой, административной, военной систем: наступило Новое время, человечество наконец вышло из «тьмы» Средних веков в светлую эпоху прогресса и разума. Надо видеть, однако, и это: войну и наживу. Это прекрасно видел простой народ, что отражено в «Симплициссимусе», великом романе о Тридцатипятилетней войне, написанном ее очевидцем. Там, например, можно найти такое описание наемников:

Жрать и упиваться, глад терпеть и от жажды изнывать, таскаться и волочиться, кутить да мутить, в зернь и карты играть, других убивать и самим погибать, смерть приносить и смерть принимать, пытать и пытки претерпевать, гнать и стремглав удирать, стращать и от страху пропадать, разбойничать и от разбоя страдать, грабить и ограбленными бывать, боязнь вселять и в боязнь впадать, в нужду ввергать и нужду сносить, бить и побитыми уходить, и в совокупности одну только пагубу и вред чинить, и паки, и паки себя погублять и повреждать, и таковы все их деяния и самая сущность.

Для массового человекоубийства вовсе не нужен «тоталитаризм». Достаточно безыдейной военно-финансовой машины. Тридцатилетняя война — страшнейшая катастрофа христианского мира, в которой он и перестал быть христианским, — была не порождением тоталитаризма и фанатизма. Наоборот, она велась прожженными циниками как сверху (Фуггеры, Валленштейн и другие), так и снизу (ландскнехты).

Процитированный ранее отрывок из «Симплициссимуса» описывает сон главного героя. Ему снится лес — образ Европы, где каждое дерево — та или иная страна. Вершины деревьев представляют собой элиты — дворян и полководцев, а корни — трудящихся: крестьян и ремесленников.

Вся тяжесть того древа покоилась на корнях и давила их такою мерою, что вытягивала из их кошельков все золото, будь оно хоть за семью печатями. А когда оно переставало источаться, то чистили их комиссары скребницами, что прозывают военною экзекуцией, да так, что исторгали у них из груди стоны, из глаз слезы, из-под ногтей кровь, а из костей мозг.

По мнению автора, простой народ — первейшая жертва войны, поскольку на него ложатся все тяготы ее обеспечения.

Корни сего древа обречены были на одни токмо тяготы и сетования, те же, что поместились на нижних сучьях, осуждены с великим усердием сносить и претерпевать великие труды, лишения и невзгоды.

Элиты же были

жестоки, по большей части безбожны и во всякий час составляли нестерпимое для корней бремя.

Между корнями и вершинами выстраивается вся социальная иерархия, которая в то же время есть иерархия военная:

Те, что были еще выше, наслаждались той корыстью, что кошель у них наилучшим образом был нашпигован тем салом, какое они вырезали ножом, прозываемым ими Контрибуция, из корней одного древа; а всего статочнее и удобнее было для них, когда являлся комиссар и вытряхал над древом, дабы оно лучше благоденствовало, целую кадку золота, так что они там наверху подхватывали все лучшее и почитай что ничего не оставляли нижним. А посему-то нижние и мерли с голоду чаще, нежели гибли от неприятеля, от каковой опасности высшие, казалось, были уволены.

Шла перманентная борьба за успех:

Беспрестанное карабкание и копошение, понеже всяк желал красоваться на том верхнем благополучном месте, <...> рвут куски прямо из глотки.

Однако, как бы нижние ни боролись за свою долю, наверх им было не забраться:

Выше на стволе сего древа шло гладкое место или коленце без сучьев, обмазанное диковинными материями и странным мылом зависти, так что ни один молодец, будь он даже дворянин, ни мужеством, ни ловкостью, ни наукой не сумеет подняться по стволу, как бы он там — упаси бог! — ни карабкался, ибо отполирован тот ствол ровнее, нежели мраморная колонна или стальное зеркало.

А вот как выглядит финал пророческого видения:

Я снова воззрел на деревья, коими вся местность была покрыта, и увидел, как они трепещут и сшибаются друг с другом; тогда сыпались с них градом молодцы, разом треск и падение, вдруг жив и мертв, за единый миг, кто без руки, кто без ноги, а иной без головы. И когда я сие узрел, то возмнилось мне, что совокупные те деревья были единым только древом, простершим сучья свои над всею Европою, а на вершине его восседал бог войны Марс.

Это главное: вся эта чудовищная машина борьбы (военной, социальной, экономической) есть именно что единая машина, истинный глава коей — бог войны. То есть, в христианских терминах, сатанинская сила.

Метафизика денег и теология веры

Греки, воевавшие фалангами, были первыми наемники в европейской истории. Появившийся в начале Нового времени линейный строй, который можно встретить еще у пикинеров, — возрожденная и улучшенная фаланга.

Силами греческих наемников создавались огромные рабовладельческие империи Античности. Линейный строй стоит у основания рабовладельческих империй Нового времени. Как греческих наемников сменяют имперские легионы, так и раннемодерных наемников сменяют регулярные армии зрелого модерна; как там сформировался военно-бюрократический монстр Римской империи, так и здесь сформировались военно-бюрократические монстры современных государств. Как там в одной из провинций появилось христианство, так и у нас... что? «Христианский» мир вернулся к тому, отрицанием чего было христианство.

Дэвид Гребер в своей гениальной книге «Долг» отслеживает историю денег. В частности, он пишет о том, что появление золотых и серебряных монет, всеобщего эквивалента, чего-то такого, на что можно обменять все что угодно (раба, наложницу, еду, услуги солдат и так далее) многому дало начало: рабство и войны приняли жесточайший и массовый размах, родились «великие» империи, пропастью разверзлось небывалое социальное расслоение. Появился «материализм» — сведение всего бытия к чему-то одному (воде, огню, апейрону, атомам, идеям и прочему), к какому-то последнему изначальному основанию. Появилась философия («метафизика»), зачарованная самой идеей, что у бытия есть всеобщий эквивалент, то есть зачарованная деньгами. Иными словами, «субстанцией» всех метафизиков первично являются деньги. Метафизика вместе с империями, рабством, войнами, колоссальным богатством и колоссальной нищетой явилась эффектом наличных денег, их накопления, их циркуляции и так далее. Ранний модерн — это эпоха резкого увеличения объема наличных денег и их роли в экономике и обществе.

Гребер пишет, что Милет был «первым городом в мире, где повседневные рыночные операции стали осуществляться при помощи монет», городом, из «которого вышла основная часть греческих наемников, воевавших в ту эпоху в Средиземноморье», а также первые греческие философы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен). Платон уподоблял материю, из которой состоят все объекты наличного мира, золоту. С це-

лым рядом «коммерческих» и «милитаристских» метафор мы встречаемся в учении диалектика Гераклита:

Все обменивается на огонь, и огонь — на все, подобно тому как товары обмениваются на золото, и золото — на товары.

Война есть отец всего. Она сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других господами.

Таким образом, деньги и товарный обмен у Гераклита ложатся в основу метафизики, теологии, социологии. То, что метафизика сущностно, в самой своей форме связана с насилием, — общее место постметафизического мышления. Но надо сделать шаг вперед и сказать: любая метафизика есть метафизика денег, поскольку принцип насилия, легший в основу государственных обществ, является прямым следствием повсеместного утверждения товарно-денежных отношений. На примере гераклитовской философии становится очевидным единство оборота капитала, неравенства и насилия.

Первым «преодолением метафизики» была деятельность пророков, первохристиан, Отцов Церкви (и аналогичных движений на Востоке). Они бросили вызов логике насилия, закрыли эпоху «монетно-рабско-военных» комплексов и (мы рисуем сверхкрупными мазками) открыли эпоху Средних веков, которая кончилась с наступлением новой эпохи наличных денег, империй, рабства и войн, отказа от теологического мышления в пользу новой метафизики (от картезианства до неокантианства), ставшей интеллектуальной основой модерна и капитализма.

Последующее за средневековым «варварством» развитие технологий (огнестрельного оружия, артиллерии, бастионной фортификации) — не двигатель, а следствие социальных изменений. Линейная тактика появилась до огнестрельного оружия; наемные войска стали востребованы в силу определенной констелляции социальных сил. Так же, как определенные технологии были изобретены в процессе социально-культурной задачи строительства готических соборов (а не определенные зодческие технологии сформировали средневековую религиозность), так и с военными технологиями: властным богатым людям понадобились все более эффективные средства человекоубийства, и они были изобретены.

Религия кротости и ее крах

У Тарталья мы еще видим оговорки: «Конечно, христианство против убийства, но...» Дальше — больше. Лютер просто скажет: режьте восставший крестьянский сброд и подчиняйтесь властям, война — не проблема.

С XVI по XVIII века ведущие европейские мыслители окончательно разделяются с христианской этикой. Макиавелли в «Государе» будет жаловаться, что христианство разучило людей воевать, что из-за христианства воинские доблести оказались не в чести. Гоббс выведет свою теорию суверена как земного бога уже напрямую из войны, а одной из главных задач этой теории будет подчинение Церкви земному богу (государству как монопольному держателю насилия): христианство ошиблось,

расщепив политику на мирское (греховное) и небесное. Руссо уже открыто будет винить христианство в том, что оно посмело отделиться от отечества/народа, в том, что христианство не может обеспечить священной войны и обожествления отечества/народа. Потом настанет открытый атеизм, материализм, национализм, милитаризм.

«Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни варвара»: такой этикой не обоснуешь войну. Ее пришлось отбросить. Однако стоит лишь вспомнить радикальное и подрывное послание Благовещения, артикулируемое Самой Девой, чтобы понять всю порочность и рабскую сущность просветительского отказа от христианства. Низложение сильных с престолов, крах богачей, триумф смиренных, блаженство нищих — в модерне все это было забыто.

И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды родов к боящимся Его; явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов, и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем; воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века.

Учение Отцов Церкви вторит посланию Марии. Вот что пишет священномученик Ипполит Римский в «Апостольском предании»:

Оглашаемый или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога.

Святой мученик Иустин Философ в «Диалоге с Трифоном-иудеем»:

Каждый из нас, будучи прежде исполнен войною, взаимным убийством и нечестием всякого рода, по всей земле переменил воинские орудия, — наши мечи на орала и копья на сельскохозяйственные орудия — и мы возделываем благочестие, праведность, человеколюбие, веру, надежду, данную Самим Отцом чрез Распятого, и сидим каждый под своей виноградною лозою, то есть, каждый из нас имеет одну законную жену; ибо, вы знаете, пророческое слово говорит: «И жена его, как лоза плодоносная» (Пс. 127:3). Ясно, что никто не ужасает и не поработает нас, по всей земле верующих во Иисуса. Хотя нам отсекают головы, распинают нас, бросают зверям, в темницы, в огонь, и подвергают всяким другим мучениям, однако, как известно, мы не отступаем от исповедания: но чем более нас так мучат, тем более увеличивается число других верующих и чтящих Бога чрез имя Иисуса.

Святитель Киприан Карфагенский:

Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем.

Рука, после принявшая Евхаристию, да не осквернится мечом и кровью.

Мученик Мацеллий:

Нельзя христианину носить оружие.

Мученик Марсилий:

Я бросил оружие! Воистину, не следует христианину быть солдатом в мирской армии: он солдат Господа Христа.

Мученик Ферруций:

Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских государей.

Мученик Марцелл:

Не подобает христианину, сражающемуся за Христа, своего Господа, сражаться за войско этого мира.

Мученик Максимилиан:

Я не могу служить [в армии]; я не могу совершить грех. Я христианин. Отдайте мою военную форму солдату, который казнит меня.

Так родилось христианство — как альтернатива Империи, ее насилию, ее войнам, ее власти, ее силе, ее деньгам и так далее. Все это было забыто. Война победила.

Война, деньги, технологии, наука, метафизика, социальное устройство — надо видеть, что все это идет одним фронтом. Христианство: кротость, блаженство нищих, готические соборы, ангелология, теология, «все у нас общее». Сменивший христианство модерн: тотальная война, капитализм, средства уничтожения всего мира, идеализм/материализм, тотальное государство.

Мы не умеем, да и не хотим так думать. Нам кажется глупым спрашивать, как связаны между собой ангелы и артиллерия. Но примерно об этом вопрошал отец Сергей Булгаков на страницах своих экономических и теологических сочинений.

Ангелология и политэкономия

Итальянский литературовед Гуидо Карпи в своей «Истории русского марксизма» пишет: «У ортодоксальных марксистов было принято изучать второй том „Капитала“ по пересказу Булгакова в работе „О рынках при капиталистическом производстве“ (1897)».

И действительно, о работах Булгакова положительно отзывались Ленин, Плеханов, Люксембург, Вебер. Оказывается, совсем не последний человек в начале XX века был тот, кто потом будет писать об ангелах, Деве Марии, ипостасях Троицы. Удивительно и в чем-то идеально: сначала — марксист, пока в «Капитале» Маркса и прочем; потом — автор книг об ангелах, Богородице, Утешителе, апокатастасисе падших духов и тому подобном. Как это прекрасно, как это правильно.

Булгаков, конечно, мыслитель весьма слабый (хоть и с проблесками гениальности, с настоящими иногда прорывами), но он силен в тематике, в вопросах. И этот автор написал чудную (литературно, не по смыслу) книгу об ангелах. Кто еще в XX веке писал об ангелах? А марксист Булгаков написал. И то, что он посреди мировых войн и тоталитаризмов пишет такую книгу, — это одно уже так много, так исключительно! Ведь и философская новация ангельских иерархий Дионисия — именно в «социологии». На наш взгляд, это самая правильная структура, логика: «Капитал» и ангелы, рынки и Утешитель, производительные силы и апокатастасис падших духов.

Политэкономия и ангелология: почему кажется невозможным совмещение этих двух типов дискурса? Когда-нибудь станет ясно, что невозможность их совмещать — лишь предрассудок. Как прекрасно у позднего Булгакова, читая о Софии, о Троице, вдруг встретить понятия «производительные силы», «производственные отношения» и так далее. Будем думать над капиталом, но и об ангелах; об ангелах, но и о капитале. Тогда и достигнем нужной многомерности, нужной полноты. Ведь и Священное Писание, и Отцы Церкви спокойно говорят и о Боге, и о социально-экономической проблематике. Василий Великий пишет об ангелах: у них все общее, так и у нас должно быть все общее.

Вот что действительно было бы интересно понять у Булгакова — логику вот этого перехода от политэкономии к ангелологии. Ведь теологом он стал именно изнутри марксизма, размышляя о его этическом измерении и об этике с марксистской точки зрения. Таков был старт мысли, которая закончилась ангелами. Но и размышляя об ангелах, Булгаков не отрывается от мыслей о способе производства и тому подобном. То есть существует единый континуум, вмещающий и «капитал», и «ангелов».

От работ «О рынках при капиталистическом производстве» и «Капитализм и земледелие» (ортодоксальный марксизм) через тексты «От марксизма к идеализму», «Философия хозяйства», «Два града», «Тихие думы», «Свет Невечерний» (религиозная философия, включающая философию общества, политики, экономики) к «Трагедии философии», богословским статьям, малой и большой трилогиям и «Апокалипсису» (православное богословие с имплицитным, а иногда и эксплицитным, социально-политико-экономическим измерением) — ведь это один путь с единой логикой. И вот его нам надо пройти заново, иначе, чем Булгаков, но тем же путем.

Как все это можно было бы формализовать? Булгаковский проект есть, пусть и неудачная (так можно сказать почти про всю русскую религиозную философию, но, опять же, со многими «но»), попытка преодолеть модерное мышление (ракета взлетела, но на орбиту не вышла). Попытка постмодерного, постклассического мышления. Но модерное мышление «в базисе» есть капитализм, а «в надстройке» — атеизм/материализм/идеализм. То есть постмодерное мышление есть мышление контрkapиталистическое (например, марксистское) и мышление контрматериалистическое/контридеалистическое/контратеистическое (например, теологическое). У

Булгакова мы как раз и видим эти два параметра вместе. И пусть он плохо реализовал задачу, ценно то, что он ее увидел, верно поставил, дал маршрут всего требующего прохождения пути. Тексты Булгакова должны быть поняты как путевая инструкция по теологическому преодолению метафизики (мышления денег и насилия).

Апокалипсис

Конечный пункт булгаковской философии — «Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования». В своей последней книге отец Сергей пытается сформулировать догматику Апокалипсиса, но параллельно ему удается высказать ряд важных для нас соображений.

Так, он показывает, что Апокалипсис есть онтология истории: не гадания о будущем, но квалификация движущих сил истории; логика «последних дней» — то есть наших дней, эпохи между Пятидесятницей и Парусией. Это крайне важная мысль: Апокалипсис не есть пророчество в обывательском смысле — это не гадания о будущем. Апокалипсис — пророчество в библейском смысле: руководство по осмыслению исторических событий, руководство по ориентировке в истории. Апокалиптика есть библейская социология — «откровение» (то есть познание) о социально-исторических силах, процессах, закономерностях и прочем.

То, что в этом мире кажется катастрофами и ужасами, на Небе воспринимается как торжество, как шаги на пути к Царству. Апокалипсис есть книга, осмысляющая историю. Исторические катастрофы суть апокалиптические проблески Конца. История во всем ее ужасе и кажущейся бессмыслице — путь к Царству, его свершение. Поэтому «историческим настроением» христиан должны быть бодрость и надежда при всех катастрофах. Все трагедии истории для христиан суть знаки свершения Царства. Частый мотив Апокалипсиса: что на земле — ужас и кровь, то на Небе — торжество. Что для жителей земного града — плач, то для жителей града небесного — веселие и радость. У христиан есть этот дар — причащение ангельским веселию и радости изнутри земной катастрофы.

Христиане не бегут из истории; напротив, христиане суть главная движущаяся сила истории. Проводится важное различие между хилиазмом и эсхатологизмом. История — так, во всяком случае, учит видеть ее автор Апокалипсиса — есть нарастание, «прогресс» и плодоношение. История имеет смысл, и имя этому смыслу — хилиазм, торжество Тысячелетнего Царства Христова уже здесь, по сию сторону Парусии. Апокалипсис есть книга не о торжестве Антихриста (как почему-то часто думают), а о победе над ним! Хилиазм, христианская победа в истории есть как бы подготовка к новому эону, к Парусии, уготовление ее. Апокалипсис заповедует активный хилиазм/эсхатологизм. Мы действительно должны участвовать в истории, и это участие есть участие в приуготовлении Царства — уже в этом эоне. Хилиазм есть посюсторонняя историческая эпоха; тем утверждается смысл и ценность истории.

Активно-историческое, хилиастическое сознание должно быть возрождено: то есть мы просто должны когда-нибудь наконец прочитать Апокалипсис, который является новозаветной, богодухновенной книгой. Должна быть понята и возрождена апокалиптическая радость. Речь не только об эсхатологическом в узком смысле

слова, но об историческом понимании Апокалипсиса — которое он своим собственным текстом и предполагает, что странным образом игнорируется христианским сознанием. Одно из свидетельств этого — отсутствие Апокалипсиса в богослужении Церкви. Историческое христианство забыло хилиазм и активный эсхатологизм, испытало забвение смысла истории и забвение упования на Царство. Произошел в лучшем случае уход в страх, спиритуализм, индивидуализм, а в худшем — просто компромисс с мирскими силами («константиновское христианство»), кои Апокалипсис квалифицирует как силы сатанинские. Но Апокалипсис должен быть, наконец, понят как текст богодухновенный и потому догматически обязательный!

Важнейший пункт: нарочитая тема Апокалипсиса — догмат о государстве. Слова Петра и Павла о власти — не единственное, что сказано о ней Новым Заветом. Петр и Павел, грубо говоря, одобряют сам принцип общественного порядка и закладывают логику тактики отношений с государством. Но христианское отношение к государству, по существу, мы находим именно в Апокалипсисе. Последнее, окончательное слово здесь принадлежит ему. Государство онтологически, в своем последнем основании, которое и обнажится в Конце, и обнажается в тех или иных «апокалиптических» исторических событиях, есть Зверь, сатанинская, противобожественная и потому антицерковная, антихристианская сила. Апокалипсис есть тотальное разоблачение государства и рассказ о победе над государством. История этого зона кончается победой над Зверем, то есть над государством и торжеством Тысячелетнего Царства, то есть неким безгосударственным состоянием человечества. Власть, тирания, насилие будут побеждены.

Важная здесь подробность: следуя апостолу Павлу, Булгаков считает важнейшим условием наступления хилиастической эпохи обращение Израиля ко Христу. Вместе с тем эта эпоха есть эпоха безгосударственная. А теперь вспомним, когда это все Булгаков пишет — в оккупированном нацистами Париже. Спасение Израиля и победа над тоталитарной государственностью («расизмом» — так о. Сергей называет нацизм) было крайне актуально тогда. Нацизм и был для о. Сергея прообразом Зверя, или, точнее, понимая Апокалипсис как онтологию истории, он понимал нацизм как проявление Зверя.

Подходим к важнейшему для нас. В «Апокалипсисе Иоанна», в итоговом сочинении о. Сергея, мы находим отвержение буржуазии, капитализма, буржуазно-политического террора. Опять же в рамках апокалиптики как онтологии истории (как библейской социологии) о. Сергей понимает капитализм как Вавилон (как одну из исторических реалий, подпадающих под категорию «Вавилон»), которому суждено в Конце пасть и уступить место Тысячелетнему Царству Христову, которое тем самым и безгосударственно, и антикапиталистично. Апокалипсис — книга об уничтожении государства и капитализма.

И здесь мы должны провести небольшой историко-философский экскурс. Булгаков работал 50 лет; «Апокалипсис Иоанна» (издан в 1948 году, уже после смерти о. Сергея) — его последняя книга. А вот в момент перепада от ортодоксального марксизма к религиозной философии он пишет эссе «Апокалиптика и социализм». В этом эссе он резко отвергает хилиазм, считая его иудейской ересью; вообще относится к апокалиптике с крайней настороженностью. Он считает не ошибкой, а важным указанием и верным решением отсутствие Апокалипсиса в богослужении. Христи-

анская эсхатология, мол, антихилиастична, не-исторична. Марксизм же критикуется как секуляризация иудейского хилиазма.

А что мы видим в «Апокалипсисе Иоанна»? Критику отсутствия Апокалипсиса в богослужении; полную реабилитацию хилиазма как догматически обязательного учения; апологию активно-исторического эсхатологического сознания. И что же это означает в связи с марксизмом? Если в «Апокалиптике и социализме» марксизм критикуется как секуляризация хилиазма, то нельзя ли тогда считать реабилитацию хилиазма в «Апокалипсисе Иоанна» реабилитацией марксизма? И не подтверждается ли эта догадка явной и недвусмысленной критикой капитализма и государства в «Апокалипсисе Иоанна»? Нельзя ли сказать, что явная критика марксизма в раннем творчестве Булгакова сменяется тихим, неприметным возвращением на позиции марксизма в конце его жизни?

Факты и всеединство

Зачем писать об этом сейчас? Философ, основавший традицию, которую продолжал Булгаков, Владимир Соловьев, интересный не проделанной им перелицовкой немецкого идеализма, но его, во-первых, христианизацией и, во-вторых, включением в «систему» христианской философии политических, экономических и социальных аспектов («христианская политика», «свободная теократия»), писал:

Всякая подробность, взятая отдельно, сама по себе не реальна, ибо реально только все вместе. За подробностями теряется настоящая реальность целого. И более того: критика отвлеченных начал, изолированных фактов, и даже их системы — всей наличной ситуации представляет собою уже некоторое, хотя еще весьма недостаточное и только предварительное обоснование начал положительных. Это обоснование по необходимости должно быть только предварительным, ибо те положительные начала, которые имеются здесь в виду, обладая вечным бытием в сфере абсолютной, еще не имеют видимого существования в относительной области нашей жизни и нашего природного сознания, хотя они и должны быть осуществлены и здесь; поэтому они еще не могут представлять для нас полной определенности: можно с достаточною ясностью показать их необходимость, но действительное их содержание является пока только в общих и слитных чертах. С точки зрения настоящей, наличной действительности нам приходится говорить более о том, что должно быть и будет, нежели о том, что есть. Поэтому понятно, что наши идеи не могут иметь той отчетливости и раздельности, какие свойственны мыслям, составляющим простой вывод из существующих фактов. Не должно забывать, однако, что наша наличная действительность не может быть всею действительностью и что то, что здесь представляется только долженствующим быть и будущим, есть вечно сущее и настоящее в другой сфере.

Дело не в том, что многие «факты» — ложь. А в том, что, даже если эти «факты» — стопроцентная истина, это все равно ничего не значит. Ведь «факт» сам по себе есть

идеологическая обманка. Среди многообразия происходящего кто-то в каких-то целях отбирает именно эти «факты», а не вот те или те. И даже если бы у нас на руках были все «факты», то и тогда не была бы дана система их причин, связей и последствий. «Факт» есть вырванный из многообразия происходящего фрагмент: уже по одному этому «факт» лжет, пусть он и абсолютно правдив. Более того: ситуация постоянно движется, имеет свое прошлое и расходящиеся, альтернативные векторы возможного будущего. Ясно, что «факт» просто не может схватить ни историю ситуации, ни ее целостность, ни варианты ее будущего.

Основным остается то, что в форме «факта» не может быть выражено: каждое событие и процесс обусловлены всей глобальной ситуацией в ее движении. Война (та или иная), храм (тот или иной) всегда встроены в глобальную ситуацию (ту или иную). Но не в этом только дело. Нам нужно мыслить ситуацию во всех ее измерениях и на всех ее уровнях: «Не должно забывать, однако, что наша наличная действительность не может быть всею действительностью и что то, что здесь представляется только должествующим быть и будущим, есть вечно сущее и настоящее в другой сфере». Наша действительность — не вся действительность, и наша ситуация — это не вся ситуация.

Тут-то нам и помогает Булгаков: нужно суметь, удерживая уровень рынков, производительных сил и производственных отношений, войн и прочего, мыслить и на уровне «апокалипсиса и ангелов». Интегрировать политические, экономические, социальные реалии, события, процессы в теологию и эсхатологию. Мыслить апокалиптически: не в смысле алармизма, а в смысле Апокалипсиса как руководства по ориентировке в исторических процессах, в смысле эсхатологии как социологии. Думая о войне, не забывать об ангелах, думая об ангелах, не забывать о войне.

Важно удерживать подлинное основание политики — Универсальную Истину («нет ни скифа, ни варвара», «блаженны нищие» и прочее) и задачу ее актуализации в текущей ситуации: за «фактами» видеть альтернативы, пути вхождения Истины в ситуацию зла и тьмы. Конечно, «наши идеи не могут иметь той отчетливости и раздельности, какие свойственны мыслям, составляющим простой вывод из существующих фактов» — ведь то, чему следует прийти в мир «фактов», еще не пришло. Думать над тем, как может оно прийти, есть подлинная политическая философия — изобретение/открытие революционной альтернативы, конкретных путей ее реализации, то есть актуализации Универсальной Истины.

Тут, впрочем, надо попытаться не сойти с ума, вообразив, что наша мысль способна сразу что-либо изменить. Соловьев по этому поводу делает мудрое замечание, указывая на то, что «свободная теургия» (искусство/мистика, преображающая действительность) и «свободная теократия» («свободная общинность», христианский либертарный социализм) «подлежат в своем образовании и развитии таким особым условиям, которые не находятся ни в какой прямой зависимости от воли и деятельности отдельного лица, которое само по себе здесь бессильно, не может ни начать, ни ускорить нормального образования». Однако в сфере «свободной теософии» (изнутри идущего синтеза науки, философии и теософии) «отдельный человек является настоящим субъектом и деятелем, и здесь личное сознание идеи есть уже начало ее осуществления. Трудиться в этой сфере становится, таким образом, обязанностью для всякого, кто сознал нормальную цель человеческого развития».

Не будем, впрочем, сходить с ума и здесь: навряд ли мы и на пути «свободной теософии» добьемся каких-то ощутимых результатов. Я хотел напомнить лишь о том, что главный урок и главное достижение русской религиозной философии таков: можно и нужно удерживать в своем мышлении и уровень «рынков при капиталистическом производстве», и уровень «ангелов», и уровень войны. Между Сен-Дени и трактатом Тарталья, житием Дионисия Парижского и наемными военными отрядами, Ареопагитиками и новоевропейской метафизикой есть сущностная связь, которую надо удерживать, чтобы смысл не утонул в потоке «фактов».

Мучительное господство исполинов и кроткий агнец. Богословие войны у святителя Димитрия Ростовского

До того, как Бутурлинская комиссия при Николае I вычеркнула «несколько неуместных слов» из акафиста Покрову Богородицы, сочиненного святым Димитрием Ростовским, в церкви читалось: «Радуйся, Незримое Укрошение владык жестоких и зверонравных, совета неправедных князей разори, зачинающих рать погуби».

Ф.Степун. «Религиозная трагедия Льва Толстого»

Святитель Димитрий Ростовский (в миру — Данила Саввич Туптало; 1651–1709) — епископ, интеллектуал (богослов, проповедник, агиограф, драматург, поэт, педагог), значимая фигура восточнохристианского богословия раннего модерна, видный представитель «украинского барокко».

В 1757 году канонизирован Русской Церковью. Украинец, выходец из казачьей семьи; родился на Киевщине, подданным Гетманщины, умирает подданным Русского царства. Учился в Киево-Братской коллегии (будущая Киево-Могилянская академия — один из главных центров подготовки интеллектуалов для всего православно-восточнославянского пространства: то был период украинской интеллектуальной гегемонии в восточнославянском православии).

На его жизнь выпало присоединение Гетманщины к Русскому царству и, соответственно, перевод Киевской митрополии из Константинопольского патриархата в Московский. Он трудился на территории Киевской митрополии, пока при Петре I не стал ростовским митрополитом, в каком статусе и умер. В Ростове он основал Славяно-греко-латинскую школу (второе учреждение такого рода в России после Московской Славяно-греко-латинской академии). Ему принадлежит множество сочинений разных жанров, самое известное, пожалуй, — «Жития святых», до сих пор пользующееся большой популярностью у православного читателя.

О «Летописце»

Именно для учащихся ростовской школы он пишет свой «Келейный летописец». Это название — не авторское: оно идет от содержащегося в книге выражения «возжелах от скуки сочинить летописец вкратце за келлию». Кроме «скуки», святитель называет следующие причины создания «Летописца»: малодоступность Библии («купити едва достанет кто») и, как следствие, плохое ее знание духовенством и народом: Святая Русь плохо знала Слово Божие. Задачей святителя было «вкратце изложить»,

доступно пересказать библейскую историю от Творения мира до евангельских событий, то есть весь Ветхий Завет.

Как мы увидим, «Летописец» стал чем-то намного большим. Автор писал этот труд уже под конец жизни и свое повествование успел довести только до Исаака. «Летописец» активно распространялся и читался в рукописных списках; впервые печатно он был издан в 1784 году в Москве как «Келейная летопись».

Можно ли говорить о публицистичности «Летописца», рассматривать его как отклик на современные автору события и процессы? Буквально — нет: в тексте нет явных отсылок к современной истории. Однако сознательно или бессознательно любой автор, пишущий об истории — тем паче всемирной, схваченной морально-теологически (то есть на уровне глобальных смыслов), — не может произвести историографический продукт, который не был бы и откликом на современные ему события и процессы, той или иной их оценкой.

Публицистичность «Летописца» подтверждается и рядом следующих фактов: святитель просил своих адресатов не давать «Летописец» кому попало не только переписывать, но даже и просто читать. Автор таким образом осознавал некую неблагонадежность создаваемого им текста, переставшего быть просто пересказом Ветхого Завета. Эта неблагонадежность подтверждается и тем, что первое печатное издание «Летописца» осуществлено просветителем-свободолюбом Н.И.Новиковым. Издание было осуществлено с рядом цензурных правок, а потом и вовсе изъято из продажи вместе с другими изданиями Новикова.

После этих вступительных замечаний можно наконец приступить к анализу теологии/мифологии войны в «Летописце».

Мифология и политэкономия войны

«Летописец», как уже сказано, классифицирует и квалифицирует исторические силы, и одна из таких сил — война. Дабы показать ее историософскую сущность, святитель обращается к известному сюжету Книги Еноха¹ об «исполинах» — порождениях блудной связи падших ангелов и людей.

Эти исполины суть воплощения дошедших до предела «убийства, насилия, ярости, лютой войны, кровопролития, гордыни, властолюбия, блуда», что осуществляли «мучительное господство над людьми», во время коего один из них (Азаил) «изобрел искусство делать мечи, броню и всякие воинские оружия для брани; он же начал добывать из земли золотую и серебряную руду». Тот же сюжет в другом месте «Летописца» передается святителем подробнее:

Азаил изобрел два зла: оружие и золото с серебром. Изобретением оружия он оказал помощь ярости и гневу, золотом и серебром угодил человеческому сластолюбию. В оружии для войны сила и кровопролитие; в золоте

¹ Популярнейший апокриф, который, помимо прочего, цитируется в Послании апостола Иуды. Енохианские тексты, наравне с Книгой Даниила, лежат в основании апокалиптической литературы и послужили одним из условий появления христианства.

же и серебре ненасытность сердца и умножение печалей. Оружием тело, а сластолюбием душа убивается, но и то, и другое — зло.

Попробуем вдуматься в логику этого этиологического мифа. Война подчеркнута квалифицируется как зло; в классификации же исторических сил война смежна с «золотом и серебром». «Война» есть некая политическая категория, соответствующая социальноэкономической категории «золота и серебра». Одна и та же сила действует в политике как война, а в экономике — как «золото и серебро». В этой смежности есть и психолого-антропологическое измерение: антично-средневековая антропология (которой автор придерживается) выделяла «раздражительную» и «желательную» части души; одна и та же сила в первой действует как война, а во второй — как «золото и серебро». Итак, в «Летописце» можно выделить политэкономическое и психолого-антропологическое измерения проблемы войны. Общая модель войны достраивается теологическим (или теолого-антропологическим) измерением.

«Летописец» описывает теологически схваченную мировую историю. Два ее зачинательных, определяющих события — творение и грехопадение человека. Человек создан «не для войны, но для кротости», «по подобию кротости естества Божия»: то есть Бог есть кротость. Сейчас бы сказали, что автор исходит из онтологии кротости; сам исток, само основание реальности, ее истина есть кротость. Человек создан «кротким, мирным, невраждебным, немстительным, незлобивым и друголюбным».

Война же есть следствие грехопадения, искажения антропологической нормы. Но (опережая изложение) не онтологической, которая и не может быть искажена. Война есть «дело такое, горше которого ничего не может быть в поднебесной, ибо вражда происходит от диавола», «зло есть оружие и война, ибо они являются противоположностью заповеди Бога», «зла вещь брань», «война есть зло», «Бог создал человека для того, чтобы он жил, а война лишает его жизни», «война все добро мира превращает в ничто» и так далее.

После этих теолого-антропологических указаний автор возвращается к политэкономии войны, коя есть не только нравственное зло, но и зло конкретно экономическое. Война «уничтожает царства, разоряет города, опустошает селения, расхищает богатства и нищету приводит, и в один час убивает многое число людей», тогда как в мирном состоянии «утверждаются царства, населяются города, умножаются люди, распространяются селения, увеличиваются богатства». Война ведет к экономическим невзгодам, мир ведет к экономической пользе. Автор от мифологии все больше приближается к эмпирике; его модель войны становится все многомернее.

Более того, истоки войны обретаются в экономике. Автор, вспоминая максиму ап. Павла «сребролюбие — корень всех зол», пишет:

Что восставляет народ на народ и царство на царство, не серебро ли и золото? Ибо всякий владетель, имея много, еще большего желает, почему и берется за оружие, собирает силы и начинает войну с соседними странами. Что научает богатых не милосердствовать? Что ослепляет очи мудрых и судей принуждает творить несправедный суд? Не серебро ли и золото? Поистине, оно есть начало всего зла.

Инвектива против войны в тексте «Летописца» становится инвективой против властей, богачей и судей, а все социальные бедствия объясняются жадной обогашения. В своем неприятии властей земных Димитрий не одинок. Его критика основывается на текстах Отцов Церкви, в частности свт. Иоанна Златоуста, также активно настаивавшего на том, что «сребролюбие — корень всех зол», и доходившего в своем радикализме до призывов к тотальному обобществлению собственности и отмене товарно-денежных отношений.

Любопытный маневр: автор начинает свои размышления о войне с мифологии «исполинов», куда помещается — как подчиненная, вторичная, боковая — тема «золота и серебра». А заканчивает возведением зла войны именно к «золоту и серебру». Если упростить, война вводится в рамках мифологического дискурса, чтобы затем быть понятой в рамках психологически-политического дискурса, и даже как своего рода политическая надстройка над определенным социально-экономическим базисом.

«Война есть зло, хотя бы она была и благословною»

Война есть зло; отсюда естественное развитие мысли в сторону теодицеи: почему Бог допускает войны? Ответ и тут вполне классичен:

Мы удивляемся совершающимся в нынешнее время войнам, разорению городов, опустошениям стран, междоусобным браням, многому кровопролитию и бесчисленным повсюду бедам. Какая причина всего этого? Та, что уменьшились праведные².

Согласно мысли святителя, вооруженная борьба государств есть, с одной стороны, следствие уже свершенного людьми зла, а с другой, — средство предотвращения возможного зла в будущем:

Бог, не желающий смерти и гибели грешных, не тотчас казнит их, но прежде попускает на них некие наказания, как то: нашествие иноплеменников и брани. Бог грешников наказывает грешниками же, ибо злые и нечестивые люди в руках Божиих являются как бы бичом, которым Он бьет согрешающих против Него. Так Он наказал иудеев халдеями, халдеев персами, персов греками, греков римлянами, римлян готтами, а ныне христиан наказывает агарянами, что можно наблюдать, например, в Греции.

Таким образом, Божий Промысел («разум истории», «закономерности общественного развития», если говорить секулярным языком) использует наличествующее в мире зло во избежание большего зла. Не Бог — причина войн, но войны используются Его Промыслом во благо. По мере увязания в грехах люди обрекают себя на

² Кстати, здесь автор все же обращается к своему времени, аттестуя его как время резкого возгорания войн.

закономерное наказание войной — что в идеале должно их отрезвить и привести к оставлению грехов. В обратном же случае последует «казнь» как крайнее возращение греха и тем самым его пресечение — саморазрушение. Война есть момент саморазрушения зла: зло ярится и разрушает само себя.

Однако такая диалектика, видящая в войне и само зло, и средство наказания за грехи, и способ защиты от еще большего падения, открывает дорогу для оправдания агрессивной политики. Позиция Димитрия, начавшего текст «Летописца» с резкой критики войны на мифологическом уровне, заметно меняется, приводя его мысль к классической для западной политической философии концепции справедливой войны: «Двоякая бывает война: одна происходит напрасно и несправедливо обижает, а другая защищает себя и других от несправедливого вражеского нападения». Последняя не только «не осуждается как смертный грех, но иногда вменяется даже как проявление высокой добродетели любви». Это суждение подкрепляется знаменитой евангельской цитатой: «Больше сия любви никтоже имать, да кто положит душу свою за други своя» (Ин 15:13), — и ссылкой на житие Константина Философа³, первый в истории Церкви текст, обращающийся к упомянутой максиме для оправдания войны. В первые восемь веков истории христианства использовать ее в таких целях никому в голову не приходило.

Но и тут автор не доходит до апологии войны, даже «справедливой»:

Однако и война, творимая по благословной вине, не всегда бывает безгрешна. Часто к ней примешиваются грехи, как, например, желание отмщения и тщетной славы. Мы же скажем кратко, что война есть зло, хотя бы она была и благословною, и только разве по необходимости может быть доброю: лучше мир и природная кротость человеческого естества.

Иными словами, справедливая война — не добро, а меньшее зло, ибо война в любом случае — зло, а онтологическая норма все же есть кротость. Обозначив ее, святитель делает следующий шаг и, помимо мифологии, политэкономии, антропологии и теологии, формулирует еще и эсхатологию войны.

Кротость

В «Летописце» описывается всемирная история, а для христианского сознания она всегда обладает смыслом как минимум потому, что у нее есть начало и конец. Бог творит мир, движущийся к финалу — эсхатологическому увенчанию, благодаря которому история образует собой связный, осмысленный сюжет. Так, если событие грехопадения есть искажение антропологической (богоустановленной) нормы (образа Божьего) — кротости, то эсхатон есть ее восстановление, победа кротости (победа, возможная в силу природы кротости как онтологической нормы).

Историю по «Летописцу» можно задать такой структурой: Бог как кротость — творение человека как кроткого существа — грехопадение человека, потеря им кротости и тем самым его обреченность на войну — история мира как история войн — эсхатологическая победа кротости, победа над войной.

³ Св. равноап. Кирилл, просветитель славян.

Во-первых, как утверждает Димитрий Ростовский, кротость (противоположность войны) есть не просто идеал, потерянный в предыстории и обретенный заново в эсхатологической перспективе, а постоянно действующая наравне с бранью, «золотом и серебром» историческая сила. В качестве примера святитель приводит Исаака, который «преодолеl своих врагов кротостью, терпением и незлобием», чем «[устранил] герарского царя и его подчиненных».

О сила кротости, терпения и незлобия праведника! Кротость с терпением и незлобием без ярости уstrашает, без оружия побеждает, без ополчения прогоняет своих супостатов.

История Исаака, согласно святителю, показывает, что кротость может задавать модель конкретных действий для выработки успешной личностной и политической стратегии без обращения к «меньшему злу». В тексте Библии можно найти множество других подобных этому примеров⁴.

Во-вторых, кротость в финале христианской истории оказывается единственной победительницей. Толкуя Апокалипсис, Димитрий пишет о том, что все ждут Второго пришествия ради пришествия «Льва», когда на самом деле людям явится «Агнец»:

Не удивительно ли то, что сказано было: «Се Лев», а узрели мы не льва, а Агнца? Какая сила у агнца? Какая гроза? Тихий Агнец. Незлобивый Агнец. Кроткий Агнец. Терпеливый, закланный Агнец. Агнчая кротость с терпением и незлобием побеждает все сопротивное. И потому, если ты хочешь одолеть врагов своих без брани, победить без оружия, укротить без труда и покорить себе, будь кроток, терпелив, тих, незлобив, как агнец, и ты одолеешь, победишь, укротишь и покоришь.

Интересно, что, подходя к анализу Апокалипсиса — текста, переполненного кровью и насилием, — святитель обозначает в качестве важнейшего условия своего анализа исключительно разговор об Агнце. В нем, «тихом, незлобливом, кротком, терпеливом, закланном Агнце», он видит саму суть Апокалипсиса, его истину, а значит, истину всей (по-христиански понятой) истории. «Летописец» рисует не только кровавую борьбу исторических сил, но и не менее кровавую мифологию «язычников», на фоне которых победу одерживает Агнец — прямая противоположность каждой из них.

«Агнец» побеждает «царей, купцов, Вавилон» и так далее, вообще побеждает в мировой истории, каковая оказывается историей победы кротости, поражения войны, «золота и серебра», всех изобретений «исполинов». Таким образом, оппозиция войны и кротости управляет всей историософией «Летописца», то есть — если верить этой историософии — управляет всем всемирно-историческим процессом. Можно ли все это считать откликом, оценкой современных автору событий и процессов? Трудно сказать. Но и трудно поверить, что автор — очевидец, а во многом и участник бурной и кровавой истории своей эпохи — не имел ее в виду.

⁴ В первую очередь, разумеется, — история Иисуса Христа.

В современной библеистике принято считать, что библейский и енохианский миф об «исполинах» является зашифрованным обличением сакрализованных монархий (енохианские тексты, таким образом, «деконструируют» эллинистические монархии), ведших кровавые войны и угнетавших народ. В таком случае нельзя ли увидеть за использованием свт. Димитрием Ростовским мифа об «исполинах» обличение современных ему абсолютистских монархий? Если так, то интересно, как одни и те же образы служат одним и тем же целям в типологически аналогичных ситуациях. Так, между Первой и Второй мировыми войнами Дмитрий Мережковский в «Тайне Запада» вполне уже открыто и сознательно использует ту же самую мифологию «исполинов» ради обличения тоталитарных государств и мировых войн.

Действительно, эллинистические монархии возводили свои родословные к богам, — то есть к падшим ангелам в иудеохристианском понимании. Их господство для современников было действительно «мучительным». Политика, войны при них всегда были как-то религиозно оформлены — «освящены». У политики всегда есть то или иное религиозное измерение, и мифология исполинов есть именно иудеохристианский ответ на религию войн и угнетения. Ответ, который святитель Димитрий актуализировал для своей эпохи, когда христианский мир быстро превращался в постхристианский — в мир все более частых, массовых и жестоких войн.

Альтернативные теологии войны

Но «богословы при дворе» всегда думали иначе.

В трудах архиепископа Феофана Прокоповича (1681–1736)⁵ мы не найдем ничего о Кротком Агнце. На его место приходит культ императора Петра — русского Марса, бога войны.

Ничего подобного, сказанному в «Келейном летописце», не обнаружится в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — русском переводе знаменитого военного трактата Иоганна Якоби фон Вальхаузена, по которому европейцы осваивали науку человекоубийства в раннее Новое время. При царе Алексее Михайловиче, отце Петра, эту книгу переводят и издают в Москве. В ней мы находим особое богословие войны, во всем противоположное богословию мира свт. Димитрия Ростовского. Это учение, сформулированное и победившее во всем «христианском мире», включая православную Россию, высвечивает всю «неблагонадежность» и исключительность труда святителя Димитрия.

«Учение и хитрость» внушает русским (и всем европейским) военным, что военное искусство выше всех наук, искусств и занятий⁶. Авторы-переводчики трактата утверждают новую иерархию: ратный чин устроен Богом, а не «исполинами»; не Азаил, а Бог (уже совсем не «Агнец») — глава ратного чина, верховный главнокомандующий, которому подчинены земные правители в качестве Его полководцев; ратным чином слово Божье держится и распространяется, им (а не кротостью) создаются Церкви; Бог — Воевода и Государь, а правители — его «полковники» и «помещики».

⁵ Придворный теолог императора Петра I.

⁶ Кроме богословия: военно-политическим машинам требуется религиозное обоснование.

Бог велит беспрекословно подчиняться правителям⁷. Подчиненным запрещено даже говорить о вольностях; нужно беспрекословно подчиняться (беспрецедентная милитаризация «христианского мира» приводит к построению общества по модели армии: нужно помнить, что ранний модерн — время абсолютизма, формирования современных тотальных бюрократических машин).

Автор приводит крайне своеобразное библейское обоснование всему этому — 8-ю главу Первой Книги Царств, посвященную на деле обличению монархии, изобличающую ее как предательство Бога (возможно, автор здесь «подмигивает» читателю: так, в другом месте он приводит в пример военным царя Давида и сразу после него — «целомудренного» воина Урию). Ратный человек должен иметь «Бога в сердце, меч в руке, врага в глазах». Интересно, однако, что и здесь мы находим тему «золота и серебра»: автор интенсивно ругает власть денег, как бы мы сейчас сказали — критикует проникновение буржуазных отношений во все сферы жизни: покупают себе титулы, покупают должности, воюют ради денег и так далее.

Знаменательно, что здесь, в теме всевластия денег, «Келейный летописец» и «Учение и хитрость» сходятся. В конце концов, это две книги из раннего модерна, то есть эпохи формирования капитализма — времени тотальных войн, тотальных государств, тотальной власти денег.

Карл Шмитт научил нас видеть в основных политических понятиях секуляризованные основные теологические понятия: и если с теологией Бога как Воеводы все ясно, то какую политику подразумевает теология Бога как Кроткого Агнца?

⁷ К слову, это протестантский принцип, так как именно протестантизм подчиняет Церкви светским властям. Авторы и переводчики «Учения и хитрости» в данном случае транслируют протестантскую логику.

Вечное блаженство и «новая этика»

Всем известен этот миф: христианские моральные/аскетические запреты подавляют человеческую природу, помогая осуществлять власть классового общества над поведением и психикой человека; уничтожение религии с ее репрессивными нормами — одна из задач левой социально-политической борьбы, цель которой, помимо прочего, освободить само репрессированное желание.

Имея это ввиду, следует перечислить несколько пунктов так называемой «новой этики», то есть несколько этических (либертарных) положений, магистральных для левой политики сегодня.

Нельзя объективировать женщин («всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»), вообще женщин, их свободу надо уважать: никакого харасмента, сексуальной эксплуатации и прочего («не прелюбодействуй»). Осуждается мораль и критикуется экономический комплекс общества потребления — они отупляют, расчеловечивают людей и способствуют уничтожению природы.

Больше не приветствуется язык вражды (ведь «злоречивые Царствия не наследуют»). Все чаще люди отказываются от потребления продуктов массовой культуры («зрелищ» в аскетической терминологии). Национализм и патриотизм, как и сама идея примата нации и государства, становятся все более маргинальными («во Христе нет ни скифа, ни варвара», «князья народов господствуют над ними, а у вас да не будет так»). Сообщества стремятся к преодолению всех иерархий («во Христе нет ни господина, ни раба, ни мужчины, ни женщины»). Поощряется инклюзия — действенная любовь к сирым, убогим, бедным и угнетенным. Осознанность как внимательное и чуткое отношение к ближним, обществу и природе — ключевое понятие начала века (в иных формулировках этому же явлению отведено множество мест в Библии).

Отныне нет ничего странного в том, чтобы жить в коммунах (то есть в протомонастырях), быть вегетарианцами (то есть поститься), не участвовать во властных, буржуазных, потребительских практиках (то есть не иметь общения с миром сим), уважать все многообразие человеческих и не-человеческих видов (то есть быть целомудренными и смиренными). Даже комплекс убеждений, лежащий в основе образа жизни «чайлдфри», напоминает классически-христианские увещания о ду-

шевродности и суетности жизни в семье, превосходстве «духовной» (несемейной) жизни и тому подобном.

Таким образом, «новая этика», против которой ныне выступают правые, на деле оказывается очень старой — той постылой, скучной, всем когда-то изрядно насолившей иудеохристианской этикой. Для правых она — моральный террор левых, ограничивающий непосредственность проявления желания: свободу сексуальной объективации, обогащения, презрения к слабым, разнузданный гедонизм. Получается, левые за «аскетизм», а правые — за «удовольствия»?

Видимо, все наконец-то встало на свои места: аскетика вновь соединилась с этикой социальной справедливости и защиты угнетенных, а «гедонизм» стали защищать те, кто раньше не беспокоился о своих хрупких привилегиях — сторонники власти, доминирования и контроля. Огромная часть общества, пускай пока и не осознанно, вернулась к классическому христианскому мышлению.

Чтобы понять, какие новые горизонты для анархо-социалистического проекта способен дать синтез радикальной политической практики и такого мышления, следует вернуться к первоосновам христианского вероучения, уделив внимание тому, как его основные догматы и образы обращаются к политэкономии удовольствия и греха.

Очерк теологии

Бог есть Любовь, иначе говоря, Бог есть Троица — «полития», «экономика» и «социум» Трех равнобожественных, равночестных, собезначальных Личностей, находящихся в единосущии (омоусии, буквально — в «единособственности», общем имуществе). Бог, понятый по-христиански как Троица, есть совершенная, абсолютная «либертарная коммуна» — коммунистическая община равных, свободных Личностей, чье бытие есть совершенное блаженство и радость.

Бог, будучи Любовью, для которой характерно щедро Себя дарить, творит мир, множество свободных существ, чтобы те присоединились к радости Троицы — стали частью ее коммуны. Мир создан Божьей Премудростью «при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости», и Премудрость «была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, танцуя на земном кругу Его, и радость ее была с сынами человеческими». Ликование, творчество, радость, веселье, танец — таковы, согласно Библии, «параметры» мира, «характеристики» Божественной Премудрости.

Люди, однако, созданы свободными, то есть способными как свободно войти в радость, свободу, «коммунизм» Троицы, так и свободно не делать этого. Но что в сущности означает второй вариант? Он означает свободно выбрать не свободу, а рабство, не радость, а зло. Таким образом пространство человеческой свободы и приключений его желаний поляризовано между вечным блаженством и его противоположностью — вечной мукой.

Так христианство задает систему координат удовольствия, желания в крайних его проявлениях, в максимальных его исполнениях. Блаженство, сверхудовольствие понимается как основание реальности — суть Божественности, — и как то, ради чего создан мир и что он обретет в своей эсхатологической завершенности.

Первыми следствиями грехопадения Библия называет смерть (ущербление жизни), труд в поте лица (ущербление творчества, радостного хранения и возделывания райского сада), подчинение (а не равенство), патриархальную семью (об этом почему-то сегодня не хотят вспоминать, но Отцы Церкви настоятельно подчеркивали, что Адам и Ева были созданы равными — подчинение женщины мужчине и «семье» как таковой есть эффект греха, а не богоустановленные отношения¹). И далее — все зло, вся несправедливость и все страдания века сего, чей бог, по апостолу Павлу, — сатана (а не Троица), отец лжи и человекоубийца от начала, хищением узурпировавший власть над миром; то, что мы видим вокруг, — не Божий, а сатанинский порядок.

Но Бог, будучи Любовью, не оставляет Своего творения и спасает его: Один из Троицы становится человеком и через смерть, пребывание в аду и Воскресение возносит человеческую природу в недра Троицы: во Христе человеческая природа уже спасена.

Эмпирически это означает, что Христос предлагает людям новый не-грешный образ жизни, а именно — учреждает движение общин, у которых «все общее» (формула, отраженная в Книге Деяний, у раннехристианских авторов и в монашеских текстах), то есть общины, созданные по образу Троицы, общины тринитарного образа жизни, которые образуют Тело Христово, на коем почивает Дух Святой, — и таким образом, через такую жизнь, такую социальность люди вступают в жизнь Троицы, спасаются. Становятся богами.

Стать богами, достичь обожения — это ведь и есть цель христианской жизни, конкретней — цель «искусства искусств» аскетики. И можно, разумеется, в это не верить, но нельзя не признать, что тут вряд ли можно говорить об ущербе человеческих сил и способностей, напротив — никогда человек не достигал такой дерзости, такого масштаба своих притязаний, своих мечтаний. Как бы к этому ни относиться, но «стать богом» — максимум человеческого самотворчества². Аскетика — не про ограничение, не про запреты, а про приемы, методы становления богом³.

Очерк аскетики

Благой Творец все создал благим. Реальность и каждый ее мельчайший фрагмент есть благо. Ничего не-благого, дурного в реальности нет совсем. Отсюда удовольствие понимается как субъективное переживание объективного блага, а желание — как способ его обнаружения.

¹ Тому, что христианство разрушает «генитальность», патриархальную сексуальность, и вменяет человечеству некую особую сексуацию, чем вызваны все характерные для (пост)христианского мира мутации сексуальности — посвящен наш цикл «Христианство и фаллоκραтия».

² Хотя этот текст написан из теологической перспективы, читателю вовсе не обязательно ее разделять: можно (и в каком-то смысле нужно) понять излагаемую здесь теологию как систему образов, мифологию, порожденную либертарными общинами, как их самоощущение, их мироощущение.

³ Подробнее см. Шалларь В. Политэкономическое измерение обожения.

В дискурсе лаканианского психоанализа желание от потребности отличается тем, что оно неудовлетворимо. Наши потребности формируются вокруг более-менее реальных объектов, тогда как желания — вокруг не существующего в действительности объекта а, объекта-причины желания, образующего невидимое «еще», ответственное за активацию желания, его несовпадение с потребностью.

Лакан формулирует этическую заповедь психоанализа следующим образом: будь верен своему желанию, то есть его неудовлетворимому, трансцендирующему характеру. А как обычно называли то, чего нет, и что притом есть нечто такое, что может удовлетворить неудовлетворимое, трансцендирующее желание? — Богом.

Каждое благо отсылает к Благу абсолютному, каждая реалья — к своему Творцу, каждая вещь несет на себе Славу, то есть все они имеют невидимое «еще» в виде объекта а. Таким образом, желание обнаруживает Абсолютное благо через стремление к тварным благам, отсылающим к их Творцу, или через непосредственное приобщение к Нему. Всякое удовольствие есть субъективное переживание приобщения к Богу, а всякое желание есть стремление к Нему приобщиться.

Но желание («материя» свободы) может самозапутаться, сбиться с цели, открыв дорогу злу — отчуждению блага. Желание может заикнуться в кругу мирских объектов и перестать трансцендировать; образуется узел желания, о который запинаются все прочие желания, и вся их совокупность («душа») в конечном счете сбивается, спутывается в один ком. Такую конфигурацию желаний аскетика называет страстью, понимая под ней не «романтический порыв к неизвестному», а претерпевание, отчуждение, порабощение.

Христианская аскетика различает два вида страстей: идущих от тела («сластолюбие») и идущих от социума («славолюбие»). Сами по себе они благи (желание любить и быть любимым, принимать вкусную пищу, заниматься сексом и так далее). Однако как только эти желания подчиняют себе человека и порабощают его, заставляя наносить вред ближним, они отрываются от Бога и теряют свое изначальное благое качество.

Когда же оба потока страстей встречаются, сливаются и сопрягаются, то они образуют вершину, венец всех грехов, их телос — сребролюбие. «Сребролюбие — корень всех зол», — писал апостол Павел, а вслед за ним — Отцы Церкви⁴.

Если Троица есть жизнь Личностей в единосущии (единособственности), а мир был создан по ее подобию, то и мир является общим (той «усией», которая едина для всех тварных личностей). Любая страсть попирает желания других, чтобы приватизировать общие блага. Акт такой приватизации называется грехом. Формулу «собственность — это кража» Отцы Церкви выработали задолго до анархо-социалистов⁵, объясняя, что мир, созданный как общая собственность, обкрадывается теми, кто присваивает источники даруемых им благ исключительно себе. Немудрено, что сребролюбие — корень всех зол и суть всех страстей. В отличие от прочих страстей,

⁴ Подробнее см. Шалларь В. Антропология войны, торговли и промышленности; Экономические механизмы разложения монашества; Психоанализ, теология и политэкономия накопления капитала: «О скупости» Младена Долара.

⁵ О социально-экономическом учении Отцов Церкви см. Шалларь В. Политэкономия Святых Отцов.

которые, пускай и не благим образом, но желают всего лишь какого-то объективного блага, сребролюбие являет одержимость обладанием как таковым.

Если цель аскетики — обожение, то ее ближайшая проблема — страсти. Таким образом, аскетика классически всегда делилась на два больших блока: блок покаяния, отрыва от мира сего, самоосвобождения, борьбы со страстями и блок стяжания благодати, соединения с Богом, обожения, блаженства.

Пламя и фаллос

Прекрасный пример христианского мышления мы находим в учении преподобного Симеона Нового Богослова — символа восточнохристианской духовности, сурового аскета, блестящего поэта, смелого мистика, обличителя клира, радикального коммуниста и певца Божественного Эроса. В чем внутренняя связь всех этих определений?

Симеон учил, что церковь, общество и все мы — грешны, а грех нужно упразднить. Справиться с ним в собственной душе помогает аскетика, в обществе — «христианский коммунизм».

Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. И если они, взяв что-нибудь или даже все из этих денег, из страха угрожаемых наказаний или в надежде получить сторицу, или склоненные несчастьями людей, подадут находящимся в лишениях и скудости, то разве можно считать их милостивыми или напитавшими Христа, или совершившими дело, достойное награды? Ни в коем случае, но как я утверждаю, они должны каяться до самой смерти в том, что они столько времени удерживали (эти материальные блага) и лишали своих братьев пользоваться ими.

Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования.

Такую общую экономическую критику существующего порядка предлагает нам Симеон, чтобы затем обрушить ее на царей, сановников, богачей, епископов и священников. Как можно заметить, это не моральная проповедь, а требование радикального преобразования общества на истинно христианских, то есть коммунистических началах.

Однако что на практике дает нам эта критика и суровая аскетическая борьба? Она дает нам создание общины альтернативной жизни, где Бог соединяется с людьми, где политэкономической формулировкой Божественного Блаженства является коммунизм, а блаженство выступает мистическим синонимом коммунистического быта.

Симеон — потрясающей поэт блаженства соединения с Богом:

Мало-помалу забывает мир и яже в мире, — деньги, имущества, родных. Свет, конечно, рождает свет: поэтому и они делаются светом, чадами Божиими и Богами по благодати — те, которые отрекутся суетного и обманчивого мира, без ненависти возненавидят родителей и братьев, считая себя странниками и пришельцами в жизни; те, которые лишат себя богатств и имуществ, совершенно отвергнув пристрастие к ним. Мы вместе (с тем) сделаемся Богами, сопребывающими с Богом, совершенно не усматривая неблагообразия в теле (своем), но все уподобившись всему телу — Христу, а каждый из нас — член (его), весь Христос есть. Палец мой — Христос и детородный член. Ты, о Боже мой, — ничто из всего (существующего в природе), но все дела Твои произведены из ничего, один только Ты несотворен, один безначален, Спасителю, — Троица Святая и честная, Бог всяческих. И Ты показал нам свет Твоей непорочной славы, который и ныне непрерывно подавай мне, Спасителю. Дай мне всегда чрез него, как бы в зеркале, видеть (и созерцать) Тебя, Слове, и хорошо (узреть и) уразуметь неизъяснимую красоту Твою, которая, будучи совершенно недомысленна, более чем поражает ум мой, приводит в изступление мысли мои и возжигает в сердце моем огонь любви к Тебе; он же, содейваясь пламенем Божественного желания, яснее показывает мне славу Твою, Боже мой. Поклоняясь ей, молю Тебя, Сыне Божий, дай мне и ныне и в будущем (веке) непрестанно иметь ее и чрез нее вечно созерцать Тебя — Бога. Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гибнущаго, ни талантов золота, ни высокого престола, ни начальства над этими тленными (вещами); соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, (дабы и я также сделался смиренным и кротким).

В этом фрагменте есть все, что нам нужно. Деньги, собственность, власть, семья отвергаются ради свободной жизни, где изначальная благодать всего созданного Благим Богом узнается и возвращается. Человек пронизывается Огнем Божественного желания, который снисходит на все его благим сотворенное существо, вплоть до гениталий⁶. Исчезает грех, поскольку, чтобы снизошел Божественный Огонь, тварный мир должен очиститься от скверны собственности, товарно-денежных отношений и господства человека над человеком. После этого открывается неизъяснимая Красота — абсолютный объект желания, абсолютное блаженство, позволяющее удовлетворить сверхнаглую дерзость человека — стать богом, выполнив цель христианской жизни.

Христианская аскетика есть радикальный отрыв от «мира сего» (классового общества) внешне, политэкономически для коммунизма, а внутренне, мистически-психоаналитически — для блаженства.

⁶ То, что прочитывается в христианстве как борьба с телом, есть не проваренный христианством платонизм. На деле православие часто характеризовали как «религиозный материализм», то есть как учение и практику, акцентирующие внимание на участии тела в спасении и даже на спасении самого тела. Именно с этим связаны столь раздражающие материалистов элементы православия, как мощи, иконы и в целом богатая, весомая материальность культа.

Однако это классическое, т.е. ортодоксальное, всеми всегда отстаивавшееся христианское мышление и соответствующие ему практики считает капитализм.

Счет и дар

Что такое капитализм? — это, говоря языком аскетике, экономическая система, возводящая страсти сребролюбия в принцип общественного устройства. Все сущее в ней понимается как товары и деньги, человеческие отношения овещняются и оказываются математически подсчитываемы. На выходе мы имеем материализм в метафизике, атеизм в религии, принципы частного присвоения и накопительства в экономике. Базис определяет надстройку⁷.

Каково общество — таковы и его верования. Коммунистические общины ранних христиан и монахов создали Новый Завет и патристические тексты — теоретическую основу классического христианства. Буржуазное общество создало материализм и атеизм. Это становится очевидным, если серьезно задуматься. Только многовековой гипноз материализма как чего-то свободолюбивого мешает этому пониманию, хотя никто так и не смог внятно объяснить, чем метафизика детерминированного мертвого вещества эмансипаторней метафизики Свободы и Любви⁸.

Христианству не удалось христианизировать мир. Мирские силы власти сребролюбия бурлили и крепили под христианской оболочкой Средневековья, пока не совершили решающий прорыв — Реформацию. Монашеская (коммунистическая) аскеза была заменена мирской (буржуазной). Капитализм родился из духа протестантской этики, обмирщившей христианство⁹. Дело оставалось за малым: Просвещение и торжество атеистического материализма привели к тому, что религия оказалась практически полностью вытеснена из общественной жизни.

Монашеские общины ставили задачу трансформации человека в бога по благодати. Буржуазное общество ставит задачу трансформации человека в homo economicus, существо, рационально рассчитывающее баланс удовольствий и страданий, то есть в существо, чья внутренняя жизнь, самая его рациональность, желание, свобода подчинены капиталистической логике. Капитализм есть еще и определенная политика желания и удовольствия, определенная их конструкция.

⁷ Проясним отношение идеализм/материализм. Классическое христианское мышление включает в себя безусловный примат бытия над сознанием. Бог есть бытие, и Он дарит бытие тварным духам («сознаниям»). Бытие есть общность всех и всего. Буржуазный субъект в сатаническом идеалистическом акте приватизирует бытие, объявляя его продуктом своего сознания. Идеализм — это исходная позиция буржуазного субъекта, из которой все бытие представляется его собственностью, продуктом или «опытом». В этом идеалистическом/буржуазном опыте содержатся математически просчитываемые материальные процессы. Буржуа — идеалист, чей опыт материалистичен. Таким образом, материализм совершенно закономерно вытекает из идеализма, что ставит перед последовательной антибуржуазной мыслью задачу отбросить набившую оскомину оппозицию.

⁸ При всем моем неироничном почтении к классикам социалистической мысли эпохи модерна, надо сказать, что они все же не знали никакой другой жизни, кроме жизни в буржуазном обществе, и именно этим объясняется их материализм. Реальные коммунистические сообщества никогда не порождали материализма и всегда были религиозны, чему можно найти множество примеров.

⁹ Строго говоря, это неверная формулировка, но нет места, чтобы об этом подробнее говорить. См. уже упоминавшийся цикл статей «Христианство и фаллоκραтия», а также цикл «Рынок и монастырь».

Но действительно ли рационально быть эгоистическим субъектом, что, строя свои отношения с другими субъектами, руководствуется исключительно личной выгодой? Дарит ли это ему максимальное удовольствие? Скорее всего, человек средневековья ответил бы, что такой «разумный эгоизм» есть безумие, ведущее только к вечной муке. То, что преподносится нам как рациональная философия удовольствий, на деле представляет собой метод управления человеческими страстями, в рамках которого осуществляется определенная сборка субъекта. Капиталистический гедонизм просто возводит страсти в ранг нормы, что ортодоксальное христианство осудило бы за крайнее ущербление и извращение человеческой жизни. Истина здесь понимается как просчитывание материальных процессов, а благо — как просчитываемые материальные процессы: нужно было много усилий, чтобы считать это рациональным, чтобы измерять числом, чтобы подводить баланс блаженству, радости, любви, свободе, дару, экстазу.

Неолиберализм есть философия утилитаризма, бентамовского цинизма. Но нам не нужно попадать в ловушку и противопоставлять ему кантовский садизм, морализм. Утилитаризм есть логика просчитываемых личных интересов, но и морализм есть логика просчитываемого морального долга.

И Кант, и Бентам, конечно, мещане. Первый по-обывательски думает, что моральный поступок, приносящий радость, «эгоистичен», а потому не морален. Совершение нравственного поступка кажется ему некой сделкой, во время которой мы платим радостью и потому не должны ждать иной награды. У Канта добро не совпадает с радостью и лишается ее. Бентам вовсе не верит в то, что моральный поступок может сопровождаться чем-то положительным. Значит, стоит блюсти исключительно свои «интересы». Напротив, для христианина добро остается чистейшей радостью и блаженством: благо есть и моральное добро, и объект желания — то, что приносит блаженство; безумно разрывать эти два аспекта.

Надо раз и навсегда понять, что современный морализм и утилитаризм являются примерами вывихнутого сознания, захваченного страстью счета. Любовь же ничего не ссужает — она щедро дарит, наслаждаясь собственным даром. Полное тождество любви-добра-радости возможно, и надо именно что свихнуться, чтобы не видеть этого, надо заменить сердце на бухгалтерскую книгу. Как таковое, атеистико-материалистическое отвращение Нового и Новейшего времени к религии, аскетике и мистике (как и протестантское — к церковности и монашеству) есть чистой воды мещанское отвращение к высокому, сложному и непонятному — к тому, чего никак нельзя взвесить или измерить.

Нужно отбросить меркантильную логику долга и ценностей. Христианство — это религия тотального обесценивания. Бог — дар самому себе, и мир Он сотворил даром. Через Искушение мы приобретаем к бесконечной ценности Бога, погашающей все наши долги и уничтожающей рынок любых ценностей, как материальных, так и духовных. Благодать умерщвляет просчитывающе-собственническую волю. Все общее — считать нечего¹⁰.

¹⁰ См. подробнее уже упоминавшийся текст «Экономические механизмы разложения монашества», а также Шалларь В. Прощение — это рационально, Покаяние — это революция, Таинственное богословие деконструкции: «Вкус к секрету» Жака Деррида.

Теологический поворот

Долгое и упорное непонимание сути аскетики коренится в ложном конфликте кантовского садизма и бентамовского цинизма, что всего-навсего являются двумя формами буржуазной этики.

Унылый морализм, самоограничение, трудоголический «аскетизм» — это плоды протестантской этики, в которой труд и накопление капитала выступают знаками «богоизбранности». Протестантизм как идеология зарождающегося капитализма вытесняет движимое сострадательной любовью ко всем существам мистикоаскетическое христианство и уничтожает церковность, чтобы «освятить» основные структуры угнетения. Его этика изначально была утилитарна. Протестант — всегда моралист и трудоголик, поскольку в этом состоит его личный интерес: благодаря мирским успехам — почувствовать «богоизбранность». На других — плевать, пусть погибают в нищете и вечно горят в аду (протестантское отвержение церковности есть просто отвержение общности: люди теперь спасаются по одиночке, как «индивидуальные предприниматели»). Морализм уже предполагает мышление в логике ценностей, непротиворечиво формирующее этику личного интереса.

Раньше буржуазное общество отдавало псевдонравственный приказ «Исполни долг!» (то есть будь хорошим работником и подданным). Ныне оно отдает псевдобунтарский приказ «На слаждайся!» (то есть будь потребителем). Эти две команды суть приказы стать идеальным винтиком капиталистической системы. Либертариям следует отказаться от их выполнения и выбрать этику свободы и блаженства.

Классическая христианская этика никогда не металась между морализмом и утилитаризмом. Она знала реальность изнемогающей в сладкой муке любви, она знала блаженство дара и жертвы, где дар сам себе награда, жертва — сама себе наслаждение, где добро и радость сплетены воедино, ибо таков Бог и таков мир, который Он создал. В ней все, что теологически есть Троица, мистически есть блаженство, этически — добро, политэкономически — либертарный коммунизм, в котором индивидуальное и коллективное, личность и сообщество совершенно совпадают.

Поэтому неудивительно, что исторически левое движение постоянно возвращается к классическому христианскому мышлению. Прудон, Маркс и Бакунин повторяют формулы Отцов Церкви; социалисты, как пророки и святые, продолжают обличать греховность элит, вставая на защиту угнетенных, и провозглашать Грядущую Справедливость, меняя свой образ жизни (аскетика) и мысли (теология).

Разве то, что называют современным мышлением (вместе с его убогой этикой), не пало жертвой деконструкции, произведенной постмодернистами? Разве их постметафизическое мышление не отмечено «теологическим поворотом»? Не означает ли это, что деконструировать современное мышление как идеологию буржуазного общества — значит вернуться к теологии, как это сделали Беньямин, Блох, Фромм, Деррида, Барт, Фуко, Иглтон, Бадью, Жижек и Агамбен¹¹? Кажется, остался всего один шаг

¹¹ Я различаю постмодерное и постмодернистское мышление. Первое преодолевает современное мышление, и в этом смысле оно «новосредневековое». Второе является идеологией неолиберализма — остановки, зависания между классическим капитализмом и посткапитализмом, идеологией невхождения в посткапитализм. Подробнее об этом см.: Шалларь В. Антропология дискурсивных, образовательных, культурных и арт-практик, Антропология одержимости.

— и нам откроется как нечто очевидное тождество классического христианства и анархо-социализма на всех уровнях: от повседневных практик до метафизических теорий.

Патриархальная гомосексуальность и авторитарно-милитарный дискурс

Задача этих заметок — описать идеологическопсихологическую структуру современного российского авторитарно-милитарного дискурса (далее — АМ-дискурс), выявить ее центр тяжести. Это последнее — главная наша цель, а потому саму структуру АМ-дискурса мы опишем лишь в ее общих контурах¹.

Общие контуры АМ-дискурса

«Украинец» — не субъект, а инструмент Запада.

Украинцев не существует. Этим неисповедимо гнусным словом «враги России» называют «перепрошитых», «зомбированных» русских («вырусей»). Иначе говоря, украинцы — «зомби», то есть обманутые жертвы западной пропаганды, люди, подвергнутые гипнозу, чему-то вроде черной магии.

Для АМ-дискурса характерна поразительная вера в пропаганду, в возможность перепрошивки-зомбирования огромных масс. Однако если «украинец» — лишь перепрошитый русский, не означает ли это, что граждане России тоже могут быть подвержены вражескому зомбированию? АМ-дискурс включает в себя вытесненную догадку-подозрение, что это уже так.

Зомбированные «украинцы» политически несубъектны, поскольку являются всего-навсего инструментами исполнения чужой воли, а потому, настаивают идеологи, по своей сути бесконечно нелепы, смешны, слабы. Когда украинцы демонстрируют силу, смелость и стойкость, отражая вражеские атаки и нанося ответные болезненные удары, — это не их заслуга, а работа «западных спецов» или заговорившей в них «русскости» (извращенный шедевр пропаганды: достижения противника — твои собственные достижения).

Следующий виток: «украинцы» предельно отвратительны, гнусны, мерзки, их существование нельзя терпеть. «Зомби» превращаются — вполне логично в этой логике бреда — в «дохлых хохлов». «Свинорез».

Короче говоря, «украинцы» в рамках АМ-дискурса представлены как темные двойники русских. Их язык — темнодвойнический русский язык, их церковь — темнодвойническая русская церковь («автокефалисты», «раскольники», «униаты»), их

¹ Из-за ограничений по объему текста мы не можем себе позволить обильное цитирование. См. огромный массив образчиков АМ-дискурса. Нужно заметить, что ко времени написания этого примечания АМ-дискурс только усилил свои основные линии: «гей/сатанист» теперь — широко распространенная риторическая фигура в дискурсе первых лиц российского государства.

государство, страна и народ — темный двойник России, которого необходимо уничтожить.

Итак, война идет вовсе не с украинцами (настолько они жалки и нелепы, эти «украинцы»), а с Западом, черной силой, создавшей темного двойника России. «Глобалисты», «американцы», «неоконы», «англосаксы» — всего лишь несколько его обличий.

Используя устоявшийся в российском информационном поле образ Запада как абсолютного зла и постоянной внешнеполитической угрозы, пропагандисты именуют западных соперников «нацистами», чтобы вызывать у своих реципиентов соответствующую травматическому опыту прошлого века реакцию. Именно поэтому одной из целей СВО, по заверению властей, является денацификация. Она понимается как борьба с западным влиянием.

Но, помимо денацификации, война преследует и другую цель — декоммунизацию, о чем идеологи АМ-дискурса неустанно говорят. Ведь «западный след» отчетливо прослеживается в «главной катастрофе» российской истории — социалистической революции. Именно «Запад» привил русскому народу «коммунистическую заразу», положившую конец «святой тысячелетней империи».

Эфир за эфиром и пост за постом мы с удивлением узнаем, что командные высоты в западных структурах власти занимают именно «марксисты» (скажем, руководство НАТО — «марксисты»). США правят «неоконы», которые, как должно быть всем известно, — троцкисты. Саму «Украину» создал коммунист Ленин. Все эти утверждения в рамках АМ-дискурса считаются «общими местами», политическим «здравым смыслом».

Нацизм-коммунизм — внешнее проявление сатанинской сущности «Запада». Теология сатанизма венчает АМ-дискурс. Так, например, аббревиатура «СВО» может расшифровываться как «Священная Война Освобождения/Очищения», а вооруженная борьба преподносится как политический экзорцизм: дескать, Россия очищает «Малороссию/Новороссию» от «украинства», то есть вестернизации-сатанизации. Нет ничего удивительного в том, что в российских СМИ стали публиковать материалы об исповедании украинцами языческих и сатанинских культов (Украина как «тоталитарная гиперсекта»). Таким образом, к двум ранее обозначенным целям СВО добавляется третья — десатанизация.

По существу дела, со слов пропагандистов, в феврале 2022 года началась мировая война с предельным злом — сатанизмом. СВО — это «метафизическая», «эсхатологическая» война, может быть, буквально последняя, так как она чревата ядерным финалом. Впрочем, успокаивают они свою публику, только Россия как «катехон», последний оплот веры и правды, не дает концу света случиться.

В текстах проводников АМ-дискурса ведущаяся ими мировая война со злом все больше становится похожа на гражданскую. Воюют ведь не «украинцы» (как мы узнали, их вовсе не существует, они — наши перепрошитые, зомбированные братья), а русские «патриоты» с русскими «западниками» на территории «русского мира». Начало СВО, по мнению ее апологетов, дало шанс победить старых внутренних врагов: не только «либералов» и «нацпредателей», но и коррупционеров с олигархами (!). Ввязавшись в «гражданскую войну» за пределами РФ, участники СВО готовят очищение самого российского государства.

Так, например, «ковидобесие» в АМ-дискурсе преподносится в качестве «специальной операции» глобалистов, захвативших медицинские, фармацевтические структуры РФ — враг управляет русскими телами, «генномодифицирует» их. Повсеместная «цифровизация», проводимая властями, тоже дело рук «мировой закулисы», представители которой прочно окопались в образовательных и финансовых структурах страны. Кажется, что агенты сатанинского нового мирового порядка каким-то образом уже (почти) захватили Россию.

Эти две фобии, циркулирующие внутри АМ-дискурса, — «ковидобесие» и «цифровизация» — образуют еще одну догадку-подозрение, согласно которой темные силы давно подошли к русским вплотную и постепенно захватывают их тела. В глазах идеологов войны, человек в ближайшем будущем может быть вытеснен с исторической арены монструозным мутантом-киборгом: в мире устанавливается сатанистский (трансгуманистический) порядок — против этого и ведется СВО².

Неизбывный ужас пропагандистов перед вакцинацией и цифровизацией есть патологический выброс в больное общественное сознание бессознательной догадки-подозрения о чудовищных объемах сил отчуждения, действующих в современном мире.

Стихийный ленинизм масс и нигилизм элит

Обратим еще раз внимание на то, что внутри АМ-дискурса «мировая война» странным образом оказывается войной гражданской, направленной против мировых и «наших» элит-угнетателей, эксплуатирующих массы в своих корыстных целях — ради власти и денег. Этот неожиданный извращенный ленинизм АМ-дискурса не должен нас удивлять. Работа идеологии как раз и сводится к тому, чтобы перенаправить протестную энергию масс с их подлинной цели (угнетателей) на цели фантастические (украинцев, американцев, глобалистов, сатанистов). Элементы «ленинизма» должны быть идеологией перестроены в структуру, дезактивирующую «ленинизм»; и это совершается как раз через центр тяжести структуры, в гравитации которого элементы «ленинизма» пересобираются в монстра АМ-дискурса. Чтобы перейти к этому центру вплотную, мы должны назвать еще один элемент АМ-дискурса.

АМ-дискурсу свойственен культ голый силы, почти откровенная уголовная идеология, общая для «питерской подворотни», безыдейной постсоветской бюрократии, новорусской буржуазии/ криминалитета. Здесь не стесняются, не ищут высоких слов — несмотря на «метафизичность», «эсхатологичность» СВО (стиль площадной ругани, общий теперь даже для рф-дипломатов, не говоря уже про рф-тв).

В АМ-дискурсе возникает два уровня: плебейский, адресованный немногочисленной группе фанатичных сторонников СВО, и элитистский, в рамках которого позиционирование войны как «последней битвы человечества» — всего лишь ци-

² Иронично, что «вера и правда» внутри АМ-дискурса заключаются в отрицании необходимости медицинской помощи больным русским телам в принципе. Любое медикаментозное или хирургическое вмешательство предстает коварной атакой «закулисы», когда как отправка в жерло СВО — духовным возрождением.

ничный и ничего не значащий блеф, необходимый властям в качестве инструмента контроля за общественным сознанием.

Нужно различить ядро низового АМ-дискурса, (очевидно, не многочисленной) группы, фанатично поддерживающей СВО (тут действует сцепление национализма/традиционализма/православия и тому подобного) от идеологии самих правящих групп РФ, которые все же вряд ли во все это верят, как вряд ли они верят в философию несчастного анархо-коммуниста Бердяева, чьи слова волей неизвестного спичрайтера озвучил Путин, как вряд ли они верят в философию фашиста Ильина, как вряд ли они верят вообще во что-нибудь; вероятней всего их философией действительно является «методология», цинизм-нигилизм веры в чисто технологическую разрешимость тех или иных возникающих перед ними проблем. «Традиционализм» (Дугин и прочие) — для масс; «методология» (Кириенко) — для элит.

АМ-дискурс нужен, чтобы перестроить стихийный «ленинизм» масс (и самой ситуации) в идеологию поддержки правящих групп, но этим последним в таком случае никакой АМ-дискурс очевидным образом не нужен. Подлинная идеология правящих групп — нигилизм голой силы: «черносотенный демократизм» — идеология низов, не верхов (между прочим, именно так — по-ленински! — понимал идеологию Российской империи упомянутый Бердяев).

Однако вера в голую силу сводит два полюса вместе: массы идентифицируют себя с властью, идентифицируют себя с победительной мощной силой. Не «нация», «вера», «мораль», «государство» и тому подобное, но голая сила, культ успеха-победы — вот подлинная скрепа РФ, результат 30-летней выучки выживания в выжженной нигилизмом-цинизмом пустыне постСССР.

Но, повторим, фанатичная поддержка СВО, вот эта фантастика сатанизма свойственна активному меньшинству. Как тогда работает идеология с массами? Теперь мы наконец-то подошли к центру тяжести АМ-дискурса — к той короткой формуле, что имеет повсеместное распространение в АМ-телеграм-каналах:

«Мы опустим всех этих петухов».

«Гей» как центральное означающее АМ-дискурса

Неотъемлемым свойством всех «врагов России», как уверяют идеологи СВО, является гомосексуальность, ненависть к которой власти подпитывали в массах уже давно, играя на распространенных в российском обществе патриархальных пред-
рассудках.

Пропагандисты объясняют: украинцы не только «нелепые и жалкие сатанисты-коммунисты», а Запад — не только предельно черное зло. В последней своей конкретности и украинцы, и европейцы нарекаются ими такими чудовищными для «патриотов» определениями, как «феминистки», «квиры», «проститутки», «педо-филы», «трансы». Но в первую очередь и чаще всего их называют просто «геями». Фигура «гея» — стержневая для АМ-дискурса.

Война — это может стать неожиданностью для не погруженных в АМ-дискурс — идет прежде всего с геями, «Четвертым ЛГБТ-рейхом». Миссия РФ — «опустить» этот сатанинский рейх «педиков», оплот «жалкой петушни», под которым может

подразумеваться что угодно (США, Европа, Запад, Украина). Именно уголовные ритуалы «набутыливания» и «опускания» — идеологические скрепы РФ, проникающие от тюремного быта через повседневность (например, матерщина и тому подобное) к идеологическим высотам. Официальное богословие РФ — в лице патриарха всея Руси и муфтия Чечни — интерпретирует СВО именно в таком ключе: как борьбу против «гей-парадов» и «греха народа Лута» (мужеложества). Интересная тема, которую нет места здесь развернуть: смычка/отождествление российского ислама и российского православия производится позитивно на фигуре Путина и негативно на фигуре «гея».

Все выделенные нами элементы АМ-дискурса складываются в единое целое вокруг непристойного наслаждения патриархальной гомосексуальностью.

Психология классовых обществ

Теперь следует разобраться в том, почему идеологические аппараты РФ строят свой нарратив вокруг эстетизации воинственного гомосексуального насилия, если «гей» является главным врагом в начавшейся 24 февраля «мировой войне». Для этого обратимся к ключевым положениям классического исследования фрейдомарксиста Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм».

Вульгарный марксизм начала прошлого века настаивал на механистической природе общественного развития. Так, по мнению экономических детерминистов, ухудшение экономического положения трудящихся должно было способствовать формированию у них классового сознания, результирующим эффектом которого стала бы борьба за социалистическое переустройство общества. Победа нацистов на выборах 1933 года в Германии показала несостоятельность экономического детерминизма.

Почему массы поддерживали движение, противоположное их социально-экономическим интересам? Какой ресурс позволил нацистам победить коммунистов: какая сила перетянула непосредственные социально-экономические интересы? Почему выигрывают реакционные силы, в чем сила фашизма? Если все выводить напрямую, непосредственно из «базиса», то триумф фашизма необъясним.

Райх в ответ постулирует существование сложной, многомерной и многоуровневой системы опосредований между «сущностными силами человека» («любовью, трудом и познанием»), их отчуждением в классовых обществах и конкретным политическим событием (триумфом нацистов или поддержкой СВО). Экономические детерминисты в марксистской формуле «в конечном счете все определяется экономическим базисом» пропускают важнейший элемент — «в конечном счете»: не непосредственно базис определяет надстроечные феномены, но в «конечном счете» — через сложную систему опосредований, где каждое опосредование, каждый уровень, каждое измерение процесса обладает собственной несводимой реальностью-силой. Главное же состоит в том, что экономический детерминист забывает, что марксизм не выводит все происходящее из экономики — но «в конечном счете» все сводит к реальным предпосылкам экономики — к реальным индивидам, их сущностным силам: экономику созидают люди — в отчужденной форме или нет. Понимать экономику как субъекта истории означает мыслить в логике отчуждения (в логике классового

общества), тогда как марксизм как раз вдохновлен разотчуждением — демистификацией логики классового общества, которой принадлежит видение субъектности не в субъекте («конкретном индивиде» по Марксу), а в социальных вещах-силах.

Наслаждение угнетением

Что конкретно представляет собой выявленная Райхом система опосредований?

Есть непосредственные интересы конкретных социальных групп. Правящим классам, чтобы сохранить свое положение, нужно обеспечить повиновение угнетенных. Одна голая сила в этом деле опасна, так как способна вызывать жесткое противодействие. Значит, нужно найти такие способы убеждения, которые склонят угнетенные классы «согласиться» со своим подчиненным положением. И коль скоро люди по своей природе являются желающими, стремящимися к наслаждению существами, «область согласия» может быть сформирована угнетателями через овладение областью желаний и наслаждений угнетенных.

Классовое общество, согласно Вильгельму Райху, продуцирует идеологию согласия с угнетением, поддержки угнетения, более того — наслаждения угнетением. Недостаточно сказать: «Реакционные силы перенаправляют протестные энергии масс с их подлинной цели на цель ложную (с капиталистов и государства — на „евреев“, „украинцев“, „геев“ и прочих)». Безусловно, все так, но какие инструменты позволяют им это делать? В работе «идеологии» классового общества ничего нельзя понять, если не заметить постоянно ведущейся идеологами непристойной игры с влечениями и наслаждениями индивидов.

Наши психические структуры сформированы многотысячелетней историей классовых обществ. «Любовь» («сексуальность», «биологическая энергия» и так далее) — «сущностная сила» человека. Эта сила в классовых обществах претерпевает извращение и отчуждение. Классовое общество формирует такие психические структуры, при которых человек — вот что следует понять — наслаждается угнетением (угнетением других и угнетением себя: и как субъект, и как — это главное — объект угнетения). Мы все — перверты. Именно за счет этих психических структур выигрывают реакционные силы: да, непосредственные социально-экономические интересы угнетенных состоят в свершении социальной революции, но реакционные силы активируют древние паттерны психики: «отцовство», «материнство», «семья»; фюрер-отец, родина-мать, нация-семья; весь сложный садомазохистский комплекс, связанный с этими словами. Сформированные многотысячелетней историей классовых обществ психические структуры, механизмы желания, способы наслаждения приходят на помощь реакционным силам — чего не замечает экономический детерминист.

Поиметь

Да, «базис» определяет надстроечные феномены, но не непосредственно: не так, что любой феномен можно напрямую свести к производству, но так, что способ производства простирается в своей логике все в человеческом мире. «Любовь, труд и

познание», сексуальность, влечения — все это существует, вообще говоря, независимо от производства (так что само производство есть лишь момент в самопроизводстве субъектов — желающих наслаждающихся субъектов), но и это в классовых обществах протраивается по их логике. Лосев учил нас: не то чтобы философия Платона была непосредственной идеологией рабовладельцев, но мышление Платона было сформировано рабовладельческим обществом, само его мышление — сами механизмы, методы мышления — были «рабовладельческими», строились по модели «господин-раб». Все понимается по этой модели, и отсюда, в частности, схема «идеи-материя»: мир понимается в господско-рабской логике.

В конечном счете все многообразие реальности понимается по модели господин-раб: все распадается на бинарные оппозиции, где первый член «угнетает» второй: боги-люди, небо-земля, идеиматерия, мужчины-женщины, греки-варвары, нечетное-четное, свет-тьма и так далее и тому подобное: мир как садомазохистский коитус.

«Иметь», «поиметь» — вот формула классовых обществ: кто-то что-то/кого-то имеет: власть, собственность, секс. Сама по себе сексуальность (как и вообще все желания и потребности) этого не предполагает. Сосуществование людей, их жизнь-вместе не предполагает господства. Власть авторитета и собственности — не сущностный (не необходимый, не вечный), а исторический феномен. Однако сцепление сексуальности с господством формирует структуры, закрепляющие угнетение на уровне социальных практик, способов мышления, структур психики: «патриархат» и «фаллологоцентризм».

То острое наслаждение, которое испытывают индивиды, присоединяясь к фашизоидным (патриархальным и ксенофобским) движениям, и к которому призывают реакционные силы с помощью пропаганды, имеет садомазохистский характер. Именно здесь реакционные силы находят ресурс обхода непосредственных социально-экономических интересов угнетенных масс, механизм перехвата протестных энергий в свою пользу.

Угнетенный испытывает понятное недовольство, несчастье: он бесправен, беден и так далее. В нем копится энергия недовольства. В этот момент реакционная идеология активизирует садомазохистские психические структуры: протестные энергии перенаправляются в старое русло, проложенное всей историей классовых обществ, — здесь активируются сексуальные энергии — все это превращается в монстра, с наслаждением подчиняющегося властям. Реакционная идеология активизирует, аккумулирует, разогревает и протестные, и сексуальные энергии, «традиционно» имеющие садомазохистскую форму. Представьте себе «простого человека» с его недовольством, несчастьем, агрессией и так далее: в «мирное время» он вымещает все это, скажем, в алкоголизме, драках, семейном насилии и прочем. Но вот приходит кризис, и эти энергии перехватываются реакционными силами — и тем только усиливаются.

Райх справедливо замечает, что сексуальность — любимая тема правых. Они могут часами рассуждать о традиционной семье, праве на аборт, воспитании детей, сексуальных «девиациях» и так далее. Интерес к (подавленному) «телу» и (садомазохистскому) «сексу» пробуждают агрессию и похоть реципиентов реакционных дискурсов.

Милитарные общественные структуры в конце концов прививают субъекту мазохистское наслаждение быть «имеемым». Разве не к этому сводятся циничные армейские обряды инициации, делающие из «духов» «мужчин»? Стать «мужиной» — значит пройти игровое (или не очень) «опускание», выдержать боль, причиняемую мужским коллективом, чтобы стать его частью и получить садистское право «опускать» других.

Эта «патриархальная гомосексуальность» для реакционеров — не «гейство», а основной идеолого-психологический механизм, служащий интериоризации субъектом правил функционирования классовых патриархальных обществ.

АМ-дискурс воспроизводит ее в чистом виде.

Симптомы вытесненной религиозности

И тут вступает в игру религия.

Действительно, ведь Райх пишет о том, как правые работают с психикой, культурой — «душой», «духом», «религией», — чего не делают экономические детерминисты, пропуская огромную область действительности, сводя ее к «базису». Но повторим еще раз: фашизм не смог бы выиграть, если бы не существовало лага между непосредственными социально-экономическими интересами масс и их исторически сформированными психическими структурами. «Дух» классовых обществ садомазохистичен: это непристойный, грязный, страшный перекут похоти, агрессии, господства; эротическое наслаждение жестокостью, властью, насилием. Тут нужно говорить именно о духе, о душе, о «культуре» — в широком и в глубоком смысле слова; о культуре желаний, культуре наслаждения, культуре влечений, культуре мыслей-помыслов и прочем: о том, что покрывается такими концептами, как «духовные практики», «аскеза», «мистика», «религия». Левые пропускают «дух»; им нужно взывать к какому-то другому духу для своей победы. Райх специально обращает на это внимание: вульгарно понятая «классовая борьба» пропускает огромные области человеческой экзистенции и социального бытия, которые на деле представляют поля важнейших классовых сражений.

Самое интересное для нас тут — то, как Райх запутался в религиозных вопросах. Книга Райха (как и все его учение) — интенсивно антирелигиозная и прицельно антихристианская. Но у Райха (как обычно — да и просто всегда у любого мыслителя) есть своя мифология: классовые общества — патриархальны. Но до классовых, авторитарных, патриархальных обществ были-де эгалитарные, либертарные, матриархальные общества. И в этих последних, во-первых, не было садомазохизма, а во-вторых, там была какая-то своя религия. Но тут есть противоречие: религия оказывается чем-то таким, что может существовать в бесклассовых, не-авторитарных, не-патриархальных обществах. Религию, стало быть, нельзя свести к «подавлению сексуальности», идеологии классовых обществ и тому подобному. Далее, Райх при всей своей антирелигиозности создает именно что религию. Он «открывает» «Оргон» — «универсальную жизненную энергию», которая-де пронизывает собой всю реальность. То есть Райх натурально «открывает» Божество, и, как известно, проваливается в этом пункте в псевдонауку/псевдорелигию — в «естественную рабочую демокра-

тию», этакий псевдонаучный даосизм, псевдорелигиозный анархизм. На самом деле это один из главных уроков Райха (уроков его провала): если вы оказываетесь не способны правильно понять свою религиозность, то все у вас поплывет куда-то не туда: наука станет псевдонаукой, религиозность — глупостью, философские, социологические и психологические аспекты ваших исследований перепутаются и так далее и тому подобное. Все это — симптомы подавленной религиозности!

Альтернативы АМ-теологии

Совершенно ясно (во всяком случае, для религиозного сознания), что АМ-идеология со всеми ее экзорцизмами и демонологиями сама нуждается в изгнании бесов блуда и гнева. Столь же очевидно, что апологии токсичной «гетеросексуальности» (патриархальной гомосексуальности) левым нужно противопоставить классический христианский «гендер» скопчества, девства, целомудрия. «Скопец» — антоним «гетеросексуальности», «самцовости», который не может считаться АМ-дискурсом иначе как разновидность «гейства»; здесь АМ-дискурс выдает свою нехристианскую природу.

«Гендеру» скопчества, этой конфигурации половых энергий, влечений и наслаждений, свойственны такие черты, как кротость, смирение, самоумаление. Все они полностью противоположны культивируемому АМ-дискурсом мачизму. Христианство в его аутентичных, классических формах — новозаветной и патристической — последовательно отстаивало антимахистские идеалы.

Как бы ни описывать/квалифицировать современный кризис гендера/сексуальности, остается непреложным то, что агрессивная защита гетеросексуальности/цисгендерности есть сам по себе один из эффектов этого кризиса, затянувшейся агонии патриархата; современная секс/гендерная ситуация есть летящие в пустоте осколки взорванного патриархата. Автор этого текста руководствуется гипотезой христианского скопчества как причины слома фаллоκραтии — и цели этого слома; энтелехией процесса разрушения патриархата; это, впрочем, уже совсем другой разговор, которого мы все же тут вынуждены коснуться, чтобы показать абсолютную противоположность, с одной стороны, АМ-апологии мачизма и с другой — христианскую апологию скопчества; эти две апологии образуют полюса, создающие современную секс/гендерную ситуацию.

Поразительна АМ-теология нового Христа:

«Такой Он, наш Бог — воин. Бог сильных. Бог — Победитель».

«Пасха Христова, Имперская Пасха, Пасха Русского Мира <...> Вслед за своим Господом, Русский мир восходит на собственную Голгофу. Восходит, чтобы принести жертву. Чтобы сойти во ад братоубийства».

«Казни их, Боже, и не жалея! Всех их казни <...> и тех, что у них „на подсосе“. Плевать <...> Реально, плевать <...> Шваль <...> просто шваль <...> Они сами на дрисне (дрищут, в смысле) и на стреме. Бздуны потому что <...> Времена Апокалиптические. Россия с самим Сатаной схлестнулась!»

Пятая колонна на подлизе, хохлы на подсосе, а русский Ванька опять за всю Вселенную в ответе!»

«[На все] насрать. Мы сожжем ваши дома, убьем ваши семьи, отберем ваших детей и вырастим их русскими».

«У нас в плену до 7 тысяч укро-вояк. А что если поотрезать им все причиндалы в ноль и отправить эту армию кастратов домой?»

«Деукраинизация — процесс сложный. С детьми надо тоньше. А вот взрослых за такие приколы надо заставлять извиняться. На коленях. С бутылкой».

Надо ли говорить что этот новый АМ-Христос — какой-то совсем другой, чем тот, что известен нам по Евангелиям? Это его противоположность — антихрист, что легко понимается при простом чтении Евангелий. Ситуация поразительна тем, что дефакто не требует критики, реконструкции. В это ее специфическая сложность: слишком все явно, очевидно, ясно, откровенно.

Деконструкции АМ-демонологии

Закончим наш анализ АМ-дискурса двумя возможными религиозно-антропологическими проектами его деконструкции.

Сергей Хоружий, возможно, главный православный мыслитель последних десятилетий, считал, что любой социальный феномен можно и нужно понимать как «антропологический тренд», то есть как определенный комплекс (военных, дискурсивных, управленческих, социальных и так далее) практик формирования человека. Это значит, что каждый «антропологический тренд» может быть сопоставлен привилегированной (в антропологии Хоружего) области «духовных практик». Скажем, в исихазме (духовной практике православия³) достигается антропологическая формация, характеризующаяся через такие термины, как любовь, кротость, милосердие, безгневие, целомудрие, мирность, смирение. А, скажем, в практиках вражды (которые Хоружий разбирал в том числе и на материале «Украинца как Врага» — за несколько лет до СВО⁴) достигается нечто противоположное: вражда — как и духовная практика — есть «практика себя», некая работа с самим собой: формируется ментальный образ Врага, куда накачиваются внутренние антропологические энергии ненависти, гнева, гордыни и тому подобного. «Враг» — его образ внутри психики

³ Российский ученый-религиовед Е.А.Торчинов определяет исихазм следующим образом: «В восточнохристианской традиции исихазмом называется разработанная система аскетической и монашеской практики, направленной на богопознание и обожение. Иногда родоначальником исихазма неправильно считается св. Григорий Палама (XIV век), но он лишь богословски осмыслил, обосновал и систематизировал ту практику духовного делания, которая была в ходу у монахов-анахоретов с глубокой древности (во всяком случае, уже Евагрий Понтийский и Макарий Египетский — IV век — знают практику „умной молитвы“, составляющую суть исихазма) и которая приобрела законченные формы задолго до Паламы».

⁴ Хоружий С.С. Другой — Чужой — Враг: антропология замыкания и ненависти.

субъекта вражды — максимально расчеловечивается. Одновременно это механизм максимального расчеловечивания самого субъекта вражды: мортидальные и либидальные энергии бессознательного захватывают сознание субъекта. Этот феномен известен православной аскетике как «бесоодержимость», часто он сопровождается феноменом «прелести» — ложной уверенности в своей богоизбранности, святости. Таким образом, АМ-дискурс, с этой точки зрения, есть явный пример бесоодержимости и прелести.

Но это, так сказать, внутренняя сторона процесса. Внешнюю 76 открывает антропология Рене Жирара, задействовавшего все мощности современного социогуманитарного знания для демонстрации истинности классического христианского тезиса: «Страсти Христовы изгнали демонов, сокрушили идолов, остановили жертвоприношения».

Жирар показал, что генезис и структура социального порядка как такового зиждется на жертвоприносительном эффекте. Сообщество обретает мир за счет убийства жертвы. В начале (архе — структурно, а не хронологически понятом) было насилие: надо убить Имира, Пурушу, Тиамат, чьи расчлененные трупы суть наш мир/мир. Притом (Жирар это подробно показывает на мифологическом материале) жертва на первых стадиях насилия предстает как темный двойник («украинец как двойник русского»), затем — по мере эскалации насилия — как отвратительный монстр («украинец» как лгбт-нацист-сатанист), чье убийство дарует мир, производит само Священное; таков генезис всех богов, разоблаченный Евангелиями, которые остановили жертвоприношения, разоблачили всех богов как демонов насилия, снесли все традиционные ценности как идолов этих демонов. Война, таким образом, есть огромное жертвоприношение, производящее Священное АМ-дискурса — то, что, на евангельский взгляд, есть чистое демоническое.

Так Хоружий и Жирар помогают нам сформулировать подлинную демонологию войны. Задача левых в нынешних условиях — противопоставить ей некую ангелологию.

Ленинизм, ангелология и универсальная истина

Синдром Крафта

Для эффективного лечения болезни требуется верно поставить диагноз. Моя диагностическая гипотеза такова: мы страдаем «синдромом Крафта».

Крафт — персонаж романа Достоевского «Подросток» — путем долгих размышлений приходит к выводу, что его конкретноисторическая ситуация («Россия») не способна быть частью «исторического прогресса», поскольку свойственная ей констелляция событий и процессов не располагает к учреждению сингулярного (здесь-и-сейчас) представительства Универсальной Истины. Проще говоря, из «России» нет пути к актуализации Универсальной Истины, «вечной» лишь виртуально, актуально же не сущей. Крафт оказывается сломлен этим кажущимся ему несомненным выводом и кончает с собой.

Точно так же и мы (по крайней мере, те, кто находится в России) не видим путей актуализации Истины в своей ситуации, не видим способа той конкретно-политической деконструкции нашей реальности, что смогла бы выявить Альтернативу — противовес тем дурным псевдоальтернативам, кои представляют собой всего лишь полюса, создающие систему войны. Той войны, что уничтожает восточноевропейские, ближневосточные и иные земли, той, что лежит в основе капиталистической системы («борьба за свои интересы», «конкуренция», «классовая война»), и той, наконец, что «отец всему».

«Синдром Крафта» — это неспособность увидеть Альтернативу; ощущение, что ее попросту не может быть.

Мы не знаем как остановить войну¹.

¹ Я думаю о том, что старые христианские теологемы — не метафоры, не мифы, но точные политические понятия наших дней. Конец света для нас — относительно простая технологическая возможность (применение ядерного оружия или накопительный эффект других разрушающих биосферу технологий). Я думаю, например, о первородном грехе: ведь война есть лишь крайнее проявление отчуждения, то есть отрыва от нашей свободы продуктов нашей же активности: мы виновны во всем происходящем, но, однако, не несем за это ответственности. Я думаю о том, что современная война — столкновение безличных военных машин, в каковых люди — лишь их элементы, а потому они не могут взять на себя какую-либо ответственность. Я думаю, что венец всего этого (логики индустриализма) — ядерная война, во время которой военные машины — продукты человеческой активности — уничтожат своих создателей.

Коммунизм

Однако в том же романе Достоевский предлагает нам лекарство: веру-верность Универсальной Истине даже — и, пожалуй, в первую очередь — в ситуации, когда ее актуализация невозможна.

В противовес синдрому Крафта Достоевский вводит в повествование странника Макара, чей образ есть образ актуализации радости мирной жизни посреди всепоглощающей войны за деньги, признание и власть. Христианская мудрость Макара, квалифицированная главным героем романа как «решительный коммунизм», — это готовность-решимость самому стать сингулярным представителем Универсальной Истины в насквозь крафтианской ситуации.

Деконструкция «спецоперации» должна выявить третье/внешнее в оппозициях «Россия/Украина», «Русский Мир/Запад», «либерализм/авторитаризм», «цивилизация/орда», «Гейропа/Святая Русь». Третье, что было вытеснено этими бинарными оппозициями — а именно мир, справедливость и универсальность: «святой остаток» истории, ее мессианский избыток.

Сейчас не видно, как и чем могла бы явиться Альтернатива, вытесненная в невозможность текущей ситуацией, но всегдашнее наше упование состоит в том, что Грядущее изменит ситуацию. Мессианский марксист и создатель философской деконструкции Жак Деррида учил нас, что

сила воздействия, присущая коммунистическому обещанию, будет всегда связана с этим абсолютно неопределенным мессианским упованием, неопределенным в самой своей сути, с этим эсхатологическим отношением к наступлению некоего события и некоей уникальности — инаковости, которую невозможно предвосхитить.

Мир сей/век сей есть вытеснение-угнетение Грядущей/Мессианской Справедливости — недеконструируемого условия (как учил Деррида) деконструкции.

Бадью, другой коммунист, не чуждый теологии, учит нас, что «Событие» есть приобщение «человеческого животного» к «Универсальной Истине». Истина всегда есть — актуально в своей вечности и виртуально для человеческого животного, становящегося субъектом в ее актуализации.

Дважды два всегда, вечно — четыре, до и вне математиков; математика же есть событие истины — ее актуализация в человеческом пространстве. Так и с этико-политической Истиной: мир, справедливость, равенство — Вечные Истины, до и вне всякой конкретной «политики». Человеческое животное, находясь на нижних уровнях бытия-времени, где эти Истины, в терминах православного марксиста-криптотеолога Батищева, остаются «виртуальными», «запороговыми», живет по законам «своей» и «чужой» территории, «своей» и «чужой» стаи и так далее — однако в Событии он может актуализировать Истину.

И это так же банально, как банально дважды два четыре. Это то, что прозывают «религией». Человеческое животное находится на нижних уровнях бытия («человек — падшее существо», или «мы находимся в майе», или «мы забыли Дао» и так далее). Много раз Событие Истины уже происходило. Банальные, тривиальные истины

такого рода, как бытие Абсолютного Милосердия-Кротости-Радости; зло агрессии, ненависти, насилия, самопревозношения и прочего; зло наций, государств, армий, войн и прочего; истина равенства всех существ и так далее и тому подобное — все это всем известно.

Само по себе все описанное нами действительно ничего не значит, ибо мы остаемся человеческими животными, для которых интересы своей стаи важнее «Универсальной Истины». Именно здесь обнаруживается проблема. Препятствием на пути актуализации Истины становится не только политика государств, конфликт с интересами своей «стаи» и так далее, но и внутренняя неспособность индивида исполнить свою задачу (становления субъектом Истин).

«Коммунизм» есть политический псевдоним «Универсальной Истины», способ ее политической актуализации. Отказ от коммунизма равнозначен отторжению Альтернативы, опустошению будущего. Образованную ее пустотой дыру забрасывают смертями².

Актуализация истины

Банально, очень банально вести речь об Абсолютном Милосердии как о первой и последней Истине бытия-времени; о низменности, падшести, неполноценности человеческого животного и, тем не менее, доступной его природе возможности «второго рождения» через Событие Истины. Эта вечная банальность оборачивается вечной новизной, если мы хотя бы на шаг приблизим ее к актуальности: не вообще «война — зло», а вот эта конкретная, «наша» война есть зло, а значит, во имя Универсальной Истины нужно всем разумением, всем сердцем и всей душой своей желать скорейшего поражения своей «стае». Такая актуализация (конкретизация для здесь-и-сейчас) Истины делает ее травматической, то есть — действенной.

Это, однако, мало что меняет в условиях отсутствия всякой возможности актуализации Универсальной Истины. Среди действующих сил нет той, что представляла бы Истину.

И поэтому, в частности, я думаю сейчас о спасительности «морализма», «ухода в себя» и тому подобного. Безумие торжествует вовне, включая то «вне», где находится мое тело. Но мой ум и сердце могут оставаться неподвластными безумию, храня память об Универсальной Истине. Не правда ли, о чем-то таком «религия» всегда и вела речь? — пусть мир безумствует, погружается в грех, а «мою душу я спасу». Пусть Истина не актуализируется в этой конкретной (моей) реальности, я могу все же прикоснуться к ней в своей собственной — хоть и «запороговой» — виртуальной глубине, как сказал бы тот же Батищев.

² Я думаю о Рабии аль-Адавии, которая была сиротой, рабыней, женщиной, то есть в социальном плане, в плане силы, статуса, возможностей — никем и ничем. Она-то именно и стала одним из первых учителей суфизма и просто первой в исламском пространстве, кто учила о всепоглощающей, бескорыстной, ничего не требующей взамен любви к Богу: в невыносимой ситуации, из которой никак нельзя было выбраться, она открывает Абсолютную Любовь и собой, своим телом-собственностью вносит Ее в этот мир, мир рабства, насилия, господства, сделок. В любой ситуации, в самой безнадежной ситуации может открыться Абсолютная Любовь, и каждый из нас может быть Ее представителем-актуализатором.

Я не хочу, однако, проповедовать «внутреннюю эмиграцию». Скорее дело вот в чем: создаваемая медиа иллюзия того, что мы на что-то можем повлиять, что мы активные участники, а не пассивные зрители событий, — одна из главных идеологических манипуляций власти. Развеем ее — осознать свое рабское положение — значит сделать первый шаг к освобождению. Медиа, работа идеологических аппаратов калечат наш разум. Когда мы потребляем новостной продукт, нам кажется, что мы участники событий, тогда как мы — ничто, пыль, винтики огромной властной машины, ни на что не способные повлиять, то есть рабы: без осознания этого не будет восстания, то есть изменения ситуации.

Все это ужасно банально, ужасно старо, и все же Истина всегда радикально нова и травматична; Истина тут же теряет всю свою елейность, благочестивость, банальность при малейшем прикосновении к актуальной реальности. И вот и в XXI веке мы как заведенные говорим о тех же осточертевших и давно, казалось бы, низринутых идолах государства, нации, армии, «своего», «наших». А впрочем, всегда были смешны и нелепы все эти «как можно в XXI веке то или это»: чем XXI век так уж отличается от любого другого? Похоже, это будет еще один век жесточайшего зла; как и любой век? — как «век сей», чей бог — сатана.

Так говорил апостол Павел, первый коммунист по Бадью³.

Восемь лет назад

Восемь лет назад, как и восемьдесят лет назад, как и восемьсот лет назад, как и восемь тысяч лет назад, «мы были» на тех же позициях, и «мы говорили» все то же самое.

«Мы говорили», что любая война — зло. Война в Чечне, в Ливии, в Донбассе, в Йемене — зло. «Мы говорили», что любая территория принадлежит ее населению и именно ему решать судьбу своей земли: курдам — Курдистана, чеченцам — Чечни, жителям Донбасса — Донбасса. Одновременно «мы говорили» и нечто другое: любой национализм — будь он русский, украинский, еврейский или арабский — глупость; любые как угодно проведенные государственные границы — нелепость; любое государство — зло; кровопролитие, власть, разделение народов изводят себя от города «Енох» и города «Вавилон». Все люди и все живые существа — сестры и братья; все и все — дети, чья мать — природа, а отец — Бог, согласно формуле одного из раннехристианских коммунистов Тертуллиана. Наконец, «мы говорили» — эллин Диоген и иудей Павел, украинец Дмитрий Ростовский и русский Ленин — говорили, что сребролюбие — корень всех зол; что если человечество не остановит вакханалию сребролюбия, то оно погрузится в вакханалию войны. «Мы говорили», что «нет войне» — плохой лозунг, ибо война — симптом, а лечить надо саму болезнь, чьи

³ Я думаю о Симеоне Новом Богослове — аскете, мистике, поэте, певце неизреченного блаженства соединения с Нетварным Светом, наслаждения Божественным Эросом. Я думаю, что именно он среди прочих коммунистов восточнохристианской традиции (а она знала много коммунистов) — самый радикальный. Отказавшись от всего мирского как от омерзительного мусора, он пришел к коммунизму изнутри Беспредельной Радости, которая открылась ему благодаря познанию и соединению с Универсальной Истиной.

возбудители — деньги, собственность, власть. «Мы говорили», что войны развязывают правящие классы и поэтому они — истинный враг, одурманивающий своих жертв наркотиком национальной гордыни, сладости насилия, самопревозношения, «сознания своей правоты». «Мы говорили» об этом много, много раз: со времен грехопадения Истина так или иначе, но всегда находила то или иное представительство среди людей.

Я думаю, что именно сейчас «морализм», то есть самые банальные религиозные истины, высказанные «в лоб», в простейшей форме, этакий «вульгарный платонизм», который я пытаюсь тут «развивать» в отсутствие действенных политических средств, как никогда актуален. «Надо думать о вечном, а не о мирском»: в нашей ситуации становится ясным, что эти слова всегда были формулой радикальной, подрывной, не «патриотической» политики. Достаточно один раз услышать Истину, чтобы понять ее радикальную несовместность с миром сим, с веком сим.

«Украина», «Россия», «Америка», «Китай» — все, любые и каждые страны и народы — суть нечто не-вечное, относительное, а значит, черт с ними. Концепции «русского мира», «греческой ойкумены», «украинства», «Великой Румании», «Поднебесной» и так далее должны быть отринуты, так как «мы считаем нашей республикой весь мир» (Тертуллиан). «Не имея земного отечества, мы взыскуем отечества небесного», — вот о чем надо помнить всегда, а особенно — сейчас.

«Думать о вечном» — это всегда актуальное и самое подрывное политическое правило⁴.

Убежище

Теория обуславливается социально-экономической ситуацией. Если в конкретной ситуации отсутствуют условия для создания структур коллективной самоорганизации, способных бороться с престолами, начальствами, властями, репрессивными институтами и вносить Истину в социально-экономическое пространство — то какой может быть теория у тех, кому эта Истина дарована (без всяких заслуг, конечно, по благодати)?

Марксизм показывает, что в каждой исторической ситуации возникает своя форма проявления Универсальной Истины (Коммунистического Обещания). Если предпосылки для появления организованного коллективного движения пролетариата, чьей теорией был бы марксизм, не сложились, значит в общественном сознании имеется место для какой-либо «домарксистской» освободительной теории, скажем, народничества или индивидуального бунта «критической личности», или, еще дальше, — для убежища «морализма», «мистики», «вульгарного платонизма», внутреннего («фантастического») сопротивления.

⁴ Я думаю о буддизме Чистой Земли — из всех не-монотеистических религий наиболее похожей — до степени отождествления — на исихазм (духовную практику православия; Симеон из прошлого примечания — яркий ее представитель). Чающие перерождения на Чистой Земле поняли, что они слабы и грешны для такого перерождения, и потому полностью положились в этом деле на Милосердное Божество, Кое не растворит их в нирване (ничто), но дарует жизнь в Земле Беспредельной Радости. Я думаю о том, что неслучайно именно буддизм Чистой Земли (а не дзен, например) служил идеологией для большинства восстаний, революционных выступлений в средневековых Китае и Японии.

Актуальное бытие соотносится с бытием Универсальной Истины как нечто одномерное — с бесконечномерным ангельским пространством: для последнего просто-напросто нет «места» в первом: последнее для первого — утопия. Мир войн, лжи и насилия — не место (у-топия) для кротости, радости и смирения. Искомая Истина-Блаженство располагается в пространстве с иной геометрией, чем пространство ее искателей. В этом смысле все и всегда страдают синдромом Крафта (каковой есть в таком случае один из аспектов «падшести»).

Любое творчество, как пишет Батищев, есть нечто, что превышает уровень данности, переходит границу прежде доступных возможностей, проще говоря, оно производит то, что раньше было невозможным. Трансцендирование границы исторических возможностей вершится во имя и силой «объективной беспредельной диалектики универсума» (имя Бога в марксистской криптоатеологии Батищева), к коей человек принадлежит в виртуальных слоях своего существа. История есть развертывание этих слоев, трансцендирование через невозможное, творческое изобретение не существовавших доселе возможностей.

Да, нынешняя ситуация делает осуществление Истины невозможным, но, как говорил мессианский марксист Деррида, что невозможно в данной ситуации — будет возможно в будущей: ибо мир размокнут, открыт Грядущему, принадлежит беспредельной объективной диалектике, которая развертывается, осуществляется в нем.

Человек способен к самопреобразованию и преобразованию мира. Иными словами, если каждый из нас способен творить небывалую новизну, открывать новые возможности, превосходя наличные данности, можно надеяться на (мессианское) Грядущее. Одномерность здешнего бытия виртуально, в свернутом виде включает в себя бесконечномерность Истины. Она всегда с нами, в нас — виртуально. Но каждая конкретная ситуация требует своего способа актуализации Истины.

Войны, диктатуры и так далее — лишь отдельные фрагменты истории, каковая имеет своими уровнями и измерениями в том числе и ангельские небеса (в синхронии), и Новый Иерусалим (в диахронии). Эти запредельные величины на деле гораздо ближе к нам, чем войны и мир-системы. «Родное безначальное начало», по выражению великого украинского философа Григория Сковороды, доступно нам в собственных умах и сердцах, на той глубине, что ближе ко мне, чем я сам⁵.

⁵ Все эти месяцы я много думаю об ангелах, этой бесконечности миров света. Я думаю о политической ангелологии Василия Великого или Иоанна Златоуста, утверждавших, что раз у ангелов все общее, то их жизнь — абсолютная, непрерывная радость; а значит, и мы (человеческие животные) должны жить так же. Я думаю об ангелологии как о философской дисциплине, чей специфический предмет — актуальное бытие совершенства внутри мира, извечная, изначальная осуществленность смыслов-ценностей Творения. Если Бог есть Абсолютная Любовь, то сотворенный Им мир способен воплотить в высшей степени, в полноте идеалы добра-радости-справедливости, так что эти «идеалы» суть живые, реальные личности. Такая уже-всегда-осуществленная божественность-в-мире есть ангельские небеса. Окажись этот тезис верным, ангелология (реализованная аксиология, если угодно) должна будет стать наиактуальнейшей, наинасущнейшей сейчас «областью исследований».

Травматизм истины

Совмещение несовместимого: травматизм Истины, которой в здешнем бытии нет места, место себе-таки находит, и это больно: «плоть» сопротивляется этому. Скажем, желать поражения своему буржуазному отечеству, желать превращения войны империалистической в войну гражданскую травматично, поскольку Истина тут пробивается в мир сей, Грядущее грядет разрушить век сей. Носителей истины поэтому репрессируют: «плоть» ликвидирует травматизм Истины. Пророков, мучеников, Бога убивали именно за нанесенную ими травму, за угрозу обрушения мира сего. «Я верю только написанному кровью» — точнейшая политико-философская формула Паскаля: если высказывание не травматично (не написано кровью), значит оно — не актуализация Истины. Истина — на Кресте; ложь — в комфорте дворцов прокураторов и первосвященников.

Согласно словам одного из христианских коммунистов и Отцов Церкви Василия Великого, человек — это «животное, которому приказано стать богом»: человеческое животное, способное через Событие стать субъектом Истины. «Моя территория», «моя стая», «мой вожак»: предательство родного безначального начала узнается по комфорту, удобству. Так легко и так приятно сказать: «Мы правы, правы, (переходя на крик —) правы, что убиваем этих!..» Божественная же Истина узнается по дискомфорту, травматизму: чтобы достичь ее, необходимо аскетическое усилие, приносящее при актуализации родного безначального начала, обещающего вечное блаженство, нестерпимую боль нашей «плоти». Например, «надо прощать» — это пустые слова, которые становятся истинными только в том случае, когда ты не хочешь, не можешь простить, и это делает ситуацию невыносимой. Пожелание «надо лечить людей» точно так же остается пустым без погружения в «цинизм» врачебных диагнозов и работу с больным (страдающим, дурно пахнущим, израненным) телом. «Отечеству — поражение!», «Каждая территория принадлежит ее населению, а не „нам“!», «они, а не мы правы» — вот несколько высказываний, которые человеческому животному сложно, дискомфортно, травматично произносить.

Странно сказать, но нынешняя ситуация, в сущности, не требует от нас интеллектуальных усилий. Все понятно, все ясно; ситуация требует скорее некоего экзистенциального усилия. Много ли понимания требуется ситуации «вот опять изнасилование», «вот опять убийство», «вот опять...»? Тут все понятно, «как всегда»; но требуется экзистенциальное усилие, чтобы это «как всегда» всем сердцем, всей душой, всем разумением не принять, восстать⁶.

⁶ Я думаю, что теодицея — буржуазная выдумка. Я думаю, что авторы и персонажи Библии в принципе не могли бы поставить вопрос о теодицее, потому что они изначально исходили из ситуации мучимой, пытаемой, насилюемой, страдающей, убиваемой плоти. То есть из ситуации насилия, несправедливости, нищеты, «ямы» — той самой, из которой пишет Иеремия, оплакивающий съеденных матерями детей, изнасилованных солдатами девушек, разрушенный Иерусалим, весь свой народ (преданный частично смерти, частично — депортации). Я думаю о том, что именно такой мучимой плоти было дано Откровение о Боге-Мирности. Бог-Мирность был убит священниками, чиновниками, солдатами. Я думаю о верности-без-веры тех Его учениц, что шли помазать Его труп — и нашли пустую гробницу; — верности-без-веры, ибо они знали, что Он — мертв, проиграл, но все равно сохранили Ему верность: это совершенная верность, ибо она сохранила себя даже и после потери собственно веры.

Ленинизм

В чем непреходящая ценность ленинского наследия, его уникальность, ни-с-чем-несравнимость? В действенной, практической (на деле реализующей и развивающей) верности основополагающей структуре марксизма — сцеплению фанатической верности Универсальной Истине, трезвости мысли и прагматизма политического действия.

Ленинизм (я имею в виду, конечно, не советскую доктрину, а тексты Ленина) оживотворен верой в Коммунистическую Идею (свобода-равенство-братство и так далее — Царство Божье, Небесная Родина, Трансцендентная Истина), но никогда не скатывается в морализм, в фантазии («утопический социализм», «поповщина»), что достигается за счет трезвого, сухого социально-экономического анализа, заземления веры на конкретные факты, к эмпирике, здешней реальности. Сцепление фанатизма веры и трезвости мысли открывает возможность актуализации виртуальной Коммунистической Идеи (ибо для мира сего Универсальная Истина виртуальна — это нереализованная возможность, узреваемая верой, требующей действенной верности) — актуализации, осуществляемой политическим действием, оживотворенным верой и учитывающим реальные обстоятельства в их конкретности. Поскольку человек — существо социальное, поскольку его реальность есть реальность социальная, то требуется именно политическое действие, то есть действие «Партии» (того или иного, так или иначе самоорганизованного коллективного субъекта — «Церкви» как общины, представляющей/актуализирующей в здешней реальности реальность потустороннюю).

Без фанатизма веры марксизм извращается в оппортунизм и реформизм. Без трезвости мысли — в «поповщину» и бесплодные утопические грезы. Без прагматизма политического действия — в пустые слова (вроде тех, что вы сейчас читаете). Эта тройственная структура делает ленинизм непревзойденным образцом веры, мысли и действия. На эту религиозную составляющую марксизма указывал в начале XX века еще один мессианский марксист — Вальтер Беньямин, доказывая, что функционирование автомата «исторический материализм» невозможно без скрывающегося в этом автомате карлика «теологии» (марксизм тем самым уже всегда был криптоатеологией). От себя же добавим, что карлик «теологии» точно так же не может вступить в игру, если не задействует автомат «исторический материализм». Для актуализации виртуальной Истины (если рассуждать антропологически) и имманентизации трансцендентного (если рассуждать теологически) нужен субъект действия, берущий в расчет и соединяющий в своей практике оба эти уровня: одновременно представляющий (во всех смыслах этого слова) их. Иначе невозможно произвести движение актуализации/имманентизации Истины.

Желать поражения своему отечеству, одновременно утверждая, что «у пролетария нет отечества»; настаивать на том, что «все народы равны и должны сами определять свою судьбу», при 89 этом понимая, что национализм, патриотизм, милитаризм в своей сердцевине — глупость, гнусность и мерзость. Почему все эти ленинские принципы столь травматичны? Именно потому, что в них сцеплены фанатизм веры и трезвость мысли.

Действительно, прекраснoдушные тезисы «война — это зло» или «все люди — братья» недостаточно приземлены и не идут к делу (воинства небесные не вторглись на землю). Но и циничные умозаключения вроде «таков мир», «да, люди по своей природе воинственны и жестоки», «равенство — это иллюзия» не приносят отрезвляющей боли, поскольку не коррелируют с Универсальной Истиной, ни к чему не призывают, что равнозначно конформному принятию несправедливого порядка вещей. Только сцепление фанатизма и цинизма — уникальная формула ленинизма — делает подобные слова травмирующими, схватывающими суть дела.

Так, осознавая, что «война — это зло», мы выступает против той войны, которую сейчас ведет наше правительство, и всем разумением, сердцем и душой желаем ему поражения, ибо это приведет к дезактивации зла и актуализации Истины⁷.

Партия

Впрочем, подобного типа высказывания (в сцеплении фанатизма и цинизма) работают только как высказывания коллективного субъекта. Агитация и пропаганда действительна, то есть способна менять реальность, лишь в том случае, когда они производятся не частным лицом, а политическим актором, работающим на уровне исторических (коллективных) сил. Война — это социальная реальность и, следовательно, воздействовать на нее (например, пресечь) можно только на ее собственном — социальном — уровне.

И как раз такого коллективного субъекта («Партии») у нас сейчас нет. Нет субъекта высказывания и актуализации Истины; она остается виртуальной, ей «нечем» и «негде» войти в нашу реальность. Это значит, что сейчас для нас нет Истины; и даже частным порядком осознавая ее, мы силой вещей попадаем в ситуацию, где всякое наше высказывание попадает по ту или иную сторону ложного по своей сути конфликта — такого, где обе стороны суть ложь и зло (то есть, вообще говоря, такого же, как и подавляющее большинство конфликтов).

Утверждать сейчас, что «любые нации, государства и армии суть ложь и зло, поскольку являются инструментами в руках разных банд угнетателей, которых всех надо сбросить с тронов», высказывать эти простые, банальные, ясные, как сам свет, истины — значит бросать слова в пустоту, поскольку они не только ничего не меняют, но и не дают понять, как что-либо можно изменить в принципе. При отсутствии субъекта Универсальной Истины, то есть при ее лишь виртуальности, эти высказывания нельзя интерпретировать иначе, как еще один аргумент в пользу позиции одной из конфликтующих сторон.

Истины сейчас, стало быть, нет; ее, стало быть, нельзя высказать; этот текст, стало быть, ложен даже при формальной истинности.

⁷ Я думаю, что бытие в своем существе есть бескрайняя радость-мирность-кротость-любовь, которые в веке сем ощущаются как некий напор, или прибой, или ветер — как непрерывное усилие своей актуализации. Ангелы везде. Повсюду видны они, несущие весть об осуществимости — уже-всегда-осуществленности Универсальной Истины. Я думаю, что все это понимают, — пусть и бессознательно, — потому что все в своей виртуальной глубине уже-всегда принадлежат к этой Радостной Мирности, ищущей, как войти Ей в наш мир.

Однако реальность — слава «беспредельной объективной диалектике»! — подвижна, изменчива, чревата потенциями перехода в иное себе. Что было сегодня, того не будет завтра. Ситуация может измениться таким образом, что в ней возникнет место для нового коллективного субъекта Истины. А впрочем, она может и загнать нас всех в целую эпоху тьмы и лжи.

Важнее всего в нынешних обстоятельствах научиться у Ленина искусству ситуативного приземления требований Универсальной Истины в-данном-историческом-моменте, вот-в-этом-вотсоциально-экономическом-раскладе, вот-в-этих-вот-политических-обстоятельствах. Нужно заново каждый раз переизобретать способы и формы, какими Истина может явить себя здесь-и-сейчас; потребно понимать и чувствовать, каких способов и форм выражения она для себя требует именно вот-здесь и вот-сейчас.

«Нет войне» — плохой лозунг не потому, что он неверен, а потому, что он совершенно и абсолютно верен. Проблема заключается как раз в том, как эту абсолютную, совершенную истину актуализировать в данный исторический момент, в этой конкретной ситуации — с помощью каких политических средств и каких социально-экономических сил? Когда отсутствуют силы и средства проявления Универсальной истины, мы должны готовить(ся к) ее ничем не гарантированное(му) пришествие(ю). Вера-верность ей при трезвости-цинизме осмысления условий ее возможного пришествия-актуализации — первейшее тут предусловие.

Важно сейчас не «выбирать сторону», а понять, что все предлагаемые нам варианты — лживы. Что Истина (пока) недоступна.

Коммунистическое Обещание имманентно виртуальной глубине человека. Раз за разом оно дает о себе знать, и раз за разом человек оказывается бессильным его воплотить.

Посреди тьмы и лжи, — посреди воплей о государствах, нациях, армиях, войнах, патриотизмах, национализмах, — когда, казалось бы, мы уже все поняли «окончательно», что все это — злые иллюзии, бесовские мороки, кровавые идолы, глупости и гнусности, — посреди всего это мы должны всегда помнить Коммунистическое Обещание, ясную как сам свет Истину:

Я знаю, что любое государство, любая нация, любая война — глупость и гнусность, и прежде всего — «мое» государство, «моя» нация, «моя» война. Более того я знаю, что это банально и тривиально как дважды два четыре — как бы вокруг ни сгущалось безумие. За неимением лучшего уйдем в себя — глубже себя, туда, где бьет Свет Небесной Родины. Пронесем же этот Свет через нынешнюю тьму.

Свет во тьме светит, и тьма не объяла его — Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, но от Бога родились⁸.

⁸ Я думаю об «интеллигенции», об этом «мыслящем движении», «активности смысла». В средневековой (арабской, еврейской, латинской) философии/теологии в качестве «интеллигенций» (множественное число) определяли «ангелов» («интеллигенции» суть «умные силы»). Русское освободительное движение, назвавшись «интеллигенцией», выявило свою суть: активности Истины в месте ее отсутствия; предоставление Истине места, когда Ей не находится места — в себе, собой предоставление. Потом, когда социально-экономические условия сложатся иначе, интеллигенция сможет предоставить

кадры для Партии. В «Что делать?» Ленин показывает, что рабочее движение само по себе Партии не создает. Классовое сознание приходит к нему извне, с территорий Истины, и привносит Смысл в социальную материю. «Партия» есть одновременное, одним коллективным субъектом осуществляемое представительство и Универсальной Истины, и чающей Ее социальной материи — и коммунистической теории, и рабочего класса.

Сотница об ангелах

1. Неуместность ангелов

Я пишу этот текст об ангелах в России, под Москвой, в конце сентября 2022 года: контекст ясен, и в этом именно контексте я хочу писать об ангелах, думать о них.

Писать об ангелах в эту «эпоху» (сколько уже веков капитализма?) смешно, нелепо, глупо, даже стыдно, почти непристойно — и вдвойне смешно, нелепо и глупо писать об этом в нынешних обстоятельствах. Забегу вперед — именно неуместность (у-топичность) ангелов и стала путеводной нитью данного «исследования»: обнаружение слабого места в идеологической структуре нынешнего порядка, ее точки невозможности, взлома, подрыва.

Ангелы? Их совершенно некуда «поместить» в этой — конца сентября 2022 года и всех последних веков — ситуации. Следовательно, возникнув, они имеют все шансы разорвать ее изнутри. Оказываемое нами и нашей эпохой сопротивление ангелологии (возмущение, непонимание, смех) — «симптом», указывающий на некое вытеснение, некий «невроз», какую-то болезнь — болезнь нас, нашего мышления, болезнь эпохи.

«Уж что-что, но ангелология ныне явно неуместна», — подсказывает здравый смысл эпохи, тем самым указывая на свою собственную утопию.

2. Шутка

Гилберт Кит Честертон в романе «Наполеон Ноттингхильский» описывает скучную, серую, безрадостную, тоскливую — «депрессивную» — антиутопию. Но вдруг кто-то из его героев, не веря и играючи, шутит. Простая «шутка ради шутки» неожиданно для персонажей и читателя наполняет унылый пейзаж пестрой, веселой, светлой, цветной образностью «средневековья». Юмористическое воображение представило некий иной мир в этом сером, нашем мире: неуместность/утопичность вошла — как смех и фантазия — в наш мир. Эта смешная фантазия, это представительство — оно стало политически значимым, когда нашелся тот человек, который «шутки не понял» и поверил. Он воспринял шутку всерьез — и взорвал свою ситуацию, произвел революцию: ввел утопию в антиутопию. Антиутопия, шутка, вера, утопия, революция.

Не зря Жижек так любит Честертона. Он оказывается актуальным, подрывным политическим мыслителем, этот юморист-ангелолог.

Мы, конечно, ни во что уже не верим — но зато шутим хоть отбавляй; в мире беспрерывной клоунады, (пост)(мета)иронии и так далее, в мире эпидемии депрессий, неврозов, психических расстройств, в мире панических страхов, тревожных расстройств 2022 года (но не в мире «страха и трепета») — кто бы смог удачно пошу-

тить? (Я думаю о последнем «Джокере», чей герой пару депрессия/клоунада «снял», превзошел в чем-то вроде наброска революции). Пара ирония/депрессия управляла нами до недавних пор; паника и тревога управляют нами ныне; но и то, и другое — не удачная шутка а-ля Честертон — и уж тем более не «вера». Субъекты иронии/депрессии/паники/тревоги уж что-что, но точно не верят. Ангелам здесь места нет; а следовательно, ангелология — неуместная шутка, несбыточная утопия.

3. Юродство

Апостол Павел (первооткрыватель учреждения сингулярного события Универсальной Истины, согласно Бадью) писал о том, что Бог избрал «мусор, прах, бесчестие, безумное, немудрое, немощное, слабое, бедное, незнатное» в качестве того, что будет осмеяно миром и в то же время выступит средством посмеяния и посрамления самого мира.

Безумие/смех — юродство — форма вхождения истины в ложь; в житии юродивого Прокопия читаем: «Светлым видением и сладким смехом бе бо лице его от многаго веселия, яко солнце светлостию»; в житии юродивого Исидора читаем, что он «играючи жизненный путь свой прошел и небесного царства достиг». Свет, сладость, веселие, игра, небо оказываются внутренними параметрами глумления над миром и безумия для мира, параметрами юродства — каковые суть и параметры ангелологические. Этот текст пытается произвести сладкий смех, светлую образность. Это нелепо и неуместно: «сладкий смех, веселие, свет» — неуместны, утопичны в нашей ситуации; следовательно, наша ситуация — антиутопична.

4. Юмор

Ангелология смешна.

Серен Кьеркегор, великий теолог, замечал, что смех есть категория, фиксирующая несоизмеримость временного и вечного, «ирония» на переходе от эстетического к этическому, «юмор» на переходе от этического к религиозному, так что вся экзистенциальная философия есть не что иное, как юмористика (смешная, абсурдная, нелепая попытка конечного субъекта обрести вечное блаженство).

Для Владимира Соловьева, прославленного ироника и юмориста русской религиозной философии (одной из частей пресловутой софиологии которого была ангелология, а софиология притом выступала в том числе как теологическое оформление «свободной теократии», либертарной политики), человек сам по себе — существо смеющееся. Исходная ситуация по Соловьеву: человек замечает, что его идеал не совпадает с реальностью, и смеется над этой нелепостью, абсурдом. Например, ощущая в себе вечность, он обнаруживает свою смертность; обнаруживая в себе жажду смысла, обнаруживает бессмыслицу мира. И это смешно. Смех есть обнаружение несовпадения Абсолютного и относительного, например, вопиющего отсутствия Абсолютного в относительном.

Мышление, философия, метафизика по самому своему понятию, устройству, существу суть юмористика, некий неуместный смех, смех по поводу неуместного:

«предмет» метафизики оказывается отсутствующим в наличном, без места — утопичным. И это смешно — но для этого сладкого смеха надо откуда-то достать «идеал», «вечное», «абсолютное», «смысл»; нужно для начала вообразить, нафантазировать, представить их. Здесь и далее «представление» следует понимать во весь спектр: концепции — взгляды — театр — фантазии.

5. Метафизика

Что такое метафизика и философия? Каковы их «предметы»? Специфическим предметом метафизики является то, что, безусловно, есть, что невозможно отрицать, но что не дано эмпирически, чего нет в наличии, следовательно, то, о чем невозможна никакая наука: «мир», «бытие», «реальность», «все в целом». Действительно, невозможно отрицать «мир» и «реальность», но, поскольку никто никогда «не видел» их, логически невозможно, чтобы они стали «предметами» опыта. Значит их невозможно «познать, понять, схватить». Скорее, думая над этими специфическими предметами, мыслящее существо выводит наличную ситуацию в некую принципиально непознаваемую разомкнутость, апофатическую бездну, блистающую тьму. У этих предметов нет «места», ибо все наличные и все возможные «места» располагаются в этом немыслимом «месте» мира. Все топосы располагаются в утопии. «Все», т.е. все наличное и все возможное, «все в целом» не дано, но самоочевидно (как-то) существует. Философия есть «размышление» об этом — и о внутримировых сущих в свете «всего в целом». Но поскольку «все в целом» («природа реальности», «суть бытия» и так далее) не дано, непознаваемо, не схватываемо, размышлять о внутримировых сущих в его свете означает проблематизировать каждое внутримировое сущее.

Философия (предельное внутримировое мышление) есть отрыв от данного, бросок в не-данное и проблематизация всего данного в свете не-данного. Ибо каждое внутримировое сущее есть часть «всего», «бытия», «мира», чья «суть», «истина», «природа» принципиально не ясна, а следовательно, в слепяще светлой тьме «бытия мира в целом» неясными оказываются все внутримировые сущие и их связи, закономерности, меры, сущности, возможности...

«Мир» есть контекст всех сущих, но если контексте неясен — а он принципиально неясен, — то неразличимо и не проблематизируемо никакое из сущих. Здесь уместно будет вспомнить слова Альтюссера о том, что у философии нет ни объекта, ни истории — только вечное топтание-бормотание около «природы всего», о которой ничего по существу дела нельзя сказать. Поэтому он предлагал перенести фокус внимания с «объекта» философии на философскую практику, на ее социально-экономические условия и механизмы.

6. Тавтологии и нонсенсы

Философия делает первые шаги при помощи пустых тавтологий, вроде «бытие есть», «реальность реальна», «мир — это все в целом», а также нонсенсов-трансценденталий — парадоксальных определений «всего»: «все — вода», «все —

война», «все — материя» и так далее. Предмет философии — «все», продукт философии — трансценденталии или «определения» «всего» (определения беспредельного, неопределяемого, к каковым относятся и определения вроде «бытие беспредельно»). В сущности, это шутки — внешне осмысленные бессмыслицы, и производимые нами суждения отражают скорее не «истину бытия», а наше юмористическое положение в бытии.

Итак, философские тавтологии создают пространство философских нонсенов — перворазличаний «всего», коротких замыканий «всего» на «что-то», производящих понятийные серии какой-либо философии: Первоединое-Ум-Душа-Космос (неоплатонизм), Бытие-Ничто-Становление (гегельянство), Простота-Начало-Основа-Формы-Вещественность (даосизм) и так далее. Этот учреждающий-порождающий акт запуска понятийных серий проблематичен. Как он производится? Почему «все» определяется таким, а не каким-то другим образом? От чего зависит логика разворачивания определенной понятийной серии?

7. Надкатегориальная бездна

Мысля «все», мышление парадоксальным образом оказывается выброшенным за пределы «всего», в результате чего обнаруживается, что его самого невозможно определить, коль скоро оно в себя «все» включает. Любая метафизика (в том числе материалистическая) — это некая система категорий, понятийная серия. Однако всякое последовательное мышление в любой культуре и в любую эпоху упирается в обуславливающий его появление исток, венец мышления — надкатегориальную бездну, в которой аннигилируют «есть» и «не есть», «сущее» и «ничто», «единое» и «множественное» и так далее. В бездну, которую уже невозможно никак определить, немислимую бездну. Это в сущности простейшее, вполне диалектическое движение — и главный вопрос заключается в том, как данное мышление выстраивает себя в невозможности определить надкатегориальную бездну. О том же самом, например, пишет Лосев:

Вот перед нами все вещи, все возможные вещи, все вообще, что может быть, все смыслы вещей. Если это есть именно все, то, значит, больше ничего нет, больше нет ничего помимо этого всего. Но если нет больше ничего, то это все ни от чего не отличается. Не отличаясь, оно не имеет и никакой границы, никакого очертания, т. е. не имеет никакой формы. Что же оно в таком случае есть? Оно, конечно, есть что-то, но это что-то совершенно не охватываемо никаким разумом, никаким постижением. Оно есть корень и исток всего, единство всего, но не есть это самое все, не есть сущее. Оно — выше сущего и порождает его, высшая потенция всего и абсолютная, неразличимая в себе единичность всего, наивысшая полнота.

8. Экстаз

«Метафизика» как практика производства нонсенов об истине бытия имеет своим условием «метафизику» как способность внутримирового сущего «быть», длить существование, трансцендировать его за пределы наличного существования. Каждое сущее, пока оно существует и определяет сущность существования, трансцендирует сквозь свои пределы, и те сущие, что сумели выработать способность к мышлению, постигают этот акт как устремленность к беспредельному. Всякое «движение», т.е. выход за наличные пределы можно помыслить таким образом. На уровне какого угодно примитивного существования все равно есть перманентный сдвиг от одной точки-момента к другой точке-моменту. Скажем, камень вовсе не покоится, а длит свое существование от момента к моменту. Это значит, что, как минимум, каждое сущее трансцендирует просто будучи временным. Каждое сущее есть экстаз. Все сущее в целом — это экстаз движения от ничто к бытию. Все сущее устремлено, подвижно, распускается к беспредельному, к грядущему.

Следует уточнить, как это делает марксист-криптотеолог Батищев, что каждое сущее не есть «вещь», оно — совокупность векторов-устремленностей к беспредельному, а сущее в целом есть «объективная беспредельная диалектика универсума» в том смысле, что «все» («универсум») постоянно движется, меняется, трансцендирует («диалектика») к беспредельности, которая таким образом постигается как «реальная», вне нас (любых и всех сущих) «существующая» («объективная»). Так «универсум» оказывается вплетен в «беспредельную диалектику». Или, если говорить языком классической философии, каждое сущее существует, будучи причастным бытию, бытийствует сдвигом — в сдвиге от ничто к бытию.

9. Скука — радость — ужас

Но как мы выходим к этой беспредельности, к тому, что за пределами всех сущих, если в каждый момент времени мы погружены в совокупность сущих и сами есть сущие? Хайдеггер в одном из центральных философских текстов нашей эпохи «Что такое метафизика?» называет три «настроенности», позволяющие нам делать это: скука/меланхолия, любовь/радость и ужас. Скука и меланхолия нам известны. Они настигают нас в тот момент, когда все вещи мира скопом, все существование как бы отстраняются от нас и мы выпадаем в ничто. Радость/любовь нам менее знакомы — эта высветленность, экстатичность, эротичность всех сущих, всего существования. Ужас — совсем редкое и трудно описываемое состояние. Ни страх, ни фобии, ни паника, но тот светлый и жуткий ужас, что освобождает бытие-ничто от всего вещего мира.

«Песни земли» становятся «скучны» именно в тот момент, когда появляется «томление» и «чудное желание», рожденное ангельским пением о «блаженстве безгрешных духов». Это описание радости и ужаса, данное Хайдеггером, по сути своей описание благоговения, встречи с ангелами.

(Стоит вспомнить, что в романе Честертона шутник смог вызвать в главном герое «томление» и «чудное желание», только спев «песню святую», что революционно взорвало «скучный» мир).

10. Боги

Мы сказали, что всякое определение неопределимой беспредельности есть нонсенс. Мы задали вопрос: «Как эти нонсенсы производятся?» У Хайдеггера находим следующий ответ.

Произведение/производство/пойэсис непотаенного (истины) из потаенного (бытия) всякий раз исторично и является делом конкретного исторического сообщества. «Богам» следует считать определенный способ такого производства, с помощью которого бытие дарит себя сущему в тот или иной исторический момент и возникает образ-представительство истины бытия. Таким образом, без-божие, бегство богов показывает отсутствие такого способа, а значит — забвение бытия, нашу оставленность бытием, закрытие беспредельности, замкнутость сущего.

Если перевести это хайдеггеровское размышление на язык авраамических религий, то в этом случае «богов» следует считать «ангелами», ведь «связь» Божества и творения, немислимого источника бытия и существующих по причастию к Нему сущих в классическом монотеистическом мышлении, осуществляют именно ангелы, Его вестники, Его «мысли» и «силы», ангельские иерархии. Если все сущие представляют собой совокупности векторов-устремленностей, эроса-экстаза к беспредельному, тогда мышлению открывается возможность конструировать надмирные (но не неотмирные), запредельные к внутримировым сущим (но не беспредельные), идеальные («умные» в патристике) пределы этих устремленностей, как бы их аттракторы — ангелов. В свете этого исследуемое Хайдеггером «бегство богов» представляется отпадением от ангелологии к демонологии, от разомкнутости бытию к замкнутости от него, исходом из ангельских иерархий, противотоком, перверсивным влечением к небытию, Танатосу, а не Эросу. Поскольку, по Фрейду, Танатос символизирует влечение к смерти, к расчленению, а Эрос — влечение к жизни, к собиранию, росту, то ясно почему жертвоприношения — культ демонов в патристическом мышлении — есть убийство и уничтожение, а ангельские небеса суть вечная жизнь, блаженство, любовь, собор бессмертных. Действительно, если все сущее есть экстаз от ничто к бытию, то мыслимо два движения: «вперед к бытию» и «назад к небытию», ангельская и демонская альтернативы. Из этого следует, что, каковы бы ни были способы произведения истины, они всегда располагаются между этими двумя установками.

11. Рынок

При господстве поставы, капиталистической системы, когда все включается в «мировой рынок», и где каждый — «коммерсант», боги уходят — бытие предано забвению. Наступает мировая ночь без-божия. Бегство богов так сильно опустошает мир, что Бытие не позволяет человеку даже узнать об этом событии, найти вход в выпрашиваемый опыт оставленности Бытием — обдумывать не его, а оставленность им, ту нищету, чьей единственной собственностью оно является. Пронзительно-безнадежный ужас ситуации состоит не в том, что Божественное ушло, а в том, что мы даже не помним, было ли оно здесь когда-то.

Господство рынка — наша судьба, и свершить переворот внутри этой системы смогут только те, кто увидят в этом акте собственную сущность. Кто же они те, чья

судьба — производить, а сущность — совершить переворот внутри производства? Кто сильнее всего чувствует на себе, в собственном бытии ужасающую обесмысленность сущего? В ком потеряна человечность? На кого техника оказывает наибольшее влияние настолько, что он сам становится «придатком машины»? Кто застрял в рыночных сетях так крепко, что сам стал товаром? Кто он тот, кто являет собой технику и рынок, вернее, в ком техника и рынок достигают самосознания? Пролетариат. Дадим слово Хайдеггеру:

Заново учреждая существо поэзии, Гельдерлин впервые определяет и новое время. Это время спешно ушедших богов и грядущего бога. Это оскудевшее (жалкое, смутное) время, ибо пребывает оно в двойном убытке и дефиците: уже отсутствуют спешно ушедшие боги и еще не пришли боги грядущие. Существо поэзии, учреждаемой Гельдерлином, исторично в высшей степени, ибо она предполагает историческое время. Но как историческая сущность она есть единственно существенная сущность. Скучно и жалко нынешнее время, и потому его поэт сверхбогат.

Обратите внимание на следующие слова: современность характеризуется двойным отсутствием — ушедших богов и грядущих богов. Потому экзистенциальная нищета современности сверхбогата грядущими богами — и что это пролетарская, революционная нищета. Тогда почему Хайдеггер говорит о поэте, а не рабочем? Как связаны у него постав и поэт? Ответ находим у Бибикина, переводчика Хайдеггера: «Полная забытость бытия в поставе (научно-техническом производстве) таит в себе возможность небывалого свободного возвращения к бытию, когда техника станет искусством, производство — произведением».

12. Пролетарская революция

Превращение производства в произведение подразумевает также превращение пролетария в поэта и, следовательно, снятие отчуждения. Постав — это тотальность производства, путь к преодолению которого прокладывает марксизм. Переворот, осуществляемый с пониманием опасности полного забвения бытия, эмпирически есть пролетарская революция. Под этим ракурсом легко установить различие между «все» и бытием. Так как рынок стремится к абсолютной товаризации наличного мира, все сущее уходит в постав. Стало быть, единственное, что поставу неподвластно — это бытие сущего. Именно в ситуации полного опредмечивания мира мы встречаемся с бытием лицом к лицу, с Богом, очищенным от всех природных и социальных форм. В бездне полного безбожия мы обретаем Бога — и это следует считать переворотом. Скажем чуть проще. Поскольку онтологически перед нами — мировая ночь, а на эмпирическом уровне — власть поставы, значит, перевороту на онтологическом уровне будет эмпирически соответствовать внутреннее преодоление поставы — пролетарская революция.

Антимарксист Хайдеггер не видит за «поэзией» социальных сил. Ценой этому стало принятие нацистского режима и его идеологии. Задача постмодерного мышления состоит в одновременном удержании вместе мысли о богах, их бегстве и грядущем

возвращении, о рынке и социальных силах — ибо данная истина бытия есть конкретное историческое (социально-экономическое и политическое) событие. Хайдеггеру это почти удалось.

13. Экспериментальная метафизика

Чисто метафизические споры, как всем очень хорошо известно, не имеют какого-либо разрешения. «Материя», «первоединое», «троица», «брахман», «дао» — какой из этих образов точно отражает истину бытия? На этот вопрос невозможно ответить прямо. Но можно попробовать сделать это в обход, перенеся вопрошание от образа-представительства истины бытия к его способу производства. В этом и заключается (пост)метафизическая («пост» — но не «контр») сила марксизма, которой не воспользовался Хайдеггер, как, впрочем, и сами марксисты.

Марксизм — верный себе и до конца последовательный — не метафизическое учение, а наука, изучающая историю в поисках условий и механизмов порождения метафизик. Строго говоря, мы никогда не узнаем, какой из образов истины бытия верно ее отражает. Однако в наших силах установить, как и с помощью чего общества того или иного типа создают соответствующие им метафизические системы. Марксизм учит нас тому, что не существует классовой истины, но есть классовая ложь. Ведь «истина» — это «объективная реальность», находящаяся вне чьего-либо сознания, или универсальность, доступная любому сознанию. «Универсальная Истина» — еще одна метафизическая тавтология, необходимая в свете существования классовой лжи — искажения, искривления ее образа-отражения. «Истина» случается в момент встречи-общения субъектов, т.е. в обществе. «Формулируя» «истину», вынося суждение о бытии, мы делаем это с и перед кем-то, поскольку «истина» возможна только в языке, а язык есть первофеномен социальности. Но покуда общество остается разделенным на классы, зеркало бытия непременно будет разбито. Правящие группы, эксплуататорские классы создают «идеологию» — псевдоистину, оправдывающую их правление. Им не выгодна, а потому и не интересна истина. Перед ними стоит другая задача — убедить большинство в том, что «истинно» только угнетение.

В капиталистическом обществе, в котором господствует производственно-потребительский процесс и классовая структура упрощается настолько, что становится очевидным антагонистический характер взаимоотношения классов, бытие оставляет сущее, прекращается всякое отражение Универсальной Истины, всякое ее во-ображение. Неизбежным следствием развития капитализма становятся атеизм и материализм в общественном сознании. Социология в таком случае представляется экспериментальной метафизикой, в рамках которой, создавая типологию социумов и исследуя в них глубину классового расслоения, можно сформулировать и типологию метафизик. Благодаря ей открывается путь к постулированию идеи бесклассового общества, которое по определению не производит идеологии и, следовательно, адекватно отражает/во-ображает истину бытия.

14. Секуляризм

Секуляризация — слишком огромная и многомерная тема, чтобы пытаться здесь ее хоть как-то полно представить, поэтому рассмотрим только одну сторону проблемы.

Теперь мы вполне понимаем, что «смерть религии» вовсе не является следствием повышения уровня благополучия и образованности. Пролетариат раннего модерна (а, впрочем, и вплоть до социальных государств XX века) жил много хуже, чем их предки в средневековье, прямо как скот. Уровень благополучия у атеизировавшихся масс снизился, а не вырос. Нечто похожее произошло и с «образованностью» (в широком смысле, культурой) масс. Еще Маркс говорил про «пролетарский кретинизм», «расчеловечивание пролетариата». Низы домодерных обществ имели свою богатую, интересную культуру и она была уничтожена капитализмом. Секуляризм был идеологией современных государств, частью борьбы новых правящих классов за идеологическую гегемонию (о чем открыто говорили классики секуляризма Гоббс и Руссо). Капитализм, разрушающий любые общности, приводящий к тотальной атомизации, т.е. к уничтожению самого «места» Истины (общности-общения) — вот конкретная социологическая причина «смерти религии». На его совести также отнимание времени для истины, для «свободного духовного производства». Как и современные рабочие, пролетарии раннего модерна работают по времени больше, чем их средневековые предки. Ликвидация многочисленных церковных праздников, сжигание почти всего дневного времени на рабочем месте — тут просто не остается времени на «истину», максимум на «потребление». Само место-время во-ображения Истины капитализмом уничтожено. Атеизм/материализм — важнейшие элементы, завершающие строительство тотальной капиталистической идеологии. Нет ничего (атеизм), кроме материальных вещей и их обменов (материализм) — такова ее формула, легитимирующая социально-экономическое угнетение. Постмарксист Бадью дополняет ее, доказывая, что овеществлению и опустошению теперь подверглись еще «тела и языки». «Тела и языки» — важнейшие составляющие так называемого «демократического материализма», которым руководствуются правящие классы современных буржуазных государств при проведении «прогрессивных» реформ. Важность размышлений Бадью заключается в том, что ему в конце концов удастся сформулировать философское противоядие, введя в это уравнение неоспоримые истины, которые «существуют как исключения из того, что есть», т.е. как ангелы. И действительно, борьба за освобождение труда и бесклассовое общество ведется за утверждение «свободного духовного производства», за во-ображение Истины, за размыкание к бытию, за возвращение ангелов. Демоны, напротив, срывают Истины. По Бадью, разные формы капитализма суть следствия срывов Коммунистической Истины — срыв Коммуны, срыв власти Советов и так далее. Таким образом, капитализм гнездится в пустоте нереализованной Коммунистической Истины — с которой, стало быть, мы имеем дело только как с призраком.

15. Типология метафизик

Прежде чем перейти к положительному пределу нашей типологии метафизик, нужно сделать еще одно существенное пояснение. Ранее упомянутый марксист-криптотеолог Батищев предостерегал мыслителей от впадения в ложную/консервативную дихотомию а-ля Теннис: «общность/общество», «органическое общество/классовое общество». На основании текстов Маркса Батищев постулирует три типа обществ и соответственно три типа метафизик. Понятие бесклассового/коммунистического общества предполагает равенство/братство свободных субъектов, тогда как все известные нам социумы располагаются «ниже» этого понятия (так что оно существует виртуально) между двух равно некоммунистических псевдоальтернатив.

Одна из них — это архаические общества (раннегосударственные), являющиеся субстанционалистскими, то есть такими, где субъектность их граждан отчуждена в пользу субстанции-общества, из-за чего они понимаются как элементы монопсевдосубъекта — «субстанции-общества-космоса». Чтобы скрыть возникший классовый раскол, оно производит субстанциалистскую идеологию: «языческие» религии (с их фараонами, богами-императорами и прочим), неоплатонизм с его Первоединым, брахманизм с его Брахмой и тому подобным. Всякая индивидуальность, множественность, свобода объявляются «грехом», долженствующим искупить себя в воссоединении с моносубстанцией. Как внешнее противодействие субстанционализму и как внутреннее продолжение классового раскола генерируется антисубстанционализм — обвальная атомизация. В ходе «конкуренции» — диалектики классовой борьбы — Субъекты «восстают» против моносубстанции, и каждый из них становится сам минимоносубстанцией («индивидуальным предпринимателем»), центром власти и эксплуатации. Общность рассыпается на атомы, стихийно противостоящие друг другу, и это противостояние в свой черед создает систему действий/противодействий, стихийно складывает статистически-вероятностные закономерности роения «атомов» — рынок. Антисубстанционализм не искореняет, а воспроизводит ранние формы отчуждения в новых социальных условиях. Не понаслышке знакомая нам диалектика консерватизма и либерализма, традиции и бунта, религии и атеизма — это полагаемое системой историческое движение псевдоальтернатив и ситуативные инструменты господства.

Подлинную альтернативу стоит искать в третьем типе общества — гармонической полифонии. В русской религиозной философии ее называли то свободной теократией, то персоналистическим социализмом, то моноплюрализмом, всеединством и соборностью. Каждое из этих имен можно представить в качестве метафизической надстройки подразумеваемого ими либертарного коммунизма — сообщества свободных личностей, гармонии множества свободных субъектов, в каковой их свободы, их субъектности не отчуждены, не противопоставлены, но усилены друг другом.

16. Призрак коммунизма

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». А это значит, что предположительно положительный предел Истории еще не был достигнут. Всегда по миру бродил «призрак коммунизма». Человечество по-

разному, с разной степенью проработки, но во-ображало грядущий коммунизм — насколько позволяла эпистема их обществ.

17. Религия и классовое расслоение

Скажем, марксист Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности» пытается найти корреляцию между религиозностью и социальностью у разных архаических сообществ. Сообщество зун характеризуется им так: эгалитаризм в социальных отношениях, коммунизм в экономике, матриархат в семье, миролюбие, бесконфликтность, «духовность» в качестве основных этических добродетелей. Этим параметрам соответствуют развитая богатая религиозность (песни, молитвы, ритуалы, танцы — то, что мы назвали «свободным духовным производством») и слабая привязанность к материальным ценностям. В иных сообществах, где растет значимость вещей, возникает частная собственность и патриархат — первые зачатки классового расслоения — повышается уровень конкуренции и агрессивности. Следом колдовство вытесняет «духовность», и религия деградирует до магических «техник» достижения материальных успехов. На основании изученного материала, Фромм осмеливается вывести рабочую формулу, позволяющую создать социологическую типологию религий: «меньше агрессии и собственности ✕ больше „духовности“».

Несмотря на то, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», степень классового разделения влияла на то, в каком виде явится «призрак коммунизма» и в каких формах будет осуществляться борьба с угнетением. Универсальная Истина подобна сильному ветру («духу»), рвущемуся в наши закрытые для подлинного существования сердца. Она находит малейшие отверстия для того, чтобы проникнуть к нам.

Легисты и конфуцианцы творили чудовище субстанциализма — но ему нашлось противодействие в лице даосов и моистов. Брахманизм творил чудовище субстанциализма — ему нашлось противодействие в буддизме. Архаическая община живет относительно свободно и создает прекрасную, чудную, дивную «метафизику», где все — живое, и сама община вплетена в огромное сообщество одушевленных звезд, деревьев, рек, духов, богов. По мере разрушения таких общин и роста первых государств и вслед за ними рабовладельческих обществ начинается демифологизация, обездушивание мира и, как следствие, его разобщение.

18. Тора

Для определения положительного предела Истории в рамках нашей типологии требуется найти общество с минимальным классовым расслоением. Слабейшая из всех восточных деспотий, так и никогда до конца не состоявшаяся в этом качестве — Израиль — стала местом, в котором голоса угнетенных масс были максимально артикулированы. Тора (дарованная, как утверждает Писание, Израилю через ангелов) есть не что иное, как либертарно-эгалитарное законодательство, утверждающее относительность частной собственности, равенство и систему социальной защиты. Пророки и мудрецы Израиля, наставленные ангелами, суть либертари-эгалитари.

Через отрицание божественной природы власти здесь развилась странная, ни на что не похожая религия, утверждавшая универсальность Истины и единство разума.

Везде и всюду человеческий разум приходил формально к одному и тому же — к обнаружению некоей неопределимой, надкатегориальной бездны. Но каждый раз эту бездну и ее связь с миром концептуализировали по-разному в зависимости от типа социума, порождавшего знание. Сказать, что вся множественность мира есть некая ущербленность по отношению к Первоединому или Брахману, или что эта ущербленность сама в себе не существует, а представляет собой всего лишь эманацию/мая — не то же самое, что увидеть множественность мира как нечто в себе благое и в себе свободное. И что как таковая — свободная и благая — эта множественность создана Личным Богом, явившемся людям как Освободитель от рабства, как заступник бедных, сирот и вдов. Одно дело утверждать — мир есть бессмысленное круговращение, циклы рождений-смертей, другое — что мир есть осмысленная история, идущая к поражению всех тиранов как к своей цели. Почему религия Торы так непохожа на все остальные? — потому что она создана почти эгалитарным сообществом, максимально противодействующим угнетению.

19. Бесклассовая истина: христианство

В Израиле, в этом «последнем оплоте политической свободы» (Каутский) рождается христианство — универсализация и максимизация иудаизма. Принятие максимы «Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни варвара, ни мужчины, ни женщины, ни господина, ни раба» приводит к аннигиляции этнорелигиозных, гендерных и классовых различий. По словам Бадью, в первохристианстве происходит парадигматическое Событие Универсальной Истины. Создаются либертарно-эгалитарные общины, в которых все у всех «было общее». Отвергаются идолы и боги. Надкатегориальная бездна, истина бытия во-ображается как беспомощный младенец (его рождение сопровождают ангелы и пастухи) и казненный преступник (его воскрешение сопровождают ангелы и женщины). Христианство — это движение общин альтернативной жизни, что следует учесть прежде всего при социологическом исследовании христианских верований. Новый Завет и другие раннехристианские тексты созданы сообществами, функционировавшими в рамках сети взаимопомощи, а догматика христианства — коммунистическими (в строгом смысле этого слова) монашескими общинами. Бог как Триединство, как сообщество равно честных свободных личностей (ипостасей), сообща «владеющих» одной и той же усией («природой», «собственностью») — таков венец христианской догматики, выработанный Отцами Церкви. Их гармонически-полифоническая метафизика единства без сведения/редукции к моносубъекту/субстанции видит в Боге само либертарно-эгалитарное сообщество, куда приглашены все существа мира — не к слиянию-растворению, но к несводимо-личному при-общению.

Первым шагом к образованию раннехристианских монашеских общин стал акт полного, радикального ухода из мира, разрыва всех связей, оставления всех органических общностей (семьи, рода, этноса и так далее), т.е. предельного индивидуализма. «Монах», «инок» — это «единица», «одиночка». Но вторым шагом — акт предельного коллективизма — создание общин альтернативной жизни, сообществ освобожден-

ных субъектов, «киновии» (общей «ангельской» жизни). Благодаря им осуществляется распространение либертарной идеологии в макросоциум. Отцы Церкви за много веков до современных социалистов учили людей, что всякая собственность есть кража, а благо — социализация экономики. Причем учили много и часто, о чем знает каждый, кто читал патристические тексты (но их ведь не читают). Одним из отделов догматики становится ангелология.

Таким образом, на основе социологии религий как экспериментальной метафизики мы приходим к выводу, что адекватным отражением/во-ображением Универсальной Истины является патристическое христианство, а теоретическая и практическая ангелологии суть его элементы.

20. Бесклассовая истина: амидизм

Истина универсальна. Характерно, что на метафизическом уровне ранний буддизм был (в наших терминах) атеистическим материализмом (отрицанием существования Творца мира, бессмертия души, утверждением, что все есть детерминированный поток «атомов»-дхарм) — учением, критиковавшим «идеологию» варнового общества, движением за выход из оногo и создание общин альтернативной жизни. На махаянском этапе этот «материализм» станет чем-то вроде монотеизма с милосердным Божеством, культом святых и их мощей. Но в финальной точке развития — в амидизме — буддизм принимает форму мессианского монотеизма, где спасаются уже «иной силой» (благодатью милосердного божества), где «спасение» — уже не «угасание существования» (нирвана), а обретение блаженной жизни в «Земле Беспредельной Радости», где милосердное божество спасает прежде всего грешников, а не праведников, где спасаются просто молитвенным призыванием имени милосердного Божества («исихазм»), где ждут пришествия Будды Майтреи («эсхатологического мессии»), где все это становится идейной основой разного рода революционных выступлений в Китае и Японии. На примере развития буддизма мы можем наблюдать эволюцию атеистического материализма в «мессианский монотеизм» с «исихастской» духовной практикой, что довольно показательнo. В религиоведении надо смотреть не только на «вероучение», но и на социальную подкладку, тогда многое становится понятным — скажем, и сущность, и возможные судьбы нашего, западного атеистического материализма. Сначала нужно подорвать идеологические основания системы (атеизм, материализм, нигилизм), создать возможность выхода из нее для образования общин альтернативной жизни, чей опыт существования уже на втором этапе ляжет в основу чего-то вроде махаяны, а в своем предельном выражении — амидизма.

21. Религии, а не религия

«Классовые» — слишком широкое обобщение. Было множество формаций, подтипов социумов и, соответственно, множество религий. В каждой формации религии функционируют по-своему, как сами по себе, так и между собой. Следует иметь в виду, что бросать в одно лукошко «религия» такие разнокачественные, разнородные феномены, как даосизм и ислам, ритуалы и духовые практики, идоломахию

и идололatriю, есть следствие умственной лени, если не слепоты. «Религия» как таковая, сам ее концепт — в целом плод идеологической манипуляции (а именно — секуляристской). Мир религиозных феноменов крайне разнороден: единой «религии» нет, как нет единой «политики» (вместо нее мы имеем коммунистов, нацистов, либералов, монархистов и многих других). «Религия» (как и «политика») — обозначение некоего огромного разнoprостранственного поля, где обретаются различнейшие разнoprипродные и разнокачественные феномены. Допустим, прежде чем говорить о «религии», надо иметь в виду, например, что такая «религия», как христианство, все прочие объявила ложью, обманом и поклонением демонам. Имеется огромный внутрирелигиозный разрыв, на который нельзя закрывать глаза, если мы хотим разобраться во всем этом.

22. Воображаемые пространства и их обитатели

Нам нужно определение религии, которое покрывало бы все поле различнейших религий и проявлений религиозности, но при этом не стирало бы их различий. Вот оно: религия есть комплекс практик (в том числе дискурсивных — концептуальных, нарративных и так далее), формирующийся вокруг воображаемых (ненаблюдаемых в наличной реальности) сущностей.

Религии — это ассамбляжи самых различных практик, включающих в себя (совершенно по-разному) нечто воображаемое так, как будто оно в реальности есть, но при этом участник религиозных действий знает, что его нет. Делая это уточнение, мы отделяем религиозные феномены от психиатрических, с одной стороны, и квазирелигиозных — с другой. Верующий прекрасно знает, что «богов, духов, призраков» эмпирически нет — и их отсутствие перед глазами принципиально важно. Например, фея «есть», но не в том смысле, в котором есть дерево (пусть крестьянин и не сможет философски четко артикулировать это, однако он прекрасно это понимает). Главное, что у этого «воображаемого» есть совершенно разные формы, каждая из которых может быть элементом различных сборок. Такое определение охватывает религиозные проявления как проявления «предельной заботы» и самого повседневного порядка (гадания, молитвы о дожде и тому подобное). Не только сферу «Священного/Трансцендентного/Абсолютного...», но и все воображаемые пространства и населяющие их сущности: не только «Божество», но и существ «верхнего» яруса (ангелов, святых и богов политеизма), «нижнего» (демонов), «параллельных» (джиннов, мертвых, «маленького народца» — от фей до их современных «научнообразных» собратьев «инопланетян»). Не только «мистику» и «предельные смыслы», но и чисто человеческие, приземленные цели, встроенные в практики, связанные с воображаемыми пространствами и сущностями. «Религиозное» может даже и не быть целью практики, а просто одним из ее элементов (таково в сущности большинство ритуалов: скажем, цель брачного ритуала — не религиозна, но ритуал имеет одним из своих элементов что-то религиозное). Но стоит иметь в виду, что ритуалы как таковые — не специфически религиозная реальность. «Ритуалы» есть некий механизм, присущий социальному как таковому, но вовсе не обязательно имеющий религиозный аспект. Точно так же дело обстоит и с «мифом», если понимать его как «основополагающий нарратив». Потому в определениях религии у Фромма («система ориентации и

поклонения») или Клиффорда Гирца всегда присутствует указание на социальный характер составляющих ее элементов. Ритуал, миф, «система символов, формирующих представления о бытии» — все это «религиозно», когда хотя бы один из элементов этих реалий является чем-то ненаблюдаемым эмпирически, воображаемым. В ином случае мы теряем специфику религии и принимаем за религиозное нечто такое, что свойственно функционированию социального самому по себе. У нацистов, большевиков и им подобных есть «мифы», ритуалы и разработанные системы ориентации и поклонения, но поскольку в них нет воображаемых/ненаблюдаемых элементов — это не религии. Когда девушка гадает о суженом — это нечто «религиозное», коль скоро здесь есть практика, включающее воображаемое/ненаблюдаемое.

Даже «трансцендентного» в религии может не быть вовсе, необязательна и «значительность/сакральность». Множество архаических и современных крипторелигиозных явлений носят комический, несерьезный характер. Они вовсе не обязательно «благие». Многие апеллируют к области демонического, злого, отвратительного (бесы, неупокоенные души мертвых и так далее) и соответствующим не «добродетельным практикам» («черная магия» и так далее). Наше определение покрывает все религиозное поле: от Абсолюта до фей, от мистического опыта до гаданий.

Конкретные производства воображаемого, их (производств) условия и механизмы, типы их продукции — вот предметы социологии религии как метатеории религиоведения. Интуитивно, несмотря на все религиоведческие споры, это всем понятно: когда мы видим некое прекрасное здание, рядом или внутри него необычно одетых людей, делающих что-то странное вокруг и в связи с чем-то, чего налично нет — и людям об этом известно, — тогда мы сразу узнаем религию.

23. Продуктивное воображение

Принципиально, что все «человеческое» (культурное) воображаемо. «Я» сам, как и «другой» — призраки. «Владимир Шалларь» есть продукт коллективного воображения, хотя он — всего-навсего особь *homo sapiens sapiens*, воображающее животное. «Человек», «бессмертный дух» и тому подобное суть призраки этого животного. «Я» и «другой» есть продукт «эмпатии» — особого типа воображения, представляющего другую такую же особь (а часто и других существ, и посторонние предметы) как «свободного субъекта» с «именем», «Я» и другими атрибутами. Среда обитания «человека» — воображаемые пространства, которые он сам и производит как паук паутину (по знаменитой формуле Вебера). «Продуктивное воображение», способность создавать образы того, чего в наличии нет — главная способность человека по Канту, основание как «рассудка», так и «чувственности». Поскольку здесь нет места даже кратко наметить всю историю воображения, его концептуализаций, остановимся только на концепте когнитивной подвижности — остановимся с большим наслаждением, поскольку когнитивное направление в религиоведение носит «редукционистский» характер, т.е., проще говоря, атеистический, сводящий все «духовное» к когнитивным процессам.

24. Когнитивная подвижность

Психика состоит из множества модулей, отвечающих за восприятие разных типов процессов и объектов реальности с их особыми логиками (неживые предметы, живые существа, люди). Для человеческих существ по ходу эволюции особенно важным оказался модуль эмпатии — способность различать в потоке реальности подобных себе существ и примысливать к ним присущую себе внутреннюю активность. Именно из эмпатии произрастает одушевление, помогающее определять, например, опасны или нет живые не-человеческие существа. В этом контексте религия представляется простой когнитивной ошибкой, приведшей к созданию «сверхъестественных агентов». Это оказалось возможно благодаря особенному эволюционному ноу-хау людей — когнитивной подвижности («разуму», «душе»), т.е. сознательному разрушению перегородок между разными модулями психики и их синтезу. Таким образом, антропогенез стоит рассматривать как генезис когнитивной подвижности, развития воображения и, в частности, способности создавать «контринтуитивные представления», то, чего нет: богов, духов, наскальную живопись. К ним стоит также отнести утопии, «призрак коммунизма», ангелов. Но, помимо прочего, и науку, поскольку рациональность — продукт контрэмпирического мышления.

Перенесем все эти доводы из области редукционизма в агностицизм. Допустим, исследования глаза, его устройства и механизмов, того, как в нем формируются «образы» видимого, в строгом смысле слова ничего не говорят нам о (не)реальности внешнего мира. Почему бы тогда когнитивную подвижность не рассматривать как «орган», с помощью которого человек взаимодействует с воображаемыми пространствами и не более того? Мы никогда не сможем сказать наверняка, с чем человек имеет дело в религии: только ли с воображаемыми сущностями или представителями не-и-вне-человеческого. Важно лишь, что все они суть только некие представительства.

Последний важнейший для нас в этом ключе принцип когнитивного религиоведения — принцип «минимума контринтуитивных представлений». Согласно ему, воображенное не должно слишком сильно противоречить реальному, иначе в него перестанут верить (может летать, скажем, ангел или ведьма, но точно не «я»).

25. Воображаемое — Символическое

Иными словами, Воображаемому противостоит Реальное.

Человек — существо желающее (то есть воображающее); объекты его желаний — мечты, проекты, грезы — находятся в воображении, которому противостоит принцип реальности. Желание создает разрыв между желанным и реальным, должным и данным. Например, должно, чтобы все люди были равны — таков предмет революционного желания/воображения, однако в реальности они не равны. Есть Вечное Блаженство — таков предмет религиозного желания/воображения, но в реальности мир сей есть «юдоль плача» и «смертный удел».

Лакан считал человеческую психику сложной и самодостаточной реальностью, топологию которой, обращаясь за аналогом к наличной действительности, описать нельзя: для этого требуется утопическое «неналичное» измерение. По Лакану, челове-

ческая психика устроена словно для встречи с неналичным. Именно поэтому к паре Воображаемое/Реальное Лакан добавляет Символическое — социальный порядок, Большого Другого.

У Лакана есть знаменитая концепция стадии зеркала: ребенок не имеет «образа» самого себя и находит его в маленьком другом (зеркальном отражении, другом ребенке, ребенке из сказок/мультфильмов, из рассказов взрослых и так далее): «я сам» есть создание моего воображения. Крайне важно, что нечто подобное можно наблюдать и в других контекстах. В иных ритуалах человек может идентифицироваться с тигром или богом, в иных религиях он воображает себя бессмертным духом, в иных ситуациях — отбрасывает приписанный ему гендер и идентифицирует себя с каким-то еще и так далее. Ведь вообразить можно все что угодно. Буйство воображения не столько разбивается о реальность, сколько захватывается Символическим, социальным порядком, Большим Другим, Спектаклем. Большой Другой говорит тебе, кто ты, управляет твоим воображением — не только относительно тебя самого, но и относительно всего сущего. Тотальный Спектакль есть отчуждение и порабощение всей образности — захват и дезактивация самой нашей способности воображать.

Воображение захвачено Большим Другим: оно представляет собой не только создание воображаемых пространств, «набросков-проектов» (по Хайдеггеру), трансцендирующих субъекта за пределы наличного (вообразим мир без рабства, подыдем восстание), но и возведение внутренних темниц — ты такой-то, мир такой-то, води себя так-то: идеология, Спектакль. Трансцендировать наличное, как ни странно, сложнее всего из-за воображаемого, из-за определенных когнитивных карт: их-то переписать, и даже представить, что можно их переписать, часто оказывается сложнее всего. Отсюда революционный пафос демистификации, библейский пафос идололамии: освободить сознание от демонов. Представим, что иной мир возможен: революция; представим, что иной мир есть: религия. Мы подошли к сути проблемы.

26. Историчность Логоса

Итак, мышление, избирая своим предметом «все», попадает в странную ситуацию метафизических тавтологий: «бытие есть», «реальность реальна» и так далее; выпутывается оно методом коротких замыканий «всего» на что-то, методом нонсенсов-тавтологий («все есть вода»), начинающих понятийную серию данной метафизики.

Деррида научил нас деконструировать такие серии. «Восходя к истоку» понятийной серии, мы утыкаемся в различие, первичное производство концептов и их логик. В частности, Деррида показал, что все предприятие западной метафизики (не всех ли метафизик вообще?) основывается на попытке «логоса» отличить себя от «мифа». Он показал, что это никогда не удастся, не могло удасться с самого начала; вся метафизика основывается на отбрасывании себя от мифа точно так же, как (это показал уже Хайдеггер) науки основываются на отбрасывании себя от метафизики, а метафизика — на отбрасывании себя от истины бытия.

Работа различания никогда не заканчивается, границы логоса историчны; в частности, например, Фуко в своей классической работе показал, что домодерный логос вмещал в себя много больше, чем модерное рацию; он вмещал в себя, мог осмыслить

такие вещи, как священное безумие, мистические видения, общение с ангелами; с приходом радио (то есть капитализма) эти вещи были отброшены в «психиатрию». Юродство, мистика и ангелы стали чем-то наказуемым, симптомом болезни; чем-то таким, о чем больше не пишут жития, не создают икон и в честь чего не строят храмов — чем-то таким, с чем отправляют в дом для умалишенных. Ситуация сама по себе любопытная: в одну эпоху ты слушаешь ангельское пение, создаешь об этом прекрасные тексты, обогащаешь культуру; в другую эпоху тебя за это же самое наказывают/«лечат» — считают умалишенным — тебя, общающегося с умными силами. Сам разум историчен, и нужна тщательная работа деконструкции, чтобы понять разные исторические представления о том, что разумно, а что безумно. Ангелы понимались как «чистые умы» — почему же их стали понимать как симптом безумия?

«Разум» — в отличие от Универсальной Истины — не един: он имеет множество исторических формаций, чья оформленность, определенность задается специфическим для нее противопоставлением «разум — безумие». Другими словами, существует некий пралогос, исток различания: работа разума есть работа разделения, классификации, квалификации, оценки, выработки «логики» конкретной формации разума. Кем/чем производится каждое конкретное решение — «вот это разум, а вот это безумие»? Оно уже производится каким-то предразумом, пралогосом. Из этого вытекает множество следствий. В частности, каждое конкретное решение о разуме/безумии есть не «логический» (ведь «логика» только устанавливается), а исторический, социальный, волевой, эстетико-аксиологический акт. Произошло что-то принципиально важное, когда буржуазный разум решил, что общение с умными силами есть не высшее проявление разума, а безумие, и тех, кто некогда творил культуру (духовную, философскую, эстетическую, а часто и социально-экономически-политическую), стали отправлять в сумасшедший дом.

27. Антропологические машины

Агамбен в «Открытом» исследует «антропологическую машину» модерна, функционирование которой заключается в различании человека и животного: животное становится Другим человека. Как показывает агамбеновское исследование ряда эсхатологических текстов, дезактивация этой машины, стирание различия между животным и человеком есть один из эффектов пришествия Царства Божьего.

Однако Средневековье сконструировало совсем иную антропологическую машину, действие которой состоит в различании человека и ангела (см. «Философские главы» Дамаскина): Другим человека становится ангел. При этом одним из эффектов пришествия Царства Божьего становится стирание различия между ангелом и человеком: «В воскресении пребывают, как Ангелы Божии» (Мф.22:30). Это совсем иная перспектива.

28. Бесконечность — насилие

Деррида в тексте об «Истории безумия» Фуко пишет, что мышление есть движение к бесконечности, превышающее всякую историческую совокупность, всякую

фактичность, всякое наличное. Всякая конечность предполагает что-то еще «за» собой, «впереди» себя, в конечном счете — бесконечность. Всякий проект смысла имеет своим истоком устремление к бесконечности по ту сторону всех определений: введение в мир того, чего в нем нет (воображение). Насилие же коренится не в этом, а там, где происходит сведение смысла к внутримирскому, конечному, определенному, наличному, данному. Социально-политическое насилие имеет истоком не осмысление бесконечности, то есть того, что не дает себя исчерпать никакой конечной целостностью; насилие — в данности, в ее эссенциализации, в сведении бытия к данности: «Божество/бытие/ничто» в собственном «смысле» (бесконечность по ту сторону всякого смысла, дающая исток всякому смыслу) не несет никакого насилия, не представляет алиби никакому насилию; лишь превращение бесконечного в конечное, превращение Божества в третье лицо, в конечную власть влечет мистификацию и насилие. Только в устремлении к бесконечному мы обретаем примирение враждующих данностей — потому что в бесконечности уже всегда мир всего со всем.

Однако всякий исторический проект осмысления бесконечного, как конечный и исторический, несет угрозу насилия — то есть измены своему собственному делу. Смысл бесконечного в том ведь и состоит — в невозможности быть одним из онтических определений; и насилие коренится в оконечивании бесконечного, в сведении Божества к тому или иному аспекту сущего: в забвении апофатики, в движении от божественного к идолу.

Гостеприимство человеческого разума к Богу — антидот против насилия. Между избытком к целому и замкнутой целостностью существует оппозиция: конечное существо в своей конечной ситуации осмысляет бесконечное (конечно, каждый раз исторично); это двигает историю, создает напряжение конечного и бесконечного. Абсолютная открытость и замкнутость. Абсолютный избыток и законченность. Бесконечность размыкает замкнутость; конечность замыкается от бесконечности.

Здесь нужно заметить, что поздний Деррида, как этико-политический мыслитель, предпринимает «деконструкцию» марксизма — возрождение марксизма после его смерти, вызывание его призрака, притом происходит это возрождение, это вызывание призрака на основании мессианизма. Как дано бесконечное конечному существу? Как имеет дело историческое существо с Бытием? — как с Грядущим, как с мессианским обещанием. Наше мышление должно быть гостеприимством к Грядущему. Но ведь Грядущего нет: его можно только во-образить; оно «дано» лишь виртуально, то есть как призрак, как дух; как ангел. Для исторических существ Бесконечное есть по определению неналичное Грядущее.

29. Хонтология

Хайдеггер начал деконструкцию «метафизики» как забвения бытия, как замыкания от бытия и выстраивания иерархий сущих; Деррида сдвигает постметафизическое мышление на еще один логический такт: Хайдеггер, говорит Деррида, строит еще онтологию присутствия-наличия-имения и не учитывает уже-не-бытия и еще-не-бытия (между прочим, Блох, марксист-эсхатолог, тоже выстраивает мессианскую онтологию еще-не-бытия — как, скажем, и семейство «теологий надежды»); Хай-

деггер еще работает с наличностями, тогда как надо работать с призраками: нужна хонтология (призракология), а не онтология.

30. Запороговое

Действительно, историческое существо имеет в наличии весьма ограниченное количество предметов; прошлое и виртуальные траектории Грядущего — не в наличии, как и огромные области даже и «современного» историческому существу бытия, как и само оно — это историческое существо — полностью себе не дано. Криптотеолог-марксист Батищев развивал эту тематику так: у исторического существа есть порог распредмечиваемости: распредметить удастся всегда ограниченное (пусть и «большое») количество предметов; бесконечное количество предметов, таким образом, находится за порогом распредмечиваемости — в области запорогового, виртуального для исторического существа. «Об121 наличены» всегда оказываются лишь крохи Бытия. Сдвиг порога распредмечиваемости есть дело творчества; «культура глубинного общения» (религия) есть общение с запороговыми содержаниями (включая свои собственные).

«Общение» и «творчество» — два истока «деятельности», активности человека в сфере наличных предметов; то есть для активности в сфере наличного человек находит силы в сфере неналичного/запорогового/виртуального. Это ход против «метафизики», «антропоморфизма»: дело обстоит вовсе не так, что есть (человеческий) «субъект» и вся реальность есть «объект» для его познавательной и инструментальной деятельности; на самом деле «человек» и наличные ему предметы — небольшой фрагмент запорогового/виртуального ему Бытия — бесконечности не-и-вне-человеческой действительности (куда входит и виртуальная глубина самого человека). Мы можем ее только во-ображать, вступать с ней в «глубинное общение», но не можем сделать ее своим объектом. Ведь виртуальные содержания бытия — запороговые нам — можно только воображать.

31. Самопроизводство

Человек, по Батищеву, не структурирован вокруг того или иного центра-сущности, но есть перманентное трансцендирование собственных пределов, перманентное становление, самоорганизованное вокруг виртуально бесконечных векторов-устремленностей, отвечающих «беспредельной объективной диалектике» (каковая есть концепт, схватывающий онтологические основания реальности — имя Божества в криптотеологическом марксизме Батищева). Реальность есть океан бесконечных виртуальных возможностей, актуализируемых человеком, притом всякая человеческая деятельность есть самопроизводство человека. Человек не дан как «готовая вещь» (таковых в мире вообще нет), но есть перманентное самопроизводство, осуществляемое в каждом его действии.

Речь надо вести не просто о деятельности, но о предметной деятельности человека, то есть, во-первых, о способности распредметить предданные предметы природы и культуры. «Предметы», конечно, не только (и не столько) в смысле «материальных вещей», но и в смысле феномена «живого» (пример предмета природы),

или «социальных структур», «политических институтов» (пример предметов культуры). «Троица» Рублева, конечно, и материальная вещь, но как «предмет» она есть нечто принципиально большее (символическая форма, отсылающая к таким «предметам», как восточнохристианские теология, духовная практика и тому подобное). Во-вторых, речь надо вести о способности опредмечивать себя, то есть создавать новые предметы. «Творчество», «производство» есть создание ранее не бывших, не существовавших предметов — предметных воплощений человеческой деятельности, которые отныне существуют объективно, вне внутреннего мира человека, и подлежат последующему распределению. Мир предметной деятельности есть мир межчеловеческих связей: человек-предмет-человек. Непосредственная связь двух внутренних миров невозможна: связь людей опосредована опредмечиваниями-распределением. Фундаментальные параметры всемирной истории во всем ее масштабе и глубине суть параметры антропологические: история есть производство и воспроизводство человеком человека, опосредованное предметной деятельностью.

32. От деятельности к фетишизации ее продуктов

Отчуждение, в таком случае, есть превратная форма опредмечивания, при которой предмет отсоединен от субъектов опредмечивания и распределения. Принципиально, что опредмечивание не равно отчуждению. Неотчуждающее опредмечивание есть производство предметов, удерживаемых в стихии личного/свободного общения, и как таковые они расширяют, углубляют сферу личного/свободного общения.

Отчуждение — которое представляет собой отрыв предмета от субъекта опредмечивания — не предопределено, не запрограммировано, не вписано в логику опредмечивания как такового. Напротив, отчуждение есть превратная форма опредмечивания, коль скоро предметная деятельность есть среда межчеловеческого общения-общности. Отчуждение есть опредмечивание с приданием псевдосамостоятельности предмету и лишением самостоятельности субъектов предметной деятельности. Законченная форма отчуждения — овещнение (эссенциализация), при котором продукты предметной деятельности человека становятся внешними ему вещами. Законченная форма овещнения есть фетишизм (сакрализация): отчуждение с захватом управления от субъектов к продуктам их активности, наделение продуктов деятельности человека псевдосубъектностью и, соответственно, — овещнению самих субъектов. Генерируются квазисубъектные безлично-вещные образования — продукты деятельности людей, в рамках которых последние становятся персонификаторами первых: продукт господствует над субъектами продуцирования. И тем не менее именно люди сами производят мир этих превратных форм. Отчуждение есть самотчуждение, овещнение есть самоовещнение (коль скоро любая практика есть в какой-то мере и практика себя, любое производство есть в какой-то мере и самопроизводство). Человек производит господствующие над ним и эксплуатирующие его силы: силы, отторгнутые от процесса своего порождения, мистифицированные — представленные как условия и порождающие силы своих собственных творцов.

Человеческий мир понимается теперь не по формуле «человек — предмет — человек», но по формуле «вещь — человек-как-вещь — вещь». Из гармонически-полифонической разомкнутости (творчество/глубинное общение) к объективной беспредельной диалектике мир превращается в замкнутую, фетишизированную систему вещей.

33. Монотеизм — фетишизм

Но мы уже сказали: религия есть производство воображаемого, виртуального, то есть создание образов запороговых содержаний и комплекс практик в связи с этим образами. Религия есть учреждение представительства виртуального, размыкание данного в открытость бесконечному/грядущему. «Боги, духи, призраки» — представители (образы) виртуального/запорогового, в пределе — Бесконечного/Грядущего. Изучение религии есть хонтология.

Отсюда понятен категорический запрет авраамических религий на изображение (во-ображение) божественного, запрет идолов, фетишей. Запрет изображения божественного есть запрет на овещнение представительства бесконечного/грядущего, его замыкание во внутримирском. «Бог» есть чистое бесконечное/грядущее, которое запрещено овещнять в конкретных фигурах/образах/идолах/фетишах. «Язычество» есть замыкание бесконечного/грядущего в горизонте мира: «метафизика», субстанционализм, эссенциализм, где религиозное есть лишь аспекты (пусть «верхние») замкнутого на себя космоса. Таким образом, вопреки классическому религиоведению, следует сказать так: магизм/фетишизм вторичны по отношению к религии, они суть ее овещнение/объективация/механизация (мы это уже видели в примерах Фромма). Запрет на во-ображение божественного, целая система борьбы с воображаемым — специфическая черта исихазма, восточнохристианской духовной практики. Но именно «духовные практики» мы должны считать месторождением религии, производством представительства виртуальных/запороговых содержания бытия. Где рождаются «боги, духи, призраки», где производятся воображаемые пространства, коих нет в наличии? — в духовных практиках: в практиках, где человек «создает» того, чего в наличии нет, — призраков, духов, богов. Религия лишь воспроизводит/паразитирует на том, что производится в духовных практиках. Религиозная традиция есть некая периферия, а центр — духовные практики. Антропологией и политологией духовных практик занимался Хоружий.

34. Теория Симфонии

Среди прочего, Хоружий показал, что пресловутая «теория симфонии» (Церкви и Империи) — вовсе не черта аутентичной восточнохристианской Духовной Традиции (сообщества субъектов восточнохристианских духовных практик). Теория симфонии принадлежит к области религиозной традиции и говорит о взаимной поддержке государственных и религиозных институтов. Но отношения духовной и религиозной традиции весьма сложны и могут быть даже и конфликтными; возможен случай, когда духовная традиция не подчиняет себе все области религиозной традиции, а в этой последней пребывает нечто противоречащее духовной традиции. Теория

симфонии — как раз такой случай. Возьмем в качестве примера борьбу пророчества и религиозности в Танахе. Духовная Традиция еврейских пророков противостояла религиозной традиции Палестины, притом последнюю зачастую поддерживала еврейская монархия, установление которой само по себе, согласно Первой книге Царств, есть предательство Бога: поразительно, как теоретики «симфонии» просто игнорируют этот библейский антимонархизм, а ведь его крайним выражением стала кровавая революция пророка Елисея против правящей династии Самарии, в ходе которой всех представителей последней просто вырезали.

35. Империя — Пустыня

Теория симфонии говорит о сотрудничестве государства и церкви. Хоружий же выставляет другую пару — Империя и Пустыня, государственные институты (политическая сфера вообще) и Духовная Традиция, вовсе не тождественная Церкви, и в этой паре обнаруживает не сотрудничество, а взаимонепринадлежность, конфликт, вражду, то есть — и это важно — вражду также и с религиозной традицией в соответствующем ее фрагменте.

Империя, что очевидно, есть творение еще дохристианского мира, в терминах христианской теологии — мира языческого, то есть реалья если и не прямо антихристианская, то, во всяком случае, не-христианская. «Христианская империя» — оксюморон. Мы знаем также, что монашество, то есть социальное оформление исихазма, появилось именно путем бегства из «христианской империи»: Пустыня формировалась в противовес именно ей. Но ведь и Империя была «христианской», и церковь/религия — христианской, и монашество — христианским. Да, но получалось как бы три разных христианства, и нам надо проследить взаимоотношения Империи — Церкви — Пустыни.

36. Сакрализация — обожение

Цель исихазма (восточнохристианской духовной практики, созданной в Пустыне) — обожение («становление богом по благодати»), подразумевающее деэссенциализирующую логику. Человек в духовной практике исихазма достигает синергии своих энергий и энергий Божества. В «язычестве» (мы скоро дадим более корректный термин) речь идет не об обожении, а об освящении, сакрализации. Сакрализация — эссенциальный аналог/противоположность обожению. Так, Хоружий вводит оппозицию «парадигма обожения — парадигма сакрализации». Эта тема очень богата и разрабатывалась в разных дискурсах разными авторами. Сошлемся здесь только на классический труд Бергера. Основная, образцовая форма отчуждения, идеологии, мистификации, эссенциализации социально-политического порядка — религия. Однако, утверждает Бергер (и не он один, конечно), в религии заложена и возможность разотчуждения, деидеологизации, демистификации, деэссенциализации социально-политического порядка; эта возможность реализуется в религиях авраамического корня. Иными словами, априори возможна и апостериори действительно существует религиозная стратегия десакрализации.

Хоружий так и формулирует: парадигма обожения есть парадигма десакрализации. И ясно почему: парадигма обожения энергийна, то есть деэссенциализирующая, а сакрализация есть религиозная эссенциализация, следовательно — обожение есть десакрализация.

37. Религиозная десакрализация

В парадигме сакрализации религия собственно сакрализует — освящает, религиозно эссенциализирует, фетишизирует — социально-политический порядок и самую себя. Такого рода религию Хоружий обозначает как мистериальную религиозность («язычество»), в «православном» изводе — обрядоверие: это обслуживаемый жречеством мифоритуальный комплекс. И сам этот комплекс понимается эссенциально: как от века данный, от века имеющий право распоряжаться сакральным. Так же эссенциально понимается здесь и Империя (социально-политический порядок): как от века данный сакральный порядок, освящаемый жречеством (или сакральный сам по себе, в случаях обожествления правителя).

Христианство в форме своей Духовной Традиции десакрализует мирской порядок, то есть отвергает жреческий мифоритуальный комплекс и сакрализованную Империю. Но парадигма обожения/десакрализации пребывает и развивается в рамках Духовной Традиции, «в миру» же оно собственно «обмирщается», «объязычивается»: церковные институты перерождаются и принимают функцию жреческого мифоритуального комплекса, освящающего Империю: таков генезис теории симфонии, цезаропапизма и тому подобного. Здесь происходит подмена — но, повторим, не на всем пространстве христианства: Духовная Традиция (насколько она таковой остается) продолжает следовать парадигме обожения, а следовательно — продолжает находиться в конфликте с Империей: люди продолжают сбегать от Империи, освобождаться от нее, создавать пространства альтернативной жизни и осуществлять из них акты экспансии в пространство Империи.

Исихастская политология не есть политология симфонии и сакрализации, она есть политология конфликта с Империей и ее десакрализации. Она есть политология не некой сакральной, эссенциальной политики, но политики десакрализующей, деэссенциализирующей.

38. Ангелология как эффект запрета на воображения божества

«Десакрализация» в философии есть деэссенциализация, в религии — обожение; восточнохристианская Духовная Традиция в философской перспективе есть постметафизика (что прямо показывал и доказывал Хоружий), в политической — подрыв политических институтов, в социальной — разотчуждение. Резюмируем: религия есть учреждение представительства бесконечного/грядущего, а авраамический запрет на его изображение, исихастский запрет на его во-ображение суть наиболее чистые случаи такого представительства — эти запреты избегают отчуждения/эссенциализации/фетишизации, отрыва от бесконечного/грядущего, замыкания на внутримирском. Авраамизм/исихазм есть практика чистой открытости Бесконечному/Грядущему — неизобразимому, невообразимому, непредставимому, что одним из

своих следствий имеет формирование ангелологии: все фигуры представительства относимы здесь не к Бесконечному/Грядущему, но к его вестничеству (ангельству) — к запороговым/виртуальным уровням этого мира, что представляют полноту обоженности мира, но не самого Божества. Ангелология есть представительство мира, полностью открытого Бесконечному/Грядущему, — но не самого его. Авраамическое отделение духов/богов/ангелов от Божественного, выделение ангелологии из теологии есть важнейший теологический и политический шаг.

39. Представительство

Однако представительство — основная проблема политической науки. Карл Шмитт в работе «Римский католицизм и политическая форма» писал:

буржуазное общество больше уже не способно ни на какую репрезентацию. Его духовный склад предполагает отказ от всякой репрезентации. Бог или — в демократической идеологии — народ, или абстрактные идеи, каковы свобода и равенство, мыслимы как содержание репрезентации, но это невозможно применительно к производству и потреблению. В нем (репрезентативном мире) живет политическая идея католицизма и его способность к трижды великой форме: эстетической форме художественного, юридической форме права и, наконец, всемирной-исторической форме власти в ее блеске славы. Из великой репрезентации сами собой возникают образ, фигура и зримый символ.

Дело, однако, не в «эстетике», а в способности к репрезентации как таковой: Шмитта волнует, в первую очередь, политическая репрезентация. Таким образом, Шмитт выстраивает ряд «репрезентируемое — способность к репрезентации — политика — искусство — экономика». Если отсутствует первое, то остается лишь последнее, остается только производственно-потребительский процесс — то, что Хайдеггер называл поставом. Чтобы мыслить весь процесс в целом, надо мыслить крайние члены обозначенного выше ряда: репрезентируемое и экономическое, бытие и способ производства (способ пойэсиса/представительства/воображения, изведения их потаенного), следует понимать, что капитализм есть без-божие/без-образие. Капитализму нечего представлять: он не представляет ничего.

40. Перманентный распад

Над этой проблемой думал Дюркгейм: религия есть социогоническая реалья (генезис представительства), рождаемая в «социальном бурлении» (на высшем пике общности-общения людей). Главная проблема современного (буржуазного) мира есть смерть религии — социогонической реальности, то есть, в сущности, распад общества. Дюркгейм считал, что буржуазный мир сможет снова родить некую новую религию в некоем новом социальном бурлении, ибо так, на его взгляд, функционирует общество. Но буржуазное общество атомизировано, то есть по самому своему существу не способно на «социальное бурление», не способно на рождение религии;

оно пребывает в перманентном распаде. Ниже мы увидим, как этот же феномен иначе тематизируют Бадью и Жирар.

41. Политическая теология

Шмитт в своей «Политической теологии» предлагает формулу: основные политические понятия данного социума есть секуляризированные основные теологические понятия этого социума; формула эта вполне вписывается в марксистское соотношение «социально-экономического базиса» и «надстройки» социума. Вершина «надстройки» — теология, репрезентируемое, основание базиса — экономика. Капиталистическое не-представительство есть безбожие капитализма; я, однако, в силу вышесказанного предлагаю сместить шмиттовский проект в сторону политической ангелологии.

Джеймисон писал, что главная проблема современного левого движения состоит в смерти воображения, в неспособности вообразить/представить Утопию; в неспособности вызвать призрак коммунизма. Агамбен идет дальше: убожество современного искусства (то есть современного воображения) есть его безбожие, неспособность создания образов; современное искусство есть наилучшая репрезентация события «смерти Бога»; апросодия есть атеология. Нам нечего представлять; вестники к нам не прилетают; ангелов больше нет. Наше воображение больно; мы не способны к учреждению представительства виртуального/запорогового, например грядущего коммунизма. Но если ангелология есть такое представительство, то демонология есть его невозможность. Демонология есть закрытость сущего от бытия: мироправление тьмы века сего, архонт века сего. «Век сей» — наша ситуация в закрытости от Бесконечного/Грядущего.

42. Радикальность ангелологии

Современная философия и культура любит жуткое/не-человеческое. Но вот вопрос: почему все образы жуткого/не-человеческого (почти) всегда — демоничны, отвратительны и так далее? Насколько они действительно «не-человечны», коль скоро эксплуатируют чисто человеческие эмоции отвращения/страха и тому подобного?

Фишер в книге «Призраки моей жизни», основанной в том числе на дерридовской хонтологии и неоднократно затрагивающей ангелологическую тематику, отвечает, что все это есть некая идеология: «В постмодернистской культуре подавляется не темная, а светлая сторона. С демонами нам гораздо комфортнее, чем с ангелами. Все демоническое кажется крутым и сексуальным, ангельское же — сентиментальным и стыдным». Следовательно, подлинно радикальным, подрывным был бы ангелологический, а не демонологический ход. Ад, демонизм, боль, страх, отвратительное, мертвое, слизь — все это неким образом идеологические фигуры позднейшего капитализма; и либертариям, следовательно, надо противопоставить всему этому иной образ не-человеческого: ангелов, радость неземную, свет. То, что это кажется нам смешным, нелепым, непристойным, — это-то и говорит о том, что мы нашли, таким образом, слабое место идеологии; и в него-то и надо нам бить.

«Сатанизм», «непристойность» уже давно не несут в себе ничего подрывного, но просто-напросто стали господствующей идеологией. Непристойно ныне целомудрие, радикальна ныне радость, революционен ныне свет. Ангел, а не демон, — фигура современного бунта. То, что врывается в этот мир, чтобы его подорвать, — это ангелы; демоны же этим миром правят.

Жижек писал в «Устройстве разрыва»: «Капитализм — непристойная религия „немертвой“ призрачной жизни, торжествующей на черной мессе фондовых бирж». Лосев в «Диалектике мифа» рассматривает материализм и атеизм как «особого рода мифологию и как некое специальное догматическое богословие». Это богословие материализма и атеизма сводится к «мертвому и слепому вселенскому чудищу». Конечно, лосевскую формулу можно записать в рубрику неуклюжей православной критики атеизма и материализма, а формулу Жижека — понять как очередной выпад очередного левака. Однако ныне это догматическое богословие капитализма, его непристойная религия стала общим местом философии, кино, массовой культуры и так далее.

43. Хонтологическая меланхолия

Фишер говорит о «хонтологической меланхолии»: меланхолии по тому, чего не случилось, — коммунизму, движение к которому было сорвано в 1970-х. Человечество шло к будущему, к воплощению коммунизма, и сбилось с пути, коммунизм так и не был реализован. Наша меланхолия есть меланхолия по несостоявшемуся будущему (а не ностальгия по утраченному прошлому). Исчезла некая виртуальная траектория: у нас украли будущее; отсюда постмодернистская некрофилия: есть лишь гниющие трупы старого — новое более невозможно; сама новизна, способность к ней ушла из мира. Меланхолия по исчезнувшей альтернативе. Паралич воображения, неспособность верить, неспособность желать. Утраченные варианты будущего.

«Капиталистический реализм» (еще один знаменитый фишеровский концепт) есть убежденность, что их никогда и не существовало и не могло существовать: утопия невозможна, будущее возможно только в форме катастрофы — капитализм есть как бы пауза того-же-самого перед катастрофой. Капиталистическому реализму противопоставляется хонтологическая меланхолия. Призраки неслучившихся событий. Память о нереализованных возможностях. Руины так и не построенного города. Любовь к неродившемуся ребенку. Кадры неснятого фильма. Воспоминания о ненаписанном фантастическом романе.

44. Сколько ангелов уместится на кончике иглы?

Все это напоминает «Человека в высоком замке» Дика и другие его вымыслы: мы в ложной версии реальности. «Ложной» в строгом бадьюанском смысле: Истина не случилась. Следовательно — как писал Дик — «фантастическое» внутри лжи есть истина.

Истину возвещают призраки, духи, ангелы. Они везде, но нужны особые глаза, чтобы их увидеть. Если вам не нравится эта мифопоэтическая манера, тогда так: надо развить такую теорию («зрение»), такую оптику, чтобы в гегемонии неолиберализма

видеть неосуществившийся коммунизм, в «постсовременности» — неслучившуюся утопию. Везде видеть их призраки. Все вокруг нас требует такой оптики, такого зрения, таких глаз. Не случайно Деррида пишет своих «Призраков Маркса» (где учреждает хонтологию) именно после краха восточного социализма и западной социал-демократии. Каждая вещь в своей контингентности вызывает к нам: все могло и может быть иначе; мы уже могли бы жить при коммунизме; каждое мгновение, как писал Беньямин, это врата, через которые мог бы войти Мессия.

Традиционно любят потешаться над схоластической задачкой: «Сколько ангелов поместится на кончике иглы»? — а это всего лишь задачка на логику вроде наших «автомобиль выехал из точки а...» (заметьте разницу образов, предлагаемых школярам). Ответ: кончик иглы — точка, нулевое пространство, ангел — непространственная сущность, следовательно на кончике иглы поместится актуальная бесконечность ангелов. Каждая точка-момент реальности обещает, виртуально (для нас) вмещает актуальную бесконечность ангелов; каждая точка-момент реальности есть врата в бесконечность виртуальных возможностей.

45. Опустошенная ангелология

Попытки современного мышления/воображения помыслить/ представить не-и-вне-человеческое («темные онтологии») заканчиваются «слишком человеческим»: слизью, гнилью и прочими классическими образами демонического, то есть представлением истины без-божия и без-образия капитализма. «Ангел» есть образ устремленности в открытость Бесконечного/Грядущего, «демон» — образ закрытости от него. Так, марксист-ангелолог Лосев писал, что вся современная метафизика есть «опустошенная ангелология» (то есть демонология), а все практики буржуазного общества суть буквальный сатанизм. Ход мысли совсем не редкий: равенство «модерн = сатанизм» устанавливали, скажем, Джемаль или Карсавин. Вот что пишет последний:

Греховный, падший космос в метаэмпирическом несовершенном своем бытии, «духи злобы поднебесные», не ангелы, а бесы. Прежде их называли по именам («имя же им легион»); ныне предпочитают называть «законами», «причинами», «силами», «энтелехиями», «субстанциями» ... и, как всегда бывает при общении с бесами, соблазняются. Мир бесов реально разъединен с эмпирическим и реален в меру реальности эмпирии; но он так же разъединен и с ангельским, чрез коего зримо и его совершенство. <...>Мир бесов <...>— греховное несовершенство космоса за пределами эмпирии.

Демоны-законы-причины-силы-энтелехии-субстанции суть тоже призраки (они «метаэмпиричны»), но другого рода, чем ангелы.

Действительно, современная метафизика есть метафизика моносубъекта, замкнутой от Бытия субстанции, Тотальности вне Открытости: то есть натурально метафизика Сатаны. Беньямин писал:

В представлении о бесклассовом обществе Маркс секуляризировал представление о мессианском времени. И правильно сделал. Беда началась тогда, когда социал-демократия возвела это представление в «идеал». Идеал определялся в неокантианском учении как «бесконечное задание». <...>Революционный мыслитель получает подтверждение своеобразного революционного шанса исходя из данной политической ситуации. Но не в меньшей степени подтверждением служит ключевой акт насилия мгновения над определенным, до того запертым покоем прошлого. Проникновение в этот покой строго совпадает с политической акцией, и именно этим проникновением акция, какой бы разрушительной она ни была, дает знать о себе как о мессианской.

«Идеалам» неокантианства Бенъямин противопоставил «ангела истории», ангела мессианской политической ситуации; почти в то же время Лосев противопоставил «идеальным регулятивам» неокантианства бытийно конкретных ангелов, живые/активные ценности-смыслы.

46. Ангелы в гараже

Мы не верим в ангелов. Лиза Симпсон говорила: «Я могу поверить в существование ангелов, но не в их присутствие в нашем гараже». Это точнейшая формула: действительно, «в нашем гараже» ангелы невозможны; наше воображение не способно на такое. Но мы не можем проигнорировать огромные мифологические материалы о блаженных небожителях, в тех или иных формах фигурирующих, как кажется, в любой религиозной традиции.

Кто-то из нас еще «верит в Бога», в философском дискурсе еще более-менее допускаются разговоры об «Абсолюте», «Трансцендентном», но не об ангелах; в ангелов не верит никто, говорить о них — непристойно. Неким образом именно ангелы воплощают саму религиозность религиозного, ее непристойность для современного (буржуазного) субъекта. «Бог» абстрактен и вообще где-то далеко; «ангелы» же есть понятие-образ, схватывающий божественное в мире, здесь и сейчас, «в гараже»: этого наше мирочувствие не допускает, и, таким образом, мы нашли точку невозможности современной (буржуазной) идеологической структуры. В нее мы и бьем, хотя и сами в ангелов (разумеется) не верим. Уж что-что, а совершенства, радости, света, ангелов в нашем мире («гараже») нет: господствует капиталистический реализм.

47. Повсеместность блаженных небожителей

Буддизм, несмотря на свою радикальную деструкцию индийской религиозно-философской традиции, все равно оставляет место блаженным небожителям, богам. Он делает это, утверждая существующую без причины нирвану (то есть, переводя на язык западной мифологии, нетварного Божества). Везде, повсюду, в каждой традиции, несмотря на море различий между ними, человечество учреждало представительство всесовершенного блаженства — мир богов, ангелов, блаженных небожителей. Представим, что мир, реальность имеет неисчислимое множество запо-

роговых нам, виртуальных для нас содержаний; представим, что эти содержания можно выстроить по степени их разомкнутости/открытости к Бесконечному/Грядущему; в таком случае они образуют «небесные иерархии», лестницу вестничеств-представительств Бесконечного/Грядущего в мире («Небесные иерархии» — название ангелологического трактата Дионисия). Или, что то же самое, представим, что мир, реальность суть самовозрастающие устремленности-открытости-разомкнутости к Бесконечному /Грядущему — тогда можно представить, вообразить, что у этих устремленностей есть запредельные нам, идеальные («умные») пределы: ангелы; запредельные нам, то есть для нас «присутствующие» как духи, призраки, образы.

48. Ангелология как центральная хонтологическая дисциплина

Хонтология есть дисциплина, изучающая представительства запороговых/виртуальных содержаний мира — запороговых нашей способности распредметить, обналичить их: мы можем их только представить (повторим: религия есть хонтология, которая вполне осознает это — то есть знает о призрачности призрака, «духовности», неналичности духов). Ангелология есть ее центральный отдел: дисциплина, изучающая представительства истины бытия, мира в целом.

Запороговые содержания являются как призраки, а не «предметы» (и в смысле «вещей», и в смысле «предметов» понятийного схватывания). Демонология же есть хонтологическая дисциплина, изучающая структуры закрытости от бытия, сведения к наличиюимению, овещения, эссенциализации: мироправление тьмы века сего. Есть много разных призраков, и те из них, что представляют всесовершенную всеполноту всего суть ангелы; то есть ангелология управляет всей хонтологией как ее вершина-основание. Мы знаем, что о «природе всего» нельзя сказать чего-то определенного в силу ее принципиальной неопределенности-беспредельности; таким образом, все, что говорится о «природе всего», говорится уже всегда в контексте каких-то представлений о ней, то есть в рамках той или иной ангелологии, то есть согласно классической формуле: всякая теофания есть ангелофания.

Итак, есть много самых различных призраков/духов; религия представляет собой совершенно различные деятельностьн сборки, хотя бы одним элементом которых является какая-то деятельность с каким-либо призраком; в этом единство религии, но в этом же и глубокая различность религий. Ангелология конструируется в рамках последовательно продуманной разомкнутости сущего беспредельному бытию: «ангелы» есть идеальные («умные») пределы этой разомкнутости, а Божество — беспредельность, куда они разомкнуты. Демоническое же есть отрыв, закрытие от бытия. Выходя за пределы наличного, то есть производя отношение к нему как целому и выдвигаясь за него в грядущее/бесконечное, мы постигаем пределы наличного; в ничто мы постигаем сущее в целом и «попадаем за» него, в бытие-ничто, в не-сущее, никакое их сущих. Однако выход за пределы сущего обнаруживает сами эти пределы. Помимо неотмирного, открывается еще и надмирное: ангелы. Странен их статус: не онтология, но хонтология, виртуальное, не реальное. Как же их осмыслить? Классически: «невещественное, бесплотное, умное, духовное» — это и есть виртуальное/призрачное. Предельное и запредельное, надмирное и неотмирное. Все наличное включено в беспредельное через свою намагниченность объектами же-

лений/воображения. Сущие трансцендируют наличное притяжением неналичного желанного: сущее наращивает себя, изобретает новые способы быть в притяжении виртуального/ангельского, притяжении Божественного Эроса. Притягиваясь Эросом, мы вытягиваем себя из наличного, перестраиваем наличное.

49. Порно

«Темные онтологии» тщатся побороть антропоцентризм и вообразить не-и-вне-человеческое: они представляют «мир-безнас», «слизь, грязь, жижу, гной, мглу», лавкрафтианские ужасы и прочее и прочее: таков обычный демонологический набор. Но так ли уж сложно вообразить «мир-без-нас», коль скоро ядерный пожар нашего мира — простая технологическая возможность, коль скоро мы вполне можем нанести биосфере ранения, несовместимые с дальнейшим пребыванием в ней нашего вида? Вообразить все это более чем просто; гораздо сложнее вообразить Утопию, ангельские иерархии.

Воображают то, что хотят, воображают объекты желаний, и любой кошмар (по Фрейду) есть сновидческая реализация желания. Современный (буржуазный) субъект воображает демонов; ангелы суть стыдное/смешное/непристойное; то ли дело — мертвые трупы, слизь, гниль, жижа, мгла, демоны, мучимые, расчлененные, убитые и прочие образы современного коллективного воображения.

«Нельзя себе и представить» — как я как-то услышал про массовые изнасилования в (запрещенном в РФ) ИГИЛ; но ведь представить себе это более чем возможно: океан порнографической продукции посвящен подобным представлениям — бесовскому перекруту эроса и насилия. Нет, чего теперь действительно нельзя представить — так это ангелов.

50. Практики взаимодействия с демоническими образами

Мы квалифицируем как религиозную любую деятельностьную сборку, в которой есть хотя бы один хонтологический элемент. В этом смысле интересно было бы религиозно проанализировать искусство ужасов (популярнейшее как и у простых потребителей, так и в современной философии — не в пример несуществующему, но некогда существовавшему, ангелологическому искусству и дискурсу). Зритель (читатель) вовлечен в некую деятельность (смотрения, чтения), где фигурируют демоны и смежные с ними сущности; конечно, он в них не верит ни в каком из возможных смыслов — но все же вступает в многочисленные практики, где эти фигуры присутствуют: это не религия, но что-то вроде предрелигии, некая активная, интенсивная практика взаимодействия с демоническими образами.

51. Массовая культура ужасов

Некоторые ходы очень характерны. В «Экзорцисте» и «Шести демонах Эмили Роуз» реальность демонов убеждает в реальности Бога. Конструкция с точки зрения классической теологии недопустимая, но крайне знаменательная для современного сознания: демоны есть — бытие Бога возможно — ангелов нет. Это еще в лучшем

случае: в первых сезонах «Сверхъестественного» два брата, сыщики-экзорцисты, неоднократно имея дело с различнейшего рода нечистью, остаются атеистами. Демоны и разного рода другая нечисть существуют, но это не мешает отрицать бытие Божества («ангелы» и «Бог» в конечном счете оказываются существами того же ряда, что и демоны). В «Полуночной мессе» священник встречает ангела: последний оказывается демоном-вампиром. Лавкрафт, важная фигура и для массовой культуры, и для философии, создал целую мифологию, но именно что материалистически-демонологическую. И так далее. Современное воображение, современная мысль способна мыслить не-и-вне-человеческое как демоническое, но ни в коем случае не как ангелическое. Из всех многочисленных миров хонтологии нам известны только адские. Совершенная радость невысказана — вот вызов современной мысли; вызов, который она, слишком занятая мастурбацией на демоническое порно, не заметит.

52. Проблема Санты

В современном религиоведении дискутируется проблема «Санты Клауса»: в чем отличие религиозных и художественных образов? Почему в одни верят, а в другие нет? Не отвечая на этот вопрос, замечу: «Санта» — это специфически секулярный ритуал по отвычке детей от веры, инициация в атеизм. Детям сначала внушают веру в Санту с тем, чтобы непременно ее разрушить, чтобы приучить: все чудесное, невероятное — неправда, всякая вера — сказки для детей: инициация в капиталистический реализм. «Коммунизм, равенство, мир во всем мире» — это чудесно, сказочно, невероятно — как Санта, большие детки в такое не верят. Реальны демоны, но не чудесное добро.

53. Утопии и апокалипсисы

Наше воображение больно, извращено; извращено наше желание. Ведь проблема воображения — это проблема желания, «эроса» (один из центральных англологических концептов). Воображают то, чего желают; желание создает разрыв между данным и тем, что не дано, производит образ желанного объекта, которого нет в наличии — и бросает экзистенцию в грядущее, трансцендирует наличное, меняет реальность. Древние иудейские и христианские апокалипсисы и утопии Нового времени исповедуют одну идею, точнее, одну мечту и одно желание: идеальное общество в финале истории, торжество Блага, конец страдания, несправедливости и зла.

Конец истории, согласно апокалиптической и утопической литературе, есть абсолют блага. Такая мечта не свойственна постхристианскому человечеству: мы утопии не пишем и не читаем, читаем и пишем мы антиутопии. Современный человек — и его можно понять, если помнить ужас XX века и видеть начинающийся ужас XXI века, — не способен верить в блаженный Конец века сего. Но самим Концом он продолжает бредить: все мы смотрим фильмы-катастрофы — современную «постапокалиптику» — словно извращенное порно: боимся, предвидим ужас Конца, но и хотим его, смотрим и смотрим очередной вариант катастрофы, мир после Конца. Наше желание, сила нашего воображения захвачены Спектаклем, одержимы демонами, извращены.

54. Ужас и торжество

Ангелы не менее «ужасны», чем лавкрафтианские монстры, но в ином смысле, чем они и все прочие наши порноужасы: «Седан», «Мукден» — предвестники (ангелы) революции. «Седан», «Мукден» — ангелы Коммуны, Советов. Ночь войны прорвана первыми предвестиями света. Рильке писал:

Каждый ангел ужасен. И все же, горе мне! Все же
Вас я, почти смертоносные птицы души, воспеваю. <...>
Если бы архангел теперь, там, за звездами, грозный,
К нам хотя бы на миг, спускаясь, приблизился, нашим
Собственным сердцебиением убиты мы были бы. Кто вы? <...>
Горные цепи, рассветные гребни творенья,
Пыльца расцветающего божества,
Суставы света, проходы, ступени, престолы,
Вместилища сути, ограды блаженства, стихийные взрывы.

Ангелофания, явление ужаса, разрушающего мир сей, есть вестничество Царства, разрушающего мироправление тьмы века сего. Ангелы Библии — ужасны. То, что здесь, в этом мире воспринимается как катастрофа и ужас, на Небе воспринимается как торжество, как шаг на пути к Царству. Апокалипсис есть книга, осмысляющая историю. Исторические катастрофы суть апокалиптические проблески Конца. История во всем ее ужасе и кажущейся бессмыслице — путь к Царству, его свершение. Поэтому «историческим настроением» христиан должны быть бодрость и надежда при всех катастрофах. Все трагедии истории для христиан суть знаки свершения Царства.

Частый мотив Апокалипсиса таков: что на земле — ужас и кровь, то на Небе — торжество. Что для жителей земного града — плач, то для жителей града небесного — веселие и радость. Здесь Апокалипсис показывает нам истинное соотношение имманентного и трансцендентного: они суть две стороны одного процесса: одна сторона исторически-имманентная, а обратная — апокалиптически-трансцендентная: но это стороны одного и того же процесса, между которыми нет разрыва. Ангелы собираются на «великую вечерю», «чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников». Ангел «сильно, громким голосом говорит: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее». «Семь Ангелов, имеющих семь последних язв, которыми оканчивалась ярость Божия». «Вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела. И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата. И другой Ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом. И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп твой и обрежь гроздь винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды. И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны

ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий». И так далее: это не «милые ангелочки», но ужас разрушения века сего и радостное торжество Царства Божьего.

55. Ангелология как социология

Ю.Аверинцев в «Нашей философии» высказывает кардинально важную мысль: одно дело метод философствования, другое — содержание философствования. Учителя Церкви по методу мысли были «неоплатониками» (диалектиками, как говорил Лосев), поскольку, в силу единства разума и постигаемой им Универсальной Истины, всякая последовательная философия придет в итоге к диалектике. Различие, таким образом, содержится не в методе, а в содержании. А откуда содержание мысли берется? — из общества. Всякая философия на высоте — диалектика; но одно дело прорабатывать содержание азиатского способа производства в Индии и Китае, рабовладельческого — в Греции и Риме; совсем другое дело — прорабатывать содержание первохристианских и монашеских коммунистических общин.

Вот и Ю.Аверинцев говорит: да, Отцы — неоплатоники, но они занимаются чем-то совсем другим, чем неоплатоники-язычники. Что нового приносит христианство? Оно приносит социальный и исторический аспекты. Христианская философия продумывает общественные и исторические проблемы, практические вопросы. Отцы Церкви (в этом их отличие от неоплатоников) — философы-практики, философы-политики.

Неоплатоник Дионисий строит философию идеального общества (чего не делали неоплатоники — это чисто христианская тема). Неоплатоник Августин строит философию истории (чего неоплатоники тоже не делали). Другими словами, у Дионисия дан социальный идеал, а у Августина — диалектика его исторической реализации.

«Небесные иерархии» Дионисия — главный ангелологический трактат христианства (как для Востока, так и для Запада), где неоплатоническая теология становится христианской ангелологией — и социологией, социальной утопией; «утопией» для нас, но не в себе.

56. Экстаз-Эрос

Мы не верим в ангелов, воображение наше больно, желание наше извращено; но имеем же мы что-то ввиду, когда говорим «ангелы», то есть возможна феноменология концепта-образа ангелов; для того, чтобы понять логику мифа, не обязательно в него верить. «Ангелы» есть точка неразличимости тварности и нетварности, божество-в-мире, мир-в-божестве, истина-архе-цель-энтелехия мира как всеблаженное совершенство. Это мир в запредельности всех наших желаний, каким он «должен» быть и каков он есть виртуально.

Вдумаемся в параметры ангелологии Дионисия: свет, огонь, эрос, танец, красота, любовь, экстаз, добро, справедливость, спасение, звезды, из ума состоящие, и так далее. Чтобы правильно понять все это, нужно выбросить из головы «ангелочков» и усвоить аутентичное Дионисиево понимание: ангелы как огненные эросы-экстазы,

пламенеющие влечения. Дионисий напрямик отождествляет сексуальность животных, любовь людей и эротику ангелов. Это то, что богослов Хоружий тематизировал (несколько андроцентрично) как «принцип эрекции»: каждое сущее на своем уровне трансцендирует, растет, рвется «вперед» — экстатирует, эротизирует. Комментатор Дионисия Максим Исповедник пишет, что материя обладает движением, ведущим к рождению в бытие, а исток бытия — Божество. «Влечение умных сил есть неудержимая любовь к Богу», «огненное пламя, не обжигающее, но живительное». Сладко изнемогает наш ум, думая об «умных силах» — наращивает себя, рвется и не может схватить что-то; взрывается вдруг — на миг узревает и отбрасывается в посткоитальную меланхолию: ушло, улетело что-то, будто призрак.

Эрос-экстаз — общий принцип всех сущих: и животной страсти, и умных сил. И это, конечно, смешно; смешно, как смешно все связанное с эротикой (эротическая подкладка метафизики как юмористики). Влечет нас что-то, влечет все быстрее, иступленней — миг — взрыв — срыв. «Песнь песен», этот сборник эротических стихов, как была, так и остается мистическим сердцем Писания; а Дионисий именно что воспевает ангелов: философия/теология предстает здесь песнью. Ведь человек — такое сущее, где сцеплены оба вида экстаза — «животный» и «умный»; поэтому «эрос», «экстаз» — не метафоры здесь. Тиллих писал, что витальность есть творческая стихийность, движение вперед, нарастание; интенциональность же — нацеленность-тяга на/к смыслам-ценностям (ангелы суть живые смыслы-ценности) — не противоположность витальности, а ее продолжение-рост. Человек — самое витальное существо из нам известных, потому что он существо интенциональное. Он выходит за свои пределы, тянется к смыслам-ценностям. Человек есть «живая душа», интенциональность есть развитая витальность: человек есть существо, способное и на экстаз пола (взрыва-создания жизни, не лишенной, конечно, смыслов-ценностей), и на экстаз ангельский (взрыв-создание ценностей-смыслов — ценностей-смыслов жизни, разумеется), интенциональность есть высветленная витальность. Но представим запредельный нам максимальный уровень этой высветленной — огненной — витальности: это и будет ангел. Смыслы-ценности — не только то, что конструируется сознанием, но и то, что это конструирование активирует, то, к чему мы влечемся, что воображаем, фантизируем. Раз мы воображаем ценности-смыслы, они есть, хоть и виртуально; но все бытие осмысленно, ценно, прекрасно, пронизано ценностями-смыслами; ангелы везде.

57. Воображение как метод ангелологии

Сладко изнемогает мысль, тщась схватить несхватываемое, изобразить неизобразимое, увидеть безвидное, — это знает Дионисий. Как же тогда возможна его мысль-песнь? Она возможна с помощью воображения, «священнейших выдумок», «поэтических священоизмышлений». Все библейские описания ангелофаний (а по Дионисию ангелофания есть и теофания) — «выдумка», не более чем образы. Божество и надмирные силы непредставимы — и представления наши о них ни в коем случае не стоит путать с ними самими: они всегда и принципиально не адекватны своим «предметам». Отсюда — дионисиева эстетика неподобных подобий: «формотворчество не имеющих никакой формы умных сил» должно идти по пути

нарочитого, в идеале — полного несходства и инаковости. Богослову нужны такие символы, что невозможно спутать с самим символизируемым. Например, «червь», в отличие от «света», — прекрасный символ Бога. Бог, говорит Дионисий, не есть Бог, не есть свет, не есть добро, не есть истина; Бог есть червь (привет темным онтологиям; «о Боге благочестивее говорить, что Его не существует» — привет и атеистам).

Но и умные силы не имеют образа; следовательно, все наши их образы — выдумки, поэзия. Притом образы эти «нелепы», и весь этот «театр — груб». Священная, тайная, надмирная истина умных сил дана нам в «священных загадках». Какова цель всего этого «таинственного воображения»? Эта цель — священное художество и действие, делающие нас участником танца умных сил. Неподобные эти подобию, этот театр и эти загадки представляют непредставимое. Но зачем? Чтобы нарочитыми неподобностью и странностью воспламенить наш ум идти дальше и дальше; чтобы воспламенить наш эрос, возгреть наше воображение, наше желание: еще и еще... не успокаиваться, не останавливаться, экстазировать-эротизировать дальше и дальше. Возгревание воображения-желания. Не именно ли это нам и нужно сейчас? Не оказываются ли Ареопагитики наиактуальнейшей с политической точки зрения книгой, антидотом против капиталистического реализма?

58. Воспламенение воображения

Неким образом, Дионисий тоже не верит в ангелов — совсем, конечно, иначе, чем мы; он знает и наставляет нас, что не существует никаких «златовидных небесных существ», «сверкающих прекрасных мужей» и так далее. Он прекрасно знает, что их не существует, и зовет нас дальше, дальше воспламенять желание, не останавливаться на этих образах-обманках. Надо представить, что и представить себе нельзя; нужна возгонка желания-воображения, то есть нечто, прямо противоположное принципу минимума контринтуитивных представлений, чтобы как можно дальше выбросить ум/воображение за горизонт наличного, создать проходы для запуска виртуального в наличное. Еще, еще, воспламенять в себе «божественную любовь, неуклонное и неослабное желание сверхсущностной причастности к высочайшему сиянию прекрасного Желанного»; как пишет Максим Исповедник, «вершина любви — пламенное влечение к божественнейшему». «Иерархии» — рецепт против импотенции: импотенции воображения, желания, любви. Это именно то, что нужно нам сейчас первое, настоятельней всего остального.

Верить в равенство, коммунизм, Утопию — это уже смешно и нелепо, так чего бояться? Ангелы еще нелепее, и мы ведем речь о них — о неподобных подобию, изображениях неизобразимого, образах невообразимого, священных выдумках чего? — актуального совершенства мира, Коммунистической Истины. Унамуно считал, что единственная форма современной веры — кихотизм, то есть нелепая, клоунская вера вопреки очевидности.

59. Абсолютные индивидуалии

Ангелы суть как бы аттракторы самоорганизующейся материи, запредельные, надмирные объекты влечений (устремленностей-разомкнутостей, векторов само-

организации) существ нашего мира. Мы «знаем» об ангелах следующее: в ангеле совпадают субъект, вид и род. В этом смысле ангелы не имеют природы (родовой), или же каждый ангел имеет собственную индивидуальную природу (противоречие в терминах, ибо субъект есть различие одинаковых по роду существ, а природа есть общее субъектов одного рода — но в ангелологии это все сливается в одно). Ангел сам себе вид, единственный представитель своего рода, то есть абсолютная индивидуалия. Вместе с тем ангелы образуют «собор», всесовершенную соборность абсолютных индивидуалий, то есть совершенных (как бы «до конца») личностей, у которых есть «ум», есть «влечение», есть «жизнь», но нет «рода»: гармоническая полифония, либертарный коммунизм, который есть и всесовершенное блаженство, бессмертный пламенеющий эрос. Мы не верим в это, но прослеживаем логику фантазии, «священной выдумки». Единство-общность ангелов не есть платоническое единство в логике «родов», «общих понятий», «универсалий» — это единство любви индивидуалий; таков постулат политической ангелологии, у которого есть вполне конкретные социальноэкономические следствия.

60. Политическая ангелология: Василий Великий

Василий Великий, один из самых выдающихся Учителей Церкви пишет: «У Ангелов нет ни ссоры, ни любопрения, ни недоразумения; каждый пользуется собственностью всех, и все вмещают в себе всецелые совершенства. Совершенства их, во всяком пребывая всецелыми, всех делают равно богатыми, производя то, что собственное обладание у них несомненно и бесспорно».

Уж не затем ли это пишет Василий, чтобы произвести обычную религиозную подмену: это, мол, на Небе, а люди — грешны, и поэтому на земле надо подчиняться власти, охранять собственность и так далее? Наоборот: для основанных Василием общин альтернативной жизни ангельский коммунизм вменяется как образец социально-экономической практики:

Возлюбив общение и совокупную жизнь, возвращаются они [монахи-киновиты] к тому, что по самой природе хорошо. Ибо то общение жизни называю совершеннейшим, из которого исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же общее, и души, и расположения, и телесные силы, и что нужно к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, в котором многие составляют одного и каждый не один, но в ряду многих. <...>Что равняется сему житию? Но что и блаженнее оно? Что совершеннее такой близости и такого единения? Что приятнее? <...>Богу угодно было, чтобы мы были такими и вначале, для этой цели и сотворил Он нас. И они—то, изглаждая в себе грех праотца Адама, возобновляют первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества. <...>Они—то соревнуют жизни Ангелов, подобно им во всей строгости соблюдая общительность. <...>Они—то предвосхищают

блага обетованного Царствия, в доброхвальном своем житии и общении представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию. Они—то на самом деле хранят совершенную нестяжательность, не имея у себя ничего своего, но все общее. Они—то ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило нам Спасителево вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеченное естество человеческое по мере сил своих снова приводят в единение и с самим собою и с Богом. Ибо это главное в Спасителевом домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство, подобно тому как наилучший врач целительными врачествами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части.

Итак, мы тут видим строгое выполнение формулы политической ангелологии: ангелы живут при коммунизме (основное ангелологическое понятие), поэтому так должны жить и общины альтернативной жизни (основное политическое понятие как секуляризация основного ангелологического понятия). Коммунизм есть истина бытия, и ангельского мира, и замысла Бога о людях, и практика устроенных Василием общин, и цель исторического процесса. Коммунизм как структурный принцип бытия; ангелы как его призраки-вестники.

61. Политическая ангелология: Иоанн Златоуст

И это не какое-то исключение, а классика восточнохристианского мышления и социальных практик. Другой выдающийся Учитель Церкви Иоанн Златоуст пишет:

И имели все общее. «Все же», говорит; а не так, что один имел, а другой нет. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своим. Отсюда исторгнут был корень зол (сребролюбие), и своими делами они показали, что слышали (слово проповеди). <...> Не было холодного слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезе. Никто не думал, что есть свое; никто (не думал), что ест чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужим того, что принадлежало братьям, — так как то было Господне; не считали и своим, но — принадлежащим братьям. <...> Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на небе; все в соединении: ангелы составили один лик с людьми, люди соединились с ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, дьявол посрамлен, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, ангелы непрестанно сходят на землю, и великая явилась надежда на будущее. <...> Почему же ныне не все веруют? Потому, что дела наши не хороши, и причиною этому мы сами; обращаю слово к нам самим. И тогда обращались к вере не одними только знаменами, но многие из обращающихся

привлекаемы были и жизнью (верующих). «Так», говорится, «да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). Тогда у всех «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее, и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:32, 35), и жили они жизнью ангельской. Если бы то же было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и без знамений. <...> [Монахи] избрали образ жизни достойный неба и пребывают в нем не хуже ангелов. Как между ангелами нет никакого нестроения, нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, радостью и славою; так и здесь. <...> это — твое, а это — мое, — такое разделение, извращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, все у них общее — и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда и самая душа у всех одна и та же? <...> Так и у нас — как пошли бы дела, если бы все мы стали подражать им? <...> Но изобразим теперь это словом: пусть все продадут все, что имеют, и принесут на средину, — только словом говорю; никто не смущайся — ни богатый, ни бедный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю, — с точностью сказать нельзя, — что если бы все мужчины и все женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имения, и жилища (не говорю о рабах — их тогда не было, быть может, отпускали их на волю), то, вероятно, собралось бы тысяча тысяч литров золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, в самом деле, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Сколько, думаете вы, в нем христиан? Думаете ли, что сто тысяч, а прочие язычники и иудеи? Сколько же тысяч золота было бы собрано? А как велико число бедных? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысяч. И чтобы кормить их каждый день, много ли было бы нужно? При общем содержании и за общим столом, конечно, не потребовалось бы больших издержек. Что же, скажут, мы будем делать, когда истратим свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состояния? Не в тысячи ли раз больше была бы благодать Божия? Не изливалась ли бы благодать Божия обильно? И что же? Не сделали бы мы землю небом? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось с такою славою, и никто из них не жаловался на бедность, — то не тем ли более в таком множестве? Даже и из внешних (нехристиан) кто не сделал бы приношения? А чтобы видеть, что разделение сопряжено с убытками и производит бедность, представим себе дом, в котором десять человек детей, жена и муж: она, положим, прядет пряжу, а он получает доходы отвне. Скажи же мне, когда больше издержат они, вместе ли питаюсь и живя в одном доме, или разделившись? Очевидно, что разделившись; если десятеро детей захотят разделиться, то понадобится десять домов, десять трапез, десять слуг и постольку же прочих принадлежностей. И там, где много рабов, не для того ли все они имеют общий стол, чтобы меньше было издержек? Разделение всегда производит убыток, а единомыслие и согласие — прибыль. Так живут теперь в монастырях, как (жили) некогда

верные. И умер ли кто с голода? Напротив, кто не был удовлетворен с большим изобилием? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься в неизмеримое и беспредельное море. Но, если бы мы сделали опыт, тогда отважились бы на это дело. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было верных, кроме лишь трех и пяти тысяч, когда все по вселенной были врагами (веры), когда ни откуда не ожидали утешения, они столь смело приступили к этому делу, то не тем ли более это возможно теперь, когда, по благодати Божией, везде по вселенной (находятся) верные? И остался ли бы тогда кто язычником? Я, по крайней мере, думаю, никто: таким образом, мы всех склонили бы и привлекли бы к себе. Впрочем, если пойдем этим путем, то, уповаю на Бога, будет и это. Только послушайте меня, и устроим дела таким порядком; и если Бог продлит жизнь, то, я уверен, мы скоро будем вести такой образ жизни.

То есть коммунизм есть реальность у ангелов, был реальностью у первохристиан, есть реальность у монахов и может и должен быть реальностью у нас, здесь-и-сейчас, в столице Империи; не удивительно, что власти Империи репрессировали Златоуста, того, кто хотел перенести социально-экономические практики Пустыни — ангельские практики — в центр Империи.

62. Насилие демонов

Такие вещи у Отцов Церкви можно цитировать бесконечно; но давайте позволим себе только еще посмотреть на взаимоотношения ангелов — людей — бесов, как они рисуются автору Жития Нифонта. Первое, что бросается в глаза: темы насилия, власти и тела. Мир сей и ад описывается как система насилия, крайне сгущенной телесности, переживающей жестокость и унижение. Страшный в своей «обыденности» эпизод: «Блаженный Нифонт увидел, как бесы влекли душу в ад. Это была душа одного раба, которого господин изнурял голодом и бил; он не стерпел такого мучения, и, по наущению беса, взял веревку и удавился». Бесы тащат грешников, зацепив их сердца веревкой, — а те даже не понимают. Бесы борются с Нифонтом, бросая его в колодец, колотя его, пугая и прочее. Нифонт в юности ссорится и дерется — бесы понукают людей к ссоре: «Госпожа, с которой жил Нифонт, наставляя его, ссорилась с ним, бранила и била его». Сам ад построен как жестокая система подчинения и насилия: бесам «нет пользы» от гибели души, но их «князья, узнав, что они не борются с людьми, жестоко бьют их».

Таким видится мир глазам святого Нифонта. Дойдя «до дна», он вырвался благодаря своему другу, который «не узнал его» из-за «страшного лица» (такие страшные и угрюмые лица видит Нифонт и у бесов). Он начинает покаяние и переживает величайшее из множества его испытаний — сомнение в бытии Божества. Дьявол говорит ему: «Ты заблуждаешься, Нифонт, Бога нет, ибо где Он?»; «Что ты говоришь: есть ли Христос? Нет Христа: я один всем владею и царствую над всем, кто тебе сказал, что есть Бог или Христос?»

Покаяние есть освобождение, путь из мира власти и насилия в мир свободы и кротости (первая заповедь: «вывел из дома рабства»). Нифонт понимает, что свободен

от агрессии бесов, помолившись Богородице. Бесы укоряют своего князя: «Смотри, как имя Иисусово прославляется теми, которых мы когда-то держали в своей власти, — где же наша сила? Ее одолели, и царство наше разрушилось». В русле сомнений Нифонта о Боге и вере Житие дает такой эпизод. Нифонт спрашивает ангела:

— Отчего же ты не накажешь его [грешного человека, хранить которого «приставлен» ангел], чтобы он отстал от греха?

— Я не имею возможности, — отвечал ангел, — приблизиться к нему, так как с тех пор, как он начал грешить, он раб бесов, и я не имею над ним власти: ибо Бог сотворил человека со свободной волей и показал ему узкий путь и широкий, чтобы он ходил, по какому хочет.

Итак, ангел не может наказывать, наказание не ведет к Богу, человек свободен. Свободой же — своей и Бога — он и спасается: «нет греха, превышающего человеколюбие Божие». Мрачное лицо Нифонта-грешника сменяется «светлым как солнце» лицом Нифонта-святого.

У него всегда было веселое и светлое лицо, так что некоторые недоумевали и говорили:

— Что это значит, столько лет он ходил угрюмый, а теперь радуется и весел?

У святого же явилось мужество против бесов, насмехаясь над ними, он говорил:

— Где те, кто утверждали, что нет Бога?

Две цепочки: бесы-насилие-мрачность-угрюмство-неверие (депрессия, меланхолия) и ангелы-свобода-кротость-вера-светвеселие-радость-насмешка.

63. Фашизм

Шеллер, Лосский, многие другие еще совсем исторически не так давно могли себе позволить сказать то, чего мы сказать уже не смеем, ибо стыдимся: только счастливый совершает добрые поступки. Счастье есть корень и источник добродетели. Счастье и добродетель суть два аспекта одного и того же состояния добра. Блаженство есть субъективное переживание объективной ценности добра. Доброе бытие есть счастливое бытие и наоборот. Но мы-то несчастны («эпидемия психических расстройств, уровень тревожности») и, следовательно, не добры.

Адорно исследовал «возвышенный» язык — язык, избличающий «бездуховность современного мира». На деле этот язык, пишет Адорно, есть ярчайшее проявление как раз этой «бездуховности». Обесмысленная, обезбоженная современность принимает «возвышенные» позы, применяет «возвышенные» жесты в ничтожестве своей собственной жизни. Почему? Тут уже не верят в Бога, тут уже «возвышенное» не к Нему относят; на деле тут уже ни во что не верят. Тут «возвышают» свое безбожное, бессмысленное ничтожество. Тут «возвышенно» ведут речь о мирских вещах: о нации, о государстве, об армии; о самих себе — в противопоставлении

неким «бездуховным» другим. Топливом такой «возвышенности» и «подлинности» — в отсутствие подлинно Высокого — служит смерть, brutальное («возвышенное») прерывание жизни — война; «бездуховности» современности противопоставляют почитание власти, мирскому авторитету — фашизм. Эффект трансцендентного — в его отсутствие — достигается презрением к другим, их убийством — и готовностью убивать и умирать во имя «возвышенного» государства, нации и тому подобного.

Короче говоря, «мы» (немцы, русские...) такие «духовные», боремся во имя таких «возвышенных» вещей против таких низменных, таких бездуховных — евреев, коммунистов, украинцев, либералов, геев, Запада и так далее. Смерть, убийство, война, обожествление голой силы — вот, собственно, суть «языка возвышенного»: пустословие ни во что не верящего, потерянного ничтожества, компенсирующего бессмысленность своей жизни подчинением, самопревозношением, убийством, войной. «Спокойное мужество, вера в Родину» и тому подобное оказывается вот чем: «Евреев, недостаточно основательно обработанных газом, живыми бросали в огонь». Адорно пишет:

Извлечь волевым усилием какой-либо смысл из позднебуржуазного бытия невозможно. Поэтому смысл брошен в смерть. <...>Сакральное в жаргоне подлинности не относится к христианству, даже там, где он, в силу временной нехватки других подручных авторитетов, вынужден довольствоваться последним. <...>Фашизм нашел приют в языке, в котором тлеющее несчастье предстает как благо. Трансценденция жаргона подлинности — эрзац утраченной трансценденции.

Фашизм есть эманация несчастья-безбожности. Точнее, блаженство есть то бытие, чьими аспектами служат счастье, радость, добро, милосердие. Счастье есть субъективное переживание блаженства; добро есть объективная ценность блаженства. Счастье-добро-блаженство есть та (ангельская) высота, к которой может и способен допрыгнуть человек, но на которой он не способен удержаться — если только фундаментально не изменится. Счастье есть подрыв мира депрессии.

64. Извращенные и жертвенные тела

Бадью в «Истинной жизни» пишет: капитализм разрушил символический порядок досовременных цивилизаций, но создать свой символический порядок он не способен, ибо там, где все символические связи разрушаются, новые созданы быть не могут. Нет больше инициаций. Традиционные культуры производили мужчин из мальчиков посредством инициатических ритуалов, последним из которых была всеобщая воинская повинность. С ее отменой инициаций больше нет: мальчики не превращаются в мужчин.

В такой ситуации у мужчин-не-прошедших-инициацию, то есть вечных мальчиков, есть две стратегии. Стратегия «извращенного тела»: подростки, не способные стать взрослыми, наносят своему телу вред (татуировки, алкоголь, наркотики, беспорядочный секс, ритуалоподобные вечеринки), желая повторить инициацию. Но инициации не будет: мальчики не становятся взрослыми. В рамках псевдоинициации-

без-инициации их сексуальность не становится взрослой — их сексуальность «порнографическая», то есть обезличенная. Групповое изнасилование и принудительное воздержание — полюса такой «сексуальности без идей» (насильники и инцелы). Современный юноша завис между изнасилованием и мастурбацией.

Вторая стратегия — «жертвенное тело», фундаменталистский вариант несбыточного возвращения к ликвидированному Закону. Его крайний случай — террорист («фашизм» по Адорно; заметим, «извращенное тело» — зеркальный близнец, а не альтернатива «жертвенному телу»; это две псевдоальтернативы, ждущие своего совокупного преодоления в чем-то третьем). «Жертвенное тело» — случай фашиста, исламиста: инцел, в (само)убийстве мнящий стать мужчиной-убийцей.

Как выйти из этих двух самоубийственных стратегий? «Только любовь как опыт познания живой мысли Бога может оградить сына от порнографического одиночества извращенного тела» — неожиданно теологически формулирует атеист Бадью исход для первой стратегии. Для второй: «жертвенное тело» спасется в реальной политике, заменяющей смерть реальной целью свержения капитализма и осознанным дисциплинированным служением Коммунистической Идее. Религия — спасение для «извращенных тел»; революция — спасение для «жертвенных тел».

65. Конец армии?

Армия — институт инициации, где сыновья становились взрослыми, где их агрессивность социализировалась, не расплескиваясь в деструктивных стратегиях извращенного и жертвенного тел. Отмена воинского призыва есть знак полномасштабного кризиса государства и капитализма, не способного инициировать сыновей. Никто не готов умирать за все это; возможно, тут виден знак пророчествуемого Марксом конца государства и вхождения в свободно объединенное человечество равенства; современные мобилизации — экспериментальная проверка этой гипотезы.

66. Торжество тьмы

Неверно говорить, что времена тьмы, безумия, крови, насилия, войны, бесоодержимости — «испытание для веры». Нет; мы знаем, что мир во зле лежит; мы знаем, что «бог века сего» — сатана, а не Бог Неотмирный; мы знаем, что век сей есть век тьмы, безумия, крови, насилия, войны, демонов; мы знаем, что совершенный образ Неотмирного Божества — Иисус, униженный и убитый; мы знаем, что Бог света, разума, жизни, кротости, мира, ангелов, в веке сем унижен и распят. Мы верим, что Он воскрес; верим, что тьма, безумие, кровь, насилие, война, демоны уже побеждены во Христе — и будут побеждены во всем творении.

Поэтому торжество тьмы — не испытание для веры; но вера есть то единственное, что удерживает свет в торжестве тьмы, тем показывая, доказывая, являя, что торжество ее не полно, свет не погас и не погаснет никогда. Не испытывается вера во времена безумия, но остается единственным средством спасения: спасения чистоты сердца и трезвости разума. Наша вера есть вера в Униженного, Распятого, в ад Сошедшего; Победившего смерть и ад. Торжество тьмы для христиан — не «испытание», но то, с чего они свою веру начинают; христиане знают, что мир сей и есть

торжество тьмы; но знают они и то, что это есть не первая и не последняя истина. Не испытывается вера торжеством тьмы, но остается единственным спасением во тьме: мы верим, мы знаем, что тьме не победить. Мы знаем, что свет, разум, жизнь, кротость, мир победят. Наша вера есть вера в Распятого, вера в Убитого, вера перед Крестом — то есть именно вера ввиду кажущегося полного торжества тьмы. Пусть торжествуют сильные мира сего; пусть толпы одерживаются бесами ненависти и гордыни; пусть ярится мир; пусть льется кровь и взрывается вражда; мы знаем, что уже победил Униженный и Убитый; мы знаем, что первая/последняя истина — в свете, разуме, жизни, кротости, мире, в ангельском эросе-экстазе. Мы знаем, что кроткие наследуют землю; знаем, что миротворцы нарекутся сынами Божиими. Мы знаем, что Правда не в дворцах прокураторов и первосвященников, но на Кресте; не в легионерах и фарисеях, но в мирноносцах, идущих помазать труп Иисуса, и обнаруживающих, что гроб пуст. Одна из самых удивительных вещей в русской религиозной философии в том, что, развиваясь в эпоху мировых войн, тоталитаризмов, кошмара, страданий, ужаса, — она могла мыслить об ангелах, о Царстве Божьем, о вечном блаженстве, не забывая, удерживая в мышлении и войны, и тоталитаризмы, и ужас, и страдания, и кошмар. Один из ее представителей — Николай Лосский.

67. Две формы ангелологии

Как кажется, есть два способа мыслить понятие ангелов: условно платонический и условно оригеновский. Платонический: ангелы суть тварно ипостасированные нетварные энергии, тварно ипостасированные мысли-действия Божества; ангелы как эйдосыпарадигмы-боги мира. Оригеновский: весь мир есть совокупность тварных личностей; те из них, что изначально, «от века» выбрали быть во всесовершенном общении с Богом, суть ангелы, которые как таковые суть образцы-цели для всех прочих тварных личностей. Поскольку мы не верим в ангелов, нам нет нужды «решать», что из этого истина, тем более, что оба варианта — так или иначе суть попытки концептуализации основной ангелологической интуиции всесовершенного мира, обоженного творения, божества-в-мире, мира-в-божестве. (Пост)марксист, социолог, экономист Булгаков в своей чудной книге об ангелах «Лестница Иаковля», упоминая об «общей недовыясненности догмата об ангелах и догматической скудости ведения о них», развивал первую концептуализацию:

Из отсутствия собственной природы у ангельского чина вытекает важное последствие относительно индивидуальности ангелов. Ангелы имеют свою природу не в себе, но в Боге. Индивидуальности ангелов в своих тварных взаимоотношениях, как ипостасированные лучи Славы, пребывают в единении между собою. Это единение, не будучи природным, может быть только ипостасным, т.е. соборностью, полным согласием во взаимной любви ангельских ипостасей. Оно так и именуется Церковью: ангельский собор. Ангелы не имеют своей собственной природы, их жизнь есть причастность природе самого Божества, они суть тварные боги. Божеское естество принадлежит Св. Троице, трем Божественным Ипостасям, каждой в раздельности и всем в Троиединстве. Но, сверх этого, божеское

естество является источником жизни для тварных ипостасей ангельских, по благодатному приобщению их жизни к этому естеству. Все исполнено богов, т.е. личных явлений божественной силы — ангелов Божиих.

Ангельские небеса как всеединство виртуальных возможностей для свободно реализующих их сущих: тварно ипостасированные замыслы Божества о мире («умы») и тварно ипостасированные действия усовершенствования всего («силы»): ангелы как «умные силы». «Все исполнено богов, личных явлений божественной силы» — это, конечно, общая интуиция всего человечества и формула хонтологии.

68. Бог, Царство Божье, Материя

Лосский, логик, феноменолог, апологет «хозяйственной демократии» (демократического социализма), развивал вторую концептуализацию. Из непосредственного опыта мы знаем, что материя способна на личность, свободу, разум, красоту, добро и тому подобное просто потому, что мы непосредственно видим, что эти вещи материально есть. Материя такова, что способна на них, то есть виртуально всегда уже их содержит; можно представить их максимальное, предельное развитие: Абсолютную Личность, Абсолютную Свободу, Абсолютный Разум, Абсолютную Красоту, Абсолютное Добро и так далее — так мы получаем понятие Царства Божьего, виртуально всегда материи присущего. Но, как было уже сказано, всякое достаточно последовательное мышление приходит к утверждению надкатегориальной бездны, к Бесконечному/Трядущему Бытию. Оно непредставимо, не схватываемо — речь о нем может быть только апофатической. Однако все есть по причастию к Нему; то есть, делая о Нем отрицательные суждения, мы можем их совместить с высказыванием по аналогии: Бытие есть Не-и-сверхЛичность, Не-и-сверхСвобода, Не-и-СверхКрасота и так далее.

69. Плоская онтология

Элементарный феноменологический анализ показывает, что есть «мое» и «данное мне»: кроме своего бытия, я сознаю и «другое» бытие; кроме своей активности, еще и другие активности. Атом притягивает/отталкивает, звезда сияет, дерево растет, я пишу текст; реальность есть совокупность активностей разного рода. Тот же феноменологический опыт показывает, что «мое», мои состояния, мои активности, мои поступки, инициированные мной события образуют комплекс окачественных, временно-пространственных проявлений «меня». Небольшой логический шаг, и мы получаем понятие сверхкачественного, сверхпространственного, сверхвременного актора, способного на те или иные качественности в пространстве-времени, то есть «меня». Я был «там», а сейчас я «здесь», следовательно, я сверхпространственен; я был «вчера» и есть «сегодня», следовательно, я сверхвременен; я был одним и стал другим, следовательно, я сверхкачественен. Но ведь опыт открывает не только «мою» активность, но и какие-то другие активности, то есть окачественные, временно-пространственные обнаружения других сверхкачественных, сверхпространственных, сверхвременных акторов, субъектов чистой мощи-свободы.

Реальность есть совокупность акторов и их обнаружений. Лосский, таким образом, своей феноменологией построил плоскую онтологию: действительно, мы наблюдаем такие разные активности, как активности элементарных частиц, минералов, звезд, растений, животных, людей, биогеоценозов, различнейших сборок активностей, но притом каждый раз онтологически эти активности равны: каждый раз это суть обнаружения того или иного актора. Сборка «биогеоценоз», сборка «человек», сборка «атом» есть активность какого-то актора, собирающего в себе активности других акторов, но все акторы суть сверхкачественные, сверхпространственные, сверхвременные акторы, онтологически равные, способные на реализацию любого типа существования.

70. Лес

Лосский любил примеры биогеоценозов: болото или лес. Тут следует мыслить сразу множество разноприродных реалий: деревья, животные, ручьи, почва и так далее — и чем «дальше», тем «множественней» это множество. Не «деревья» вообще, но деревья разных пород, и каждое конкретное вот-это дерево, и дальше — листья, ствол, корни, молекулы, атомы, субатомные частицы. Вложенные друг в друга множества множеств, переплетенные единства. Но вместе с тем лес есть нечто единое, где деревья, звери, ручьи и так далее суть элементы этого единства, немыслимые вне его. И в то же время лес также вложен, взаимопереплетен с окружающей средой: деревья пьют солнечный свет, создают кислород атмосферы, пропускают сквозь себя потоки гидросферы, вложены в биосферу и так далее. В конце концов, каждая точка леса вплетена во все точки мирового пространства, как каждый момент бытия леса вплетен во все моменты мирового времени. И одновременно все это, каждая из этих реалий несводима друг к другу, тут нет первичного и вторичного: лес есть лес, дерево есть дерево, еж есть еж, ручей есть ручей, атом есть атом, точка-момент — вот эта и вот та есть именно вот эта и никакая другая, вот та и никакая другая. Бытийствующая в данном множестве точек-моментов элементарная частица есть именно она, не сводимая на ее точки-моменты. Но и дерево, ручей, еж, сложенные из своих элементарных частиц суть именно вот это дерево, этот ручей, этот еж — несводимые ни на свои частицы, ни на друг друга — ни на что вообще — они суть именно они, вот так — деревейно, ручейно, ежно — бытийствующих. То есть сила и своеобразие, несводимость, особость бытия равна у точки-момента, у частицы, у дерева, у ручья, у ежа — у леса, у биосферы Земли, нашей галактики, мира. Во всех элементах, измерениях, на всех уровнях, векторах бытия бытийствуют равные по силе бытия, но разные по типу, уровню, измерению, масштабу бытийствующие, притом еще и вложенные друг в друга, переплетенные, взаимопереходящие друг в друга акторы. И все мы, все сущие, известные и неизвестные нам, вплетены в мир, один из уровней которого — ангельский, актуальная бесконечность умных сил.

71. Клинаменическая онтология

«Причиной» (в собственном смысле слова) любого события является свободное, творческое действие актора, все же остальное (другие акторы и продукты их дей-

ствий) — лишь поводы, условия, материалы для породившего событие действия-причины. «Природа», «сущность», «характер» актора есть продукт его собственных свободно-творческих действий, то есть не более чем относительно устойчивая система поведенческих паттернов актора, который, будучи сверхкачественной мощью, всегда в силах ее изменить вплоть до деструкции данной системы паттернов с заменой ее на радикально другую. В частности, Лосский, не просто предвосхищая экзистенциалистов, но превосходя их, прямо пишет, что в каждом акторе существование предшествует сущности: у него уже нет того оставшегося у экзистенциалистов от модерна противопоставления «субъекта» («свободы», «бытия-для-себя» и тому подобного) и «мира» («необходимости», «бытия-в-себе» и так далее). Таким же образом любые наблюдаемые в реальности регулярности, повторяемости, цикличности и прочее суть не «законы» (природы или общества), а опять же — относительно устойчивые системы поведенческих паттернов акторов, устойчивые «привычки», «обычаи» их взаимодействий, всегда могущие измениться (иными словами, «законы природы», не говоря уже о «законах общества», носят «статистически-вероятностный» характер, допускающий в любой точке-моменте реальности индетерминированные флуктуации, мутации, бифуркации, спонтанные, непредзаданные вспышки новизны, клинамены и так далее: реальность радикально контингентна). Лосский прямо пишет, предугадывая синергетику, о статистическивероятностном характере «законов природы» и о наращении новизны в мире вследствие случайных комбинаций его элементов. Ему свойственна радикальная метафизика персонализма и свободы: реальность есть продукт взаимодействий разных «свобод».

72. Морок детерминизма

Из того факта, что материальные реалии образуют сцепления, сопряжения, констелляции, связанные комплексы, взаимообуславливают друг друга, а тем самым и приобретают те или иные закономерности, какие-то ритмы, повторяемости, вовсе не следует, что материальная реальность насквозь прошита каузальными цепочками: это ничем не обоснованный метафизический домысел. Контингентность материи, ее перманентная способность порождать недетерминированную новизну, самоорганизация материи, ее флуктуации и мутации, то есть «произвол», основные проявления материальной реальности, из которых следует отсутствие необходимости для «законов природы», для детерминизма; а «флуктуация», «мутация» онтологически подразумевает свободу акторов. Взаимодействие и рядоположенность материальных реалий не подразумевает каузальности; их связанность не подразумевает субстанции; ритм, мерность их проявлений не подразумевает закона, необходимости; их самооформленность не означает бытия идеальных форм; их энергии не подразумевают энтелехий: переходя от материальных реалий к метафизическим подразумеваниям, мы переходим от реальности к мороку. Надо понять, что все эти подразумевания подсовывает метафизический разум, что из самой реальности их никак не выведешь.

73. Моноплюрализм

Сложенность акторов в совокупность мира, возможность, само «место» их взаимодействий обеспечивается их «относительным единосущием» — «идеальными формами мира» (законы математики, логики: «отвлеченный Логос»), свойственными каждому актору. Идеальные формы не ограничивают свободу акторов, но, напротив, создают возможность их свободных действий, само «место» (мир) для них: их «до» и «после», их «здесь» и «там». «Мир», «реальность» суть общее всех акторов, «место» их бытия и разворачивания их действий, создаваемых ими событий. «Отвлеченный Логос» есть формальная структура мира, условие совместности и «координации» всех акторов, условие реализации их сил. По общей логике Лосского, однако, у всего должна быть персональная, творческая причина, и таковой причиной для бытия акторов, их относительного единосущия, идеальных форм мира является Сверхмировое Начало — Творец мира, Бог. Причина события мира — Бог. Бог есть актуальная полнота бытия, Абсолют всех ценностей — Свободы, Личности, Любви, Добра, Истины, Красоты. Для внутримировых акторов, таким образом, Бог есть их виртуальная полнота, набор ценностей-норм-ориентиров-идеалов, которые они могут реализовать в мире, но, будучи свободными, могут и не реализовать. Это решающая развилка для метафизической базы социальной философии Лосского. Прежде чем перейти к ней, обратимся к Нанси.

74. Мир как сосуществование

Лосский — русский религиозный философ, и в таком качестве его никто не читает; но разве Нанси не пишет что-то очень похожее? Бытие есть как единичность-множественность (бытие моноплюралистично, соборно, всеедино — по образу Троицы, как сказали бы в русской религиозной философии); смысл как таковой есть всегда «между», то есть в бытии-вместе, смысл по своему существу есть всегда как разделенный между разными субъектами; смысл есть функция от «мы» (тематика соборности сознания); каждый субъект есть отдельное онтологическое начало мира; ничто не бывает одним и самим по себе, но всегда с другими; в основании бытия лежит множественность сущего, а бытие есть не сущность, вещь и тому подобное, а действие и страсть. Сингулярные, не сводимые друг на друга существования, — вот мир. Но что тогда мир? Не субстанция, не бытие, а лишь «со-»: со-бытие, со-существование («относительное единосущие субстанциальных деятелей» по Лосскому) — общее пространство, где возможны сингулярности. Бытие есть общение-общность-сообщество: моноплюрализм; притом бытие-вместе первичней бытия-вот (то есть хайдеггерианского «присутствия»): начинать надо не с присутствия, а с бытия-вместе.

Лосский пишет, что мир есть единство независимых друг от друга и по происхождению акторов, что мир есть их сосуществование; мир есть сосуществование клинаменических индивидов. Спонтанные силы индивидуации — их множества творят все в мире, мир есть «место» их активности. Но раз реальность есть совокупность индивидуальных спонтанностей, то «личность» — вполне законная онтологическая категория в полноте, до конца передающая понятие сингулярной спонтанности. Раз личность в мире возможна, то почему действительно не сказать, что любая сингуляр-

ность, индивидуальная спонтанность (то есть любая точка-момент реальности, коль скоро он «есть» — бытийствует) — потенциальная личность, коль скоро мы знаем, что материя «способна» на актуальную личность (на нас с вами)? Психойдное (одушевленность, анимированность) — категория спонтанного, активного, то есть категория, применимая вообще к любому существу, если только мы в антропоцентрическом безумии не понимаем сущие как мертвые объекты в «опыте» трансцендентального субъекта. Пространство-время же есть комплекс событий-актов, так тело, например, есть событие-поступок психоида, спонтанной силы, ее пространственная активность. Мир есть совокупность сингулярных событий, событие же есть акт клинаменической индивидуалии. Тут возрождается «мифология»: мир как сообщество из-себя спонтанных сил. Реальность в каждой своей точке-моменте есть личность — большей частью в своей виртуальной глубине, потенциальности и всесовершенной актуальности в Бесконечности. Все временно-пространственное есть внешнее обнаружение психойдов, а психойдность есть внутреннее всего временно-пространственного — глубина индетерминированной, беспричинной, спонтанной, свободной активности всех сущих. Мир же есть их сосуществование, сообщество, потенциальный коммунизм, реализованный в Царстве. Нанси, правда, так уже не пишет. В любом случае, представлять, что все есть вещи-объекты, а мир есть их мертвый механизм, — такая же фантазия, как и представлять, что все есть живые силы, а мир есть их сообщество. Фантазия — то и другое, выбор же между ними говорит, скорее, о нашем воображении, о том, что мы отражаем в наших представлениях. В конце концов, я попытаюсь наметить несколько ходов, как можно было бы мыслить свободу, непредешенность, индивидуализм, и притом мыслить полноту совершенства. Вопрос, на который не будет ответа: в чем истина бытия? Если она в свободе, любви, братстве, равенстве, то ангелология истинна, тогда коммунизм, существуя для нас, виртуально/призрачно существует и в себе: актуально — как истина бытия, история же есть доращивание до него. Мы должны — будучи верными Коммунистическому Обещанию — перестать мыслить вещи как объекты, познаваемые/эксплуатируемые человеческим субъектом: мир есть междусубъектность. Но тогда материя есть не мертвое детерминированное вещество-вещность, а бесконечность творческих источников новизны.

75. Диалектика отчуждения

Актеры, которые свободно разомкнулись к бытию других акторов и Бога («возлюбили ближних и Бога»), образуют «Царство Божье» («конкретное единосущее», характеризующееся в том числе через «конкретный Логос»), такой тип реальности, где каждый актер усиливает, обогащает бытие каждого другого актора. Это царство свободной, творческой соборности, где все и каждый свободны и нет «моего и твоего», где каждый актер есть незаменимая ценность, где все общее: говоря социально-политически, это либертарный коммунизм. Это царство, ответно образуемое ангелами и исторически прирастающее святыми. Актеры же, которые от бытия других акторов и Бога замкнулись (совершили «грех себялюбия»), образуют психоматериальное царство, наблюдаемую нами вселенную («мир сей», «век сей»): актер, который бросает свои силы на самоутверждение и противодействие другим

(или, что то же самое, на их подчинение, их эксплуатацию в своих интересах, борьбу, вражду с ними), тем самым отчуждается от бытия других акторов и Бога. Уже этим он фатально ослабляет, обедняет свое бытие. Но важнее «социологический» смысл этой метафизики: такие «себялюбивые акторы» создают царство («общество») вражды и отчуждения — все их силы (возможности, действия...) уходят на самоутверждение против других, и таким образом они блокируют друг друга, создают систему противодействующих друг другу сил, в которой уже не акторы, а эта система начинает определять их поведение.

В Царстве Божьем индивидуальность и силы актора бесконечно усилены силами всех прочих акторов и Бога: торжество индивидуализма — в свободной общности, где нет никакого однообразия, однородности, законов, правил; и, напротив, в психоматериальном царстве себялюбие акторов обособляет их от прочих акторов и Бога; все силы уходят на самоутверждение, то есть на 1) отталкивание от других, 2) притяжение-подчинение других. Крах индивидуализма происходит именно в самоутверждении, которое приводит к однообразию, однородности, подчинению законам и правилам. Взаимная рознь акторов стихийно создает вероятностно-статистические закономерности их поведения, отчуждает их свободу в пользу стихийно сложившейся «конкуренции» акторов. Сумма эгоистических отталкиваний, сумма антагонизмов создает систему власти, подчинения, унификации. Мера эгоизма-обособления актора прямо пропорциональна мере скудости-однообразия его бытия. Короче говоря, Лосский воспроизводит марксистскую диалектику отчуждения в классовых обществах (и в особенности — отчуждения в «атомистических» буржуазных обществах) на уровне метафизики. (Термин «отчуждение» употреблялся самим Лосским. Он находит «отчуждение» и «эксплуатацию» еще на уровне метафизики — до всякого разговора о социологии и даже вообще до введения в свой дискурс таких существ, как «люди». Эту диалектику отчуждения Лосский воспроизводил много раз.)

Классик советского марксизма и восточнохристианский богослов Батищев дает (на основании текстов Маркса) точь-в-точь такую же диалектику отчуждения (самоутверждение-атомизация приводит к рабству и однородности-однообразию) и коммунизма (как торжества индивидуализма и свободы). Батищев дает типологию социальных связей и соответствующую ей типологию философских систем (разомкнуто-органический, замкнуто-органический, разомкнуто-атомистический, замкнуто-атомистический, гармонически-полифонический типы), поразительно похожую на типологию мировоззрений, развитую Лосским (неорганический субстанционализм, органический субстанционализм, неорганический актуализм, органический актуализм, идеал-реализм). Для обоих мыслителей в этих типологиях оказывается принципиальной оппозиция субстанционализм/антисубстанционализм (оба члена оппозиции имеют два подтипа) и ее снятие-превосхождение в гармоническом полифонизме (Батищев), идеал-реализме (Лосский).

Наиболее примитивные «себялюбивые» акторы — элементарные частицы материи, способные только на создание событий притяжения-отталкивания. Они создают «непроницаемые объемы пространства», то есть собственно материю, вещество. Бог сотворил только свободных акторов и условия их свободного творчества; все прочее — продукты этого творчества. В частности, «законы», «роды и виды» и так далее суть

типы существования, выработанные актерами и ошибочно принимаемые за нечто «вечное». Всякое однообразие есть продукт отчуждения, причиненного антагонизмом: каждый актер в своей глубине — абсолютная индивидуальность, которая не может быть вписана ни в какие виды и роды, не подпадающие ни под какие законы. Роды, виды, законы, вообще любые виды обобщений, универсалий, абстракций и тому подобного — лишь продукты ряда однообразных действий актеров, проистекающих, в свою очередь, от цикличностей их взаимных притяжений-отталкиваний.

76. Коммунизм как аттрактор эволюции

Но поскольку в своей глубине каждый актер есть сверхкачественная мощь творческой свободы, всегда имеющая перед собой виртуальную полноту объективных ценностей, открытую к актуализации, то психоматериальное царство способно на «эволюцию», «прогресс» — уход с пути «себялюбия» на путь создания тех или иных общностей. (Батищев писал о том же самом как о «виртуальной глубине» каждого субъекта, укорененной и обеспеченной «беспредельной объективной диалектикой».) Элементарные частицы способны объединяться (и тем усиливать, обогащать друг друга — разотчуждаться) в атомы, молекулы, кристаллы, планеты, растения, животных, биогеоценозы, сознательно-разумных (личностных) существ (людей), объединения таких существ. Иными словами, наблюдаемая нами вселенная есть совокупность социальных общностей разных типов, прогрессирующих к либертарному коммунизму Царства Божьего. Прогрессирующих или непосредственно, или через уничтожение несовершенного типа общности, в силу своего несовершенства распадающегося во взаимной вражде (ибо вражды нет только в Царстве Божьем). (Интересно, что и здесь можно увидеть параллель с марксизмом: де-факто актеры создают общности в целях более эффективных подчинения, эксплуатации других актеров. Такой ценой покупается «прогресс», «эволюция». Освобождение же есть результат диалектического усложнения порабощения, прогрессирования средств подчинения и эксплуатации. На глубине, однако, этот процесс активизируется все же притяжением совершенной полноты Царства Божьего, как и у Маркса диалектика истории в конечном счете «работает» за счет изначальной коммунистичности «родовой сущности человека» — призрака коммунизма, который, как мы видели, являлся еще Василию и Златоусту.) Царство Божье, таким образом, есть актуальное социальное совершенство в себе — и виртуальное совершенство, идеал для психоматериального царства. (Классик советского марксизма Лифшиц в разных своих текстах писал, что марксизм есть истина всех предшествующих утопий, а история есть раскрытие того синхронного, что есть в бесконечном, что есть в абсолютной истине как мироздании в целом.)

77. Телесность

Здесь важно также подчеркнуть, что эта метафизика не «идеалистична»; напротив, это метафизика телесности. Согласно Лосскому, «тело» есть комплекс обнаружений-проявлений актора в пространстве-времени, то есть тело есть, строго говоря, сама реальность актора. Без тела нет актора, а реальность есть совокупность телесностей разных типов, и в том-то и дело, что вещество-вещность есть лишь один (и самый

примитивный) из типов телесности. Из опыта мы знаем, что акторы способны создавать телесности не только по типу вещиности-вещества («мертвой материи», которая есть как бы овещнение первичной тварной телесности), но и по типу живой материи, знающей множество подтипов, по типу разумной материи (люди); такие сложные «тела» как биогеоценозы и так далее. Лосский считал, что возможна и дальнейшая эволюция в сторону «преображенной телесности», где тела, в частности, перестанут создавать события отталкивания от других тел (то есть перестанут быть «материальными», «вещественными»). Такова «преображенная» телесность Царства Божьего. Скажем иначе: известная нам реальность «способна» на три измерения, но ничего не мешает думать, что возможно бесконечномерное пространство (или же что наши органы чувств и интеллект способны обнаружить только три измерения). Мы знаем/«чувствуем»/верим/представляем/воображаем Истину, но она не вмещается в нашу реальность: бесконечномерные ангелы разрушили бы наш скудномерный мир. Нечто похожее имел в виду Батищев, рассуждая о «запороговых виртуальных содержаниях»: мир имеет бесконечное количество содержаний, недоступных для нас в нашем нынешнем состоянии. У Лосского можем встретить и иную тематизацию этой проблемы: одним из следствий отчуждения акторов от Бога и Его Царства (совершенной полноты бытия) является их незнание. Акторы психоматериального царства, исходя из своих потребностей (выживания, борьбы и так далее), осуществляют какую-то «выборку» из бесконечности мира; все же бесконечное богатство мира за пределами этой выборки скрыто от них. Но — в силу присущей им свободы — они способны вырабатывать более развитую аппаратуру такой «выборки» — развивать органы чувств, интеллект. Акторы вырабатывают себе органы зрения, слуха, нервную систему и тому подобное, производя более объемную, глубокую, детальную и так далее выборку, открывая ранее «запороговые» для них содержания мира (выражаясь языком Батищева). Таким образом, «идеал-реализм» Лосского снимает как оппозицию идеализм/материализм, так и оппозицию индивидуализм/коллективизм.

78. Диалектический материализм

Под «материализмом» обычно понимают «механистический материализм». И вот Лосский в работе «Диалектический материализм» показывает, что этот механистический материализм подвергается в сущности одинаковой критике и со стороны идеал-реализма (христианской метафизики), и со стороны диалектического материализма (марксистской философии). Лосский приходит к следующему выводу: диалектический материализм, как и идеал-реализм, есть критика и превосходство как и одностороннего материализма, так и одностороннего идеализма. Диалектический материализм понимает реальность («материю») как активность, спонтанность, творчество, историю, способность к свободе, сознанию, личности. Иными словами, диалектический материализм есть не осознавший себя, не дошедший до собственной полноты идеал-реализм, то есть христианская (!) метафизика:

Не будучи в действительности материалистами, марксисты придают своему мировоззрению вид материализма посредством недоговорок, неясностей, неточностей. Похвально стремление диалектического мате-

риализма освободиться от скудости механистического материализма и вскрыть богатое содержание каждого явления, как это указано, напр., Лениным. У свободных мыслителей диалектический материализм быстро переродился бы в какую-либо сложную систему идеал-реализма [т.е. в христианскую метафизику]. Ленин близок к такому идеал-реализму. Если эволюция, согласно Ленину, имеет творческий характер, если она при этом есть имманентное, содержащее «внутренние импульсы», «спонтанейное» (самопроизвольное) самодвижение, то понятно, что о переходе от одних ступеней бытия к другим можно говорить не только как о факте, но и как о ценности. Высшие ступени мирового бытия качественно глубоко отличны от низших и потому не могут быть поняты, как только все более усложняющиеся агрегаты низших, простейших элементов. Эта мысль особенно подчеркнута в современном Советском диалектическом материализме. Она резко отграничивает его от механистического материализма.

79. Ангелы и материя

Ангелы материальны: это постулат классической ангелологии. Еще Ориген писал: «Первоначально были сотворены разумные существа, материальная же субстанция только в представлении и в мысли отделяется от них и только кажется сотворенною или прежде, или после них; на самом же деле разумные существа никогда не жили и не живут без нее (телесной природы). Материальная субстанция мира сего имеет природу, способную ко всевозможным превращениям. Когда она привлекается к низшим существам, то образует более или менее грубые и плотные тела, и, таким образом, различает собою (все) эти видимые и разнообразные роды (существ) мира. Когда же она служит существам более совершенным и блаженным, то блистает сиянием небесных тел и украшает одеждami духовного тела либо ангелов Божиих, либо сынов воскресения. Из всех этих (тел) будет составлено разнообразное и разнovidное состояние единого мира. Материя тела, теперь тленная, облечется в нетление, когда ею начнет пользоваться душа совершенная и наставленная в догматах нетления».

Материя контингентна, «свободна», «клинаменична»: она есть совокупность чистых свобод, акторов, способных выстроить собою совершенную телесность ангелов, обоженную плоть. Ангелология материалистична, притом материю понимает как контингентность, «диалектически». Так, Фома Аквинат, ангелический учитель, размышляя о невещественной материальности ангелов, понимал ее как чистую материальность, как меон — как чистый сдвиг от ничто к бытию без овещнения-окостенения-огрубления. Индетерминированный материализм есть ангелология, подразумевающая отторжение всякого и любого преформизма: мир есть контингентная материальность, совокупность абсолютных клинаменических индивидуалий, притом именно в ангельском мире мы находим всесовершенный образец этого — виртуальный для нас, актуальный в себе. Но «образец» тут — совсем не платоническая парадигма, раз речь идет о всесовершенной свободе, абсолютном антипреформизме. И все это есть некий вариант темной онтологии и нового материализма: мир есть меон и многообразнейшие конфигурации его агентностей; каждая реалья в себе существует и «самостоятельна»; мир есть полифония всего многообразия сущих,

способных и на гармоническую (ангельскую) полифонию; так мысль возвращается к древней космологии Книги Иова, к этому великому разоблачению антропоцентризма и антропоморфизма. Ангелология — это способ мыслить-представлять совершенство не-и-вне-человеческих содержаний мирового бытия.

80. Самовозникновение мира

Булгакова и Карсавина принято подводить под рубрику восточнохристианских платоников-панентеистов, однако у них мы находим странное, на первый взгляд, для христианской теологии учение о самовозникновении (не просто даже о самодвижении) сущих. Божество, исток/полнота бытия, о котором благочестивее говорить, что Его не существует, творит сущих, существующих по причастию Божеству. Но именно это и означает, что сущие самовозникают. Тут нет противоречия, ибо быть — означает быть свободно, и сущие, существующие, причастуясь Бытию, существуют свободно, причастуясь божественному бытию-свободе, то есть и возникают свободно, самовозникают: мир есть меон, чистая возможность-свобода-мощь-творчество всего. Мир есть совокупность чистых флуктуаций, чистых сдвигов от ничто к бытию, так что то, что двигается, есть сам сдвиг, само движение, а любая чтойность есть продукт сдвига. Творение мира Божеством есть самовозникновение мира. Мир есть флуктуирующее, экстатирующее, эротизирующее ничто, влекомое к бытию, самовозникающее в него.

81. Диалектика бессущностности

Свобода как энтелехия, как предданная заданность: нет ли тут противоречия? Если сущее существует, то оно лишено сущности, ибо сущность есть нечто данное, ставшее, а сущее существует, становится, следовательно у него нет сущности. Однако то, что существует-становится — оно ведь есть, следовательно, у него есть сущность. Сущность есть и не есть. Существование предшествует сущности: однако для нас, существ этого мира, эта формула — заданность, а не данность; «рождаемся» мы в наличные условия с наличными характеристиками, как те или иные сущности. Исторически сущие по мере своего существования-становления преодолевают предданное им и достигают своей «истинной сущности» — бессущностности, неопределимости себя чем-то. Предположим, всем «людям» дана одинаковая «природа» (биологические и прочие характеристики): сущность предшествует существованию. Однако «истинная сущность» «человека» как раз в том состоит, что в конце она сам «себя» выберет, сотворит. «Я» как продукт собственной свободы — финал, эсхатология, но неким образом и старт, археология, коль скоро сущим предзадано в этот финал выйти. Что для исторических существ — Грядущее, то для Бесконечности — актуальное; что для людей — история, мечта, проект, призрак, утопия, то для ангелов — настоящее. «Я-совершенный» (Карсавин) предсуществую сам себе, скажем, как ангел-хранитель (Булгаков). Свобода извечно существует как начало бытия (ангелы), как смысл истории (люди) и ее цель (эсхатон); свобода есть продукт свободы. Тут нет проблемы, коль скоро отпадение сущего в прошлое и устремленность в будущее суть эффекты

несовершенного существования сверхвременных акторов, которые в Грядущем «уже всегда» его преодолели. Марксист Цветков пишет:

После своего первого допроса первокурсник взбирается подышать на крышу. Туда, где черный гудрон. Там подхватывает и, кажется, сейчас унесет, будто ты — большой и легкий кусок пластмассы. Но не страшно, и вот почему: коммунизм будет людьми достигнут, время и пространство перестанут быть для человека проблемой. И с пространством и во времени человек сделает все, что необходимо ему, как наместнику смысла. Это значит: все и все под контролем. Это значит, на этой крыше, зимним вечером на ветру я наблюдаем ими и я нужен им, ведь иначе меня здесь просто бы не было. Мир в каждой секунде и сантиметре есть нечто, необходимое им, тем, кто однажды сверг власть секунды и сантиметра. От этой мысли я улыбаюсь, а на глазах — слезы. Ветер слишком сильно гладит глаза, хватается волосы, поет в ушах. Ветер это они. Крыша, оттепель, мое дыхание и колонии звезд между торопливыми облаками — они. Я — они. Точнее, я с ними. Еще и потому, что я о них знаю. Думаю о них. Ведь это мое знание тоже не случайность. Оно санкционировано ими. И значит, я должен о них помнить и думать. Значит, они доверяют мне. Это все часть их плана по освоению дореволюционного прошлого.

А вот что пишет Карсавин, для которого прошлые-настоящие-будущие события суть окружность, творимая ее центром — всевременным субъектом:

Является ли совершенство высшею реальностью, чем несовершенство, или не является? Если нет, — как несовершенное может стать совершенным? Если да, — в Боге и для Бога уже существуют все возможные человеческие акты. Если же в Боге законченность Его творческого акта не мешает тому, что это — подлинное и совершеннейшее творчество, зачем выдумывать ваши гипотезы для человека? Вы все думаете, будто законченность во всевременности является предопределенностью настоящего будущим, одних моментов временного ряда другими. Вы полагаете, что усовершенствость — какая-то прибавка к несовершенному, такая же несовершенная, как и оно; не допускаете и мысли, что совершенство не создается интегрированием несовершенного, а в известном смысле созидает само несовершенное.

Человеку доступно все возможное, ибо все возможно только в Боге и в Боге все возможно. Что бы человек ни измыслил, он измыслит возможное, т. е. Божье. И деятельность человека вовсе не повторение Божьей. В соделанном Боге «уже» содержится это самое действие, которое человек сейчас только совершает или только совершит. Бог равно содержит в Себе и настоящее, и прошлое, и будущее; и ни о каком «повторении» не может быть и речи.

Для меня ограниченного мое будущее «еще» не существует. Я даже не вправе сказать, что оно «уже» существует во мне-совершенном, так как понятия «еще» и

«уже» обладают смыслом только в ограниченности моего бытия и никоим образом не применимы к отношению меня — несовершенного ко мне—всевременному, Все—временность не только не ограничивает моей свободы — она одна лишь и делает эту свободу возможною.

82. Анархическая онтология

Мир есть самодвижение, самоорганизация материи, виртуально всегда уже имеющей и актуально устремленной к Царству Божьему, соборности абсолютных индивидуалий, безо всех и всяких законов, универсалий, классов, родов, принуждений и так далее. Есть индивидуальные, материальные, изменчивые существа, есть свобода, есть флуктуации, мутации, спонтанность, непредрешенность, непредзаданность, вот-этость реальности: это факт, это просто то, что есть. Действительно, если либертарные движения, либертарные практики вообще возможны — а мы ведь все же знаем что они возможны, коль они просто напросто были и есть, — то бытие должно быть таким, чтобы их позволять. Бытие само должно быть либертарным, анархическим, чтобы позволять либертарные практики, анархию. Как бы там ни было, а бытие есть. Так или иначе, тем или иным образом, в той или иной форме, но то, что есть, — есть. Но раз бытие есть, оно есть само собой самим собой. Ибо иначе оно сводилось бы к чему-то еще, что было бы само собой самим собой. Очевидно что бытие есть, или, что то же самое, — оно есть само собой самим собой, то есть оно свободно, анархично, ниоткуда не выводимо и ни на что не сводимо (иначе то, на что оно было бы сводимо или откуда выводимо, было бы тем первым/последним бытием, о котором мы говорим). Такое бытие библейское послание называет Богом: и действительно, сказать, что бытие есть само собой самим собой, означает сказать, что это бытие личностно, безначально, свободно и всемогуще, то есть божественно: оно есть само собой, то есть оно свободно и безначально, всемогуще; и оно есть самим собой, то есть оно личностно: самоотнесено, то есть, опять-таки, свободно. «Личность» ведь и означает само собой бытийствующее бытие; а если такое бытие бытийствует не только самим собой, но и само собой, то оно и безначально, то есть абсолютно свободно, то есть всемогуще, то есть божественно.

Если у всего сущего есть Начало, то оно само себе — не начало, оно безначально, то есть анархично. Но раз оно анархично, то оно и все сущее анархично: ибо сущее есть в силу бытия, а бытие анархично. Сущее анархично хотя бы потому, что оно есть: есть контингентная реальность материального, а значит «уже всегда» бытие даровало себя сущему, дало способность к существованию. Это самая очевидная вещь на свете — которую мы не то чтобы даже знаем, но просто видим, осязаем; и больше — то, что есть суть нашего собственного существования, ибо по причащению этому бытию, даром этого бытия мы сами существуем, как и любое сущее.

Это самая очевидная вещь на свете, которую, однако, почти никто никогда не проговаривал. Почему же? — потому что эта ясная, как сам свет, истина была затемнена повсеместным опытом принуждения, угнетения, подчинения — или, точнее, носители этого опыта были ослеплены им. Наш повседневный опыт во всем противоречит ясной, как ясен сам свет, истине само собой самим собой бытийствующего бытия — и даже простого существования материальных реалий, игнорируемых в

пользу морока причинности, законов, субстанций и прочего. Ведь материальные вещи своим существованием и несут истину о первом/последнем бытии: оно и есть их существование. Бытие Бога очевидно в той же степени, что и существование материальных реалий. Но как трудящиеся тела эксплуатируются в пользу идеальных отношений власти, собственности и денег, так и материальное как таковое затухает в пользу тех или иных идеальных начал, властей, господств (демонов и их архонта — бога века сего). Стало быть, только прекращение угнетения может служить условием познания истины; стало быть, только анархическое сообщество способно на созерцание истины. Стало быть, теизм, материализм, анархизм совершенно совпадают: но увидеть это возможно только в анархическом сообществе — таком, что отвечает не глубине или высоте, но самой поверхности материальных реалий, им самим, каковы они суть, поверхности, являющей их истину — анархическое бытие, по причастию которому они суть. Поверхность реальности: что мы действительно видим на ней, если не взаимопереплетенные активности онтологически равных друг другу свободных акторов? (Не чистое ли безумие вымышлять иерархию атомов, деревьев, птиц, звезд, ангелов? — раз они все «просто» есть?) Мир, материя как меон, как бесконечность спонтанных флуктуаций, беспричинных клинаменов, энергий — такова всегда и была восточнохристианская онтология, если верить Хоружему.

83. Энергии

Энергия — важнейший теологический (теоретический) и мистико-аскетический (практический) термин восточнохристианского дискурса, обозначающий в самом общем виде действие, проявление, выступание, активность, практику, способность и тому подобное. К чему пришли восточнохристианская теология и аскеза на своем тысячелетнем пути? Они пришли к тому, что превращение человека в онтологически иное себе (обожение) описывается в логике энергий, а не сущностей (это утверждение зафиксировано в паламитской теологии).

Восточнохристианское мышление тем самым существенно энергийно, а не эссенциально. Но классическое западное мышление (от Аристотеля до Канта) было как раз эссенциальным (мышление по типу вещей, объектов, законов, эйдосов, начал, телосов, сущностей, субстанций...), и как раз оно и рухнуло в постмодерную эпоху. Тем самым восточнохристианское мышление оказывается необычайно актуальным, оказывается по своим основным параметрам существенно постмодерным, и тем самым под «преодоление метафизики», «смерть субъекта», всю масштабную критику классического мышления не подпадающим — и более того, выступающим как инструмент такой критики и как альтернатива классическому мышлению.

84. Восточнохристианская деконструкция метафизики

Энергия — аристотелевский термин, и восточнохристианский дискурс (во всяком случае, в реконструкции Хоружего) производит некую деконструкцию аристотелизма. Имеется триада динамис — энергия — эссенция (возможность — действие — действительность). В классической модели второй член подчинен третьему: энергия

есть лишь момент актуализации эссенции, весь процесс изначально запрограммирован эссенцией. Все энергии (действия, активности) суть лишь актуализации предзаданной сущности. Но чисто логически это может быть и не так: и восточно-христианский дискурс пользуется этой возможностью, отсоединяя принцип энергии от принципа эссенции, переподчиняя его принципу динамис. Таким образом, энергия понимается вообще вне всякой эссенции, бессущностно, сама по себе. То есть принцип эссенции отвергается, а утверждается видение реальности как океана первичных динамис, непредзаданно какой-либо эссенцией актуализирующихся в энергиях. Пользуясь классическими терминами, можно было бы сказать: вся реальность есть меон, аутореализующийся в энергиях, вовсе не нуждаясь в формах и логосах, сам из себя; или: не сводимые уже ни на что другое основания реальности — как бы их не представлять — характеризуются клинаменическими свойствами. Динамис, энергия, меон, клинамен — блок философских концептов, отвечающих восточнохристианскому мышлению (мистико-аскетико-догматическому дискурсу); эссенция, энтелехия, телос, логос, эйдос, форма — блок философских терминов, не отвечающих ей.

Восточнохристианский дискурс тем сам создал энергийную онтологию и энергийную антропологию. Здесь есть энергии и их конфигурации, ничем не предопределенные, не предписанные, не запрограммированные. Но этот энергийный дискурс создан исихастами в целях самоописания своего опыта, вырабатываемого по ходу их духовной практики. Человек есть ансамбль аутотрансформирующихся, аутоструктурирующихся энергий (способностей, сил, проявлений, действий — телесных, эмоциональных, интеллектуальных). Человек есть существо, способное складывать свои энергии в какую угодно конфигурацию; совокупность собственных действий, в ходе которых производятся структуры самоотнесения и идентичности; человек есть свободно-сознательно самотворимое сущее — и, согласно восточнохристианскому мышлению, максимум такой свободы реализуется в исихастской духовной практике, имеющей три больших блока.

85. Три блока духовной практики

Первый: «обращение-покаяние», приведение себя (мирской сборки энергий) в сильно неравновесное состояние, аутодеструкция конфигурации своих энергий; второй, срединный: генерация не-мирских, все более сложных форм-сборок своих энергий; в частности, здесь пересекается «экватор» практики, происходит «схождение ума в сердце», воссоединение интеллектуальных и аффективных энергий — созидание «антропологического онтологического двигателя», запускающего субъекта практики на третий блок: достижение «телоса практики» — приведения своих энергий в тип божественного бытия: обожение, становление «богом по благодати», смена фундаментальных онтологических параметров человеческого существования — максимум свободы.

Параметры этого нового существования: «трезвенное опьянение», «восторг», «экстаз», «неизреченное наслаждение», любовь, кротость, безгневие, смирение, эрос, целомудрие и тому подобное, — суть практическая реализация ангелологии.

86. Антропологические тренды

Однако всякая деятельность человека есть задействие себя, то есть в какой-то мере — практика себя, та или иная сборка своих энергий. Таким образом, любой глобальный социальный феномен может и должен быть понят как практики себя тех людей, что в него включены: любой социальный феномен может быть «антропологически расшифрован», понят как антропологический тренд. Понятый как антропотренд социальный феномен затем может и должен быть «антропологически локализован», помещен в номенклатуру «антропологических формаций», то есть, в частности, должно быть понято его отношение к исихазму.

Антропотрендом является и сам исихазм, который был некогда мощным социальным феноменом. Люди радикально порывали с макросоциумом, с его практиками и логиками (блок «обращения-покаяния», акт предельного индивидуализма), чтобы уйти в Пустыню (блок «двигателя», акт предельного коллективизма) для жизни в общинах альтернативной жизни, для «ангельской жизни» (блок телоса практики). Не стоит тут забывать, что, согласно христианству, мир находится во власти «бога века сего», то есть сатаны: мир есть демонократия, исход из него — освобождение, восстание. Исихазм — не только антропологическая, но и социальная радикальная альтернатива.

87. Война как антропологический тренд

Война — мощный социальный феномен, так или иначе затрагивающий всех членов общества. Военнослужащие вовлечены в такие своеобразные практики, как отдача и выполнение приказов (практики власти, регламентации), убийства себе подобных и тому подобное: ясно, что тут выстраивается сборка антропоэнергий, далекая от исихастской. Тыл замкнут на войну по-разному — в частности, через потребление пропаганды/идеологии. АМ-дискурс — образцовый пример: Украинец как Враг (тема, разобранный Хоружим за несколько лет до СВО): Украинец как клоун-наркоман-гей-нацист-вырусь-сатанист... Украинец как максимально отвратительное существо. Но практика Вражды, показывает и доказывает Хоружий, есть прежде всего некая «духовная» практика себя. Действительно, ведь «Враг» дан субъекту практики Вражды как «образ Врага» — то есть как некая ментальная конструкция, с которой субъект работает «внутри» себя. И, следовательно, мощная закачка энергий вражды, злобы, гнева, агрессии в образ Врага есть культивирование в себе этих энергий. Формула проста: расчеловечивание образа Врага есть расчеловечивание самого себя.

Исихазм есть практика «онтологического размыкания»; но есть и практики «онтического размыкания», где субъект размыкается не на онтологически Иное, а на онтически иное — на бессознательное: открывается либидозным и мортидальным энергиям бессознательного. Предел этого процесса описан в восточнохристианской аскетике как «бесоудержимость», одержимость демонами, часто сопровождаемая феноменом «прелести», то есть ощущением своей религиозной правоты, даже богоизбранности: этот элемент без труда опознается в АМ-дискурсе. Исихастская традиция выработала целый «органон» для проверки опыта, производимого по ходу духов-

ной практики: в частности, прелесть-бесоодержимость узнается по специфическим симптомам гнева, гордыни, самопревозношения и тому подобного: это мы тоже без труда находим в АМ-дискурсе. АМ-практики суть практики прелестибесоодержимости, практическая реализация демонологии.

88. Фаллологоцентризм

С мортидальными энергиями (гнев, злоба, гордыня...) все ясно, но что же либидозные? Мы прекрасно видим, какую огромную долю в АМ-дискурсе занимает тематика ЛГБТК+. Фаллологоцентризм. К его уже поднадоевшей критике нужно добавить вот что: он в самой сокровенной своей сути есть «патриархальная гомосексуальность», то мужеложество, что служит бессознательной (а бывает, и вполне буквально реализуемой) скрепой «мужского» порядка — не только закрытых мужских коллективов (тюрьмы, интернаты и так далее), не только древнегреческих, средневеково-японских, ранне-нацистских военизированных коллективов, но «мужского» порядка как такового.

Об этом, впрочем, писали классики критики фаллологоцентризма (Лосев, Лакан), как и классики психоанализа (Фрейд, Жирар): сама ситуация постоянного соперничества, конкуренции, борьбы (специфически «мужская» ситуация) протраивает сексуальность субъектов этой борьбы на «гомосексуальный» лад. Мужеложество — не только основной запрет «настоящих мужчин» — и тем самый сладко-непристойный, специфически «настояще-мужской» фантазм, — но и вообще несущая конструкция «мужской» психики: «опустить» кого-то означает выстроить иерархию, то есть выстроить «логос»: боги/люди, греки/варвары, господа/рабы, тот-кто-трахает/тот-кого-трахают («мужик» и «не-мужик» — «женщина/гей»). Кто кого «имеет» — вот главное, что решается в фаллологоцентризме, вот закон его функционирования. «Иметь» во всех смыслах: собственность, власть, секс (чему противоположностями служат — нестяжание, послушание, воздержание — параметры ангельской жизни и цели исихастской практики). Это и есть «традиционные ценности».

Надо кого-то поиметь: вот самая суть дела, эротическая, «гендерная» сердцевина данного антропотренда. Эротические энергии инвестируются в практики вражды, самопревознесения, а значит унижения Врага: нужно демилитаризовать, денацифицировать — поиметь, опустить, набутылить Врага, того или иного; энергии Эроса замыкаются на/подчиняются энергиям Танатоса: и практики Вражды тем самым производят острое наслаждение. В конечном счете, это именно практики набутыливания, бесовской перекрут энергий танатоса и эроса. Он очевиден в АМ-дискурсе, в федеральном эфире, в речевых практиках пользователей соцсетей; сравните поведи патриарха, речи экспертов федеральных эфиров, речи РФ-дипломатом со, скажем, речевыми (и не только) практиками «мужского государства» и буквальными актами «набутыливания», «опускания», производимыми с регулярностью на Св. Руси, и вы поймете о чем здесь речь. Сквозной антропологический тренд «мы вас поимеем» — от властных верхов до безвластных низов; от теологии через политику и медиа к набутыливанию онлайн и офлайн. «Поиметь» — тут собираются все энергии человека в данном тренде. «Поиметь» — это есть фаллологоцентризм, который будет

окончательно опрокинут, когда скопцы воспоют новую песнь при приближении Закланного Агнца, в чем и состоит суть истории, как она нам открыта Откровением.

89. Ангелы в содоме

Весьма характерно, что знаменем борьбы с «содомией» стал эпизод с Содомом. Но ведь заметьте, что Писание прямо и недвусмысленно говорит: грех Содомы состоял в «праздности, пресыщенности и неподавании руки нищему» — то есть в грехе против социальной справедливости (пророк Иезекииль). Послание к Евреям, а вслед ему — многие Учителя Церкви, видят грех Содомы в негостеприимности к чужакам, говоря дерридиански — в неГостепреимстве к Другому: ведь содомляне хотели изнасиловать ангелов (!). Культура Содомы — культура социальной несправедливости, культура изнасилования. Очень и очень характерно, что эту историю мы превратили в историю против «геев». В действительности смысл ее таков: Бог уничтожит культуру несправедливости и насилия. История Содомы — история ангелологическая: история про попытку праздных, пресыщенных богачей, что не подавали руку нищим, изнасиловать ангелов.

90. Жертвоприносительный механизм

В конце концов, люди — существа желающие, и любая практика себя есть какая-то работа со своими желаниями. Эросом или Танатосом. Влечению к Бытию, или к Ни-что, к творчеству, или разрушению. По Лосскому: или эволюция к Царству Божьему, или «сатанинская эволюция». Социум есть то или иное переплетение желаний. Жирар утверждал, что в большинстве обществ логикой таких переплетений управляет жертвоприносительный механизм.

Человек есть существо желающее. Но отличие желания от потребности в том и состоит, что у желания нет объекта: оно не знает чего желать; это нужно вообразить. Общество указывает нам, чего желать через рекламу, моду, медиа, разного рода образцы желания. В последних все и дело. Субъекты жаждут одного и того же; начинается конфликт, борьба, конкуренция. Обществу грозит взрыв; общество охвачено тотальным насилием; насилие канализируется через убийство одного всеми — жертвоприношение. Тот умиротворяющий эффект, что приносит коллективное убийство, есть Сакральное, Божественное. Сакральное производится насилием. При том горячая стадия насилия характеризуется «галлюцинаторной монструозностью»: стадией, когда ярость, гнев и подобные чувства захлестывают людей, затмевают сознание: здесь и появляются галлюцинаторные монстры — те, что потом будут «осознаны» как «демоны, духи, боги». Так жертвоприносительный механизм завладевает воображением; так Враг становится непредставимым монстром.

Таким образом, пишет Жирар, Сакральное есть — с христианской точки зрения — демоническое. Следовательно, христианство демистифицирует, дезактивирует работу жертвоприносительного механизма, принося взамен мир, кротость, прощение, ненасилие, смирение. Так христианство изгоняет демонов.

91. Жертвоприносительная структура мышления

Скрытую работу жертвоприносительного механизма можно «засечь» по характерному для всех традиционных обществ выстраиванию бинарных оппозиций в иерархию: мужское наверху — женское внизу, греки наверху — варвары внизу, дух наверху — материя внизу и так далее: черная дыра жертвоприношения невидимой огромной своей гравитацией искривляет все социальное пространство в логике угнетения, подчинения. Жертвоприносительный механизм располагается в темном центре всего социального порядка и искривляет его: не таким образом, что он все порождает, но таким, что он все вбирает в поле своей гравитации, все искривляет относительно себя. Выгибание всех бинарных оппозиций в иерархию есть эффект жертвоприносительного механизма. Жертвоприносительный механизм — это то, что превращает соположение элементов (их онтологическое равенство) в их соподчинение.

92. Жертвоприносительная структура социума

По мере своей эволюции религиозные системы минимизируют элементы насилия и максимизируют элементы умиротворения (логика этой эволюции вписана в само жертвоприношение, которое и есть механизм перепада насилия в умиротворение). Человеческие жертвы сменяются на животные, те — на дары и так далее. Но структура остается той же, чему примером служит индийская религиозность. Она славится своей духовностью и ненасильственностью. Но одновременно она есть одна из самых разработанных жертвоприносительных систем, работающая крайне эффективно в набросанной выше логике. Индийский социум есть система каст, то есть угнетения высшими кастами нижних: социум функционирует на перманентном принесении в жертву угнетенных. Религиозно схваченная, система каст — как и индийский космос в целом — есть расчлененный труп первочеловека; его убили, и это убийство породило социальный порядок, поддерживаемый и доньше жрецами. Брахманы суть сакральные убийцы-жертвоприносители, распорядители сакрального космогонического насилия; а кшатрии — мирские убийцы-воины, распорядители мирского социогонического насилия. Притом мирный труд вайшей и шудр не сакрален. Почему? Да потому что он ненасильственен: сакральное = насилие, или иначе: власть = насилие, поэтому распорядители насилия вверху, непричастные к производству-распределению насилия — внизу. Варновая система (сакральный образец любого классового общества) выстраивается по простому принципу: участники производства-распределения насилия — элиты; участники производства-распределения мирных благ — безвластная масса. Притом, заметим, религия-метафизика-идеология переворачивает истинное положение вещей: ведь «все» (все в человеческом обществе) создается в производстве благ, то есть «вайшьями и шудрами»; «брахманы и кшатрии» не производят никаких благ, но силой насилия и обмана (сатана — отец лжи и человекоубийца от начала) паразитируют на созданном «вайшьями и шудрами»: все якобы создано насилием, то есть чистой противоположностью «производства» — созидания, творчества, пойэсиса, техне.

В начале было насилие: насилие есть архе. Традиционалистская метафизика есть метафизика насилия: демоны ☒ жрецы ☒ правители-воины.

93. Жертвоприношение в текстах Маркса

Маркс в статьях «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права» критикует секулярных (либеральных, буржуазных) идеологов за их квазирелигиозность: секулярное государство есть машина отчуждения, то есть де-факто производство сакрального, пишет Маркс. Непрерывное соперничество общества порождает квазирелигию государства — которое никогда не становится полноценно сакральным, а потому соперничество должно продолжаться, порождая/поддерживая парадоксальную «квазибожественность» секулярного.

Маркс в «Классовой борьбе во Франции» пишет:

Вот оно — *fraternité*, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой <...>. Его истинным, неподдельным, его прозаическим выражением является гражданская война. <...> Во все время господства Учредительного собрания, пока оно разыгрывало на авансцене лицедейство для почтеннейшей публики, в глубине сцены происходило непрерывное жертвоприношение — бесконечные приговоры военно-полевых судов.

Маркс жирариански деконструирует секулярное государство: ваше братство — соперничество (так и Жирар всякое упоминание братства в мифологии считал указанием на конфликт: близнячество дерущихся, двойничество насильственной обезличенности; Украинец как темный двойник Русского — выресь); основание вашего общества — взаимное насилие; учреждающий акт вашего общества — человеческое жертвоприношение; ваша публичная политика — ритуалы, воспроизводящие социогонические эффекты учредительного убийства (красивые ритуалы есть «лицедейство», скрывающее/воспроизводящее первичное убийство).

94. Война как жертвоприношение

Мы собрали нашу демонологию: то, что бытийно есть закрытость от Бытия, философски схватывается как эссенциализм, религиозно как сакрализация, идеологически как фетишизм, политически как насилие/угнетение, хонтологически как демонизм; скрепляет всю эту цепочку, порождает ее жертвоприносительный механизм.

Но рано или поздно общество охватывает «жертвенный кризис» и требуется новое жертвоприношение — скажем, война. В религиозном смысле любое пролитие крови есть жертвоприношение. Война есть огромное жертвоприношение, то есть огромное производство Сакрального/Демонического. В чем здесь проблема? Жирар пишет, что христианство, демистифицировав/деактивировав жертвоприносительный механизм, в сущности, больше не дает насилию умиротвориться. Так

христианство ставит человечество в апокалиптическую ситуацию: или абсолютный мир-кротость-ненасилие, или Глобальная Гибель в ядерном пожаре, последнее торжество насилия-демонического.

95. Новости

Все мы так или иначе воспроизводим свой участок социальной машины вместе с ее персонификацией — элитами; все мы — элементы машины, отчуждающей нашу активность — активность, которая и пускает в ход эту машину. Правитель есть ее фетишидол, если не прямо бог-демон, как в более откровенных древних религиях. Наша захваченность новостной повесткой есть, в одном из своих аспектов, воскурение фимиама этому фетишу, демонолатрия. Наше сознание, наша психика захвачены «новостями», то есть ментальными устройствами, через которые мы подключены к персонификатору-фетишу военно-политической машины. Ангелология, в частности, и есть лекарство от этого одержания, этого заражения нашей психики темными силами власти и войны.

96. Лестница сдерживания

И фронт, и тыл множеством практик замкнуты на людей, принимающих военные решения. Но и деятельность генералов, сановников, министров, президента и так далее, как и всякая деятельность, есть в каком-то аспекте и практика себя. Мы многое теперь знаем об РФ-доктрине применения ядерного оружия, в частности, мы узнали о «лестнице сдерживания». Война имеет три стадии: 1) приведение ситуации в сильно неравновесное состояние, начало войны, затем — 2) наращивание уровня эскалации, при которой, согласно упомянутой доктрине, наступает момент сначала угрозы, затем — демонстрации готовности, затем — единичного применения ядерного оружия; затем же ступень за ступенью (по Хоружему, всякая духовная практика имеет ступенчатую парадигму) мы доходим по этой логике вплоть до 3) чего-то вроде «телоса» этого процесса — ядерного уничтожения нашего мира.

Но каждый из этапов — это все же решение каких-то конкретных людей, то есть их «практика себя», их движение к соединению с Глобальной Гибелью, Панубийством, куда мы включены не только как пассивные наблюдатели-жертвы, но отчасти и как виновники, не нашедшие средств блокировать этот процесс, а отчасти и как (псевдо)активные участники, подключенные к процессу через пропаганду-идеологию; через ряд других практик каждый из нас замкнут на тех, кто способен практиковать движение к Пансмерти. Ведь все мы видим, что нас все это время готовят к нормальности применения ядерного оружия, втягивают во что-то вроде согласия с ядерной войной.

97. Атомное православие

Есть у всего этого буквальная теологическая перемычка: «Они все сдохнут, а мы — в рай»; «Серафим Саровский — духовный щит Родины, наряду с ее ядерным щитом»: «атомное православие» и тому подобное. Насколько нам известно, у этих конкретных

людей есть даже и духовники, то есть руководители их духовных практик: будущие историки (если таковые будут) смогут, вероятно, найти тут что-то интересное. Наверное, можно было бы прицельно сравнить ступени духовной лестницы и ступени лестницы сдерживания. Если первая генерирует такие результирующие соединением с Вечной Жизнью специфические формы «себя», как кротость, незлобливость, безгневие, любовь и так далее, то вторая, самоочевидно, генерирует прямо противоположные формы. В частности, пределом этой противоположности служит Глобальная Гибель, которая ныне не апокалиптический фантазм, но относительно простая технологическая возможность. Человечество способно произвести Глобальную Гибель; в Вечную Жизнь мы не верим. Райская лестница подменена лестницей сдерживания. «Экватор» исихастской практики (главная цель срединного ее этапа) — «схождение ума в сердце», воссоединение интеллектуальных и аффективных энергий, созидание «антропологического/онтологического двигателя», осуществляющего движение в направлении нетварности, сквозь онтологический горизонт. «Экватор» военной практики (к которому, по некоторым признакам, мы приблизились) — принятие решения о применении ядерного оружия, и в людях, которые это решение примут, произойдет нечто зеркально-противоположное «схождению ума в сердце» — созидание некоего внутреннего «двигателя», осуществляющего движение в направлении к Пансмерти. Что же тогда есть Панубийство в ядерном пожаре как не максимальное жертвоприношение, совершенное соединение с Сакральным, с Сатаной?

Анализ текущих антропотрендов, несомненно, показывает мощь практик соединения с Глобальной Гибелью и немощь практик соединения с Вечным Блаженством. Победу практической демонологии над практической ангелологией.

98. Теургия

Это, в частности, показывает, что я здесь, в России начала октября 2022 года, не могу придумать ничего лучше, чем ассамбляж разных старых концептов. Как активировать силы нашего воображения, как снова поверить/представить/вообразить Утопию? На этот вопрос пусть ответит Вячеслав Иванов, последний элемент нашего ассамбляжа — автор, который в чудной своей книге о Достоевском напрямик выстраивает свой вариант политической демонологии и что-то вроде своей версии политической ангелологии («агиократия»).

Вяч. Иванов — изысканнейший, рафинированный интеллектуал, мыслитель, поэт, может быть, самый прихотливый цветок русской культуры и — что для нас особенно важно — христианский анархо-коммунист.

Его мысль крутится вокруг трех тем, все из которых можно задать термином «теургия»: религия (миф, культ, метафизика), искусство (воображение), общественность (политика, экономика). Самоуправляемая свободная община в своем коллективном действе (искусстве/культе) размыкается к/создает миф как символ высшей реальности: производит теургию. Теология и эстетика «Советов», либертарных коммун. Что важно, продуктом воображения этих коммун более не будет Сакральное-Демоническое, ибо коммуны эти бесклассовы, то есть никого не угнетают, а следовательно, не запускают жертвоприносительный механизм и не искажают от-ображение истины бытия.

99. Арт-анархо-коммунизм

Иванов чрезвычайно важен как критик модерна, как пророк грядущей на смену модерну органической эпохи. Буржуазный индивидуализм, достигая пика, самопреодолевается в анархизме как синтезе правды индивидуализма (правды свободы, правда личности) и «хорового начала», «соборности» (правды солидарности, свободного союза свободных личностей). Модерн (капитализм) был временем атеизма и материализма; новая органическая эпоха («постмодерн») будет временем нового мифа и новой мистерии, эпохой религиозного соборного творчества. Иванов проводит тотальное преобразование реальности в синтезе свободы, соборности, искусства, религии; он проводит некое единое религиозно-анархистское преобразование по социальному, политическому, экономическому, художественному, метафизическому измерениям. Ликвидация частной собственности, рынка, государства; новое искусство, новый миф; революция как коллективная, религиозная арт-акция, как наиреальнейшая теургия. Так пролетарий становится поэтом, производство — пойнтом.

«Оргия» есть мистерия, культ, где каждый участник — жрец: в ней действует коллективизм оргийного тела, творчество свободной, эгалитарной общины. Это художественно-религиозно-политическая утопия анархизма. Таким путем преодолевается кризис современного искусства (кризис воображения).

Искусство натуралистическое отражает лишь убогую буржуазную реальность; искусство идеалистическое мнит его преобразить, но преобразует только призраки своего сознания. Искусство «современное» не отражает вовсе ничего: оно констатирует смерть воображения. Но сакральное искусство ранней Античности и Средневековья (греческие трагедии, церковный культ) отражали бытие наиреальнейшее и реально преобразовали нашу эмпирическую реальность. Ему свойственен реалистический символизм, где символы — не игра фантазий, а отображения высших/глубинных реальностей: священные выдумки по Дионисию. Это проблема «хора»: соборность, реальное преобразование реальности коллективом; искусство-практика, теургия; реально преобразующие реальность общины, проживающие общий миф в общей мистерии. «Символ» — искусство, «миф» — религия, «хор» — социальность: от символа к мифу, от мифа к хору. Мистерия есть их единство — всенародное религиозное действие.

100. Конец и Богу слава

Свободное народоправство, свободные народные общины порождают/обретают миф и самосозидаются в общей мистерии. Свободная анархическая социальность родит новый миф и новое искусство. Мистерия есть самопроявление анархо-религиозной общины: свобода, равенство, братство, безвластие, самоуправление, миф, мистерия, теургия, искусство. Буржуазное общество отчуждает у масс не только их время, способности, смыслы, но и искусство, но и религиозность; массы вернут все это себе в революции, созидая соборность/анархию.

Искусство и религия суть «надстройка» над социально-экономическим «базисом». Кризис искусства и атеизм/материализм есть «надстройка» капитализма. Только по

упразднении капитализма, только по утверждению анархо-коммунизма явятся новый миф и новое искусство (новое воображение). Свободное творчество либертарно-эгалитарных общин будет способно на общение с ангелами. А мы — как тот шутник из романа Честертона — не верим в это, а только шутим; но, быть может, кто-то другой, читая эти обрывки старых концептов, поверит и запустит революцию.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Владимир Шалларь
Ангелы и способы производства

Перепечатка по изданию: **Владимир Шалларь**. Ангелы и способы производства.
Эгалитэ : Неверленд, 2024.

... яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранить ты во всех путех твоих ...

Может ли православный быть ленинистом? (Бого)вдохновенный слог смиреннейшего Владимира Шалларя раскрывает интеллектуальный проект материалистической ангелологии, кроющийся не только в мистическом опыте самого автора, но по ту сторону хребтов постсекулярной субъективности. Либертарная теология Шалларя не делит мир на «безбожных» ангелов и «верующих» демонов, но в то же время ставит очень верный вопрос: если на твоей стороне бог, то кто против тебя?

Коля Нахшунов, Post-Marxist Studies

ru.anarchistlibraries.net